

В. К. ВОЛКОВ

ГЕРМАНО-
ЮГОСЛАВСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И
РАЗВАЛ
МАЛОЙ АНТАНТЫ
1933 - 1938

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. К. ВОЛКОВ

ГЕРМАНО-ЮГОСЛАВСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И РАЗВАЛ
МАЛОЙ АНТАНТЫ

1933—1938

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Д. КОРОЛЮК

ВВЕДЕНИЕ

Юго-Восточная Европа издавна была объектом противоречий между империалистическими державами. Эти противоречия с новой силой вспыхнули в годы, предшествовавшие второй мировой войне. После прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. германский империализм открыто поставил вопрос о новом переделе мира, выдвинул программу борьбы за мировое господство. В этих планах большое внимание уделялось странам Балканского полуострова и Дунайского бассейна.

Гитлеровцы взяли на вооружение идею создания «Срединной Европы». Это были старые пангерманистские планы широких захватов на юго-востоке Европы. Гитлеровская экспансия на Балканы не была случайным или второстепенным направлением немецкой внешней политики. Это было одно из магистральных направлений экспансии германского империализма, которое к тому времени успело превратиться в «традиционное» и обрести солидным идеологическим обоснованием¹.

История германо-югославских отношений в 1933—1938 гг. представляет огромный интерес. Стремясь к ликвидации Версальской системы вообще, фашистская Германия направила усилия и против ее порождения в Юго-Восточной Европе — Малой Антанты. Для подрыва Малой Антанты изнутри гитлеровцы разжигали проти-

¹ А. М. Дебордин. «Срединная Европа» — оружие германских империалистов. (Из истории идеологической подготовки двух мировых войн). «Вопросы истории», 1954, № 8; J. P a j e w s k i. «Mitteleuropa». — «Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej». Poznań, 1959.

воречия, существовавшие между отдельными ее участниками — Югославией, Чехословакией и Румынией, а также между Малой Антантой в целом и Францией. Франция в течение долгого времени использовала Малую Антанту как одно из важнейших орудий своей внешней политики и составное звено антисоветского «санитарного кордона». Применяя различные формы экономического, политического и идеологического воздействия, фашистская дипломатия сумела добиться изменения внешнеполитического курса правящей монархо-фашистской клики Югославии и использовать ее для подрыва Малой Антанты.

Поворот внешней политики Югославии накануне второй мировой войны сыграл крупную роль в исходе борьбы империалистических держав за преобладание на Балканах. Пользуясь попустительством западных держав и профашистской политикой правящих кругов Югославии и других балканских стран, гитлеровская Германия добилась доминирующего влияния в этом районе. Проследить сущность и изменения во внешней политике Югославии в рассматриваемый период, вскрыть их причины и проанализировать последствия — такова цель предлагаемой монографии.

Автор ставит перед собой задачу исследовать германо-югославские отношения в 1933—1938 гг., т. е. с момента прихода фашизма к власти в Германии до мюнхенского сговора империалистических держав. Этот период изобилует сложными и важными проблемами, которые, тем не менее, слабо исследованы в исторической литературе. Интерес к ним резко возрос в самые последние годы и сразу же приобрел актуальность в связи с попытками западногерманских реваншистов и стоящего на их службе остфюринга обелить гитлеровскую политику в отношении народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Германо-югославские отношения явились предметом острой дискуссии на двух конференциях югославских и западногерманских историков: в 1959 г. в Брауншвейге и в 1961 г. в Дубровнике. Основой для дискуссии послужил доклад западногерманского историка д-ра К.-Д. Мейсса²

² Доклад д-ра Мейсса базировался на материале его диссертации (К.-Д. Мейсс. Die deutsch-jugoslawischen Beziehungen von Hitlers-Regierungsantritt bis zum Ausbruch des 2. Weltkrieges. Göttingen, 1956).

о германо-югославских отношениях между двумя мировыми войнами, который вызвал многочисленные критические замечания югославских историков. Односторонне и некритически используя немецкие материалы и источники, д-р Мейсс дал искаженную и по сути дела фальсифицированную картину отношений Германии и Югославии, произвольно вырвал их из общего комплекса международных отношений того времени³.

В вышедшей в 1962 г. в Нью-Йорке книге американского исследователя Д. Гоптнера «Кризис Югославии. 1934—1941»⁴ предпринята попытка обелить предательскую, антинародную политику монархо-фашистских правителей Югославии, изобразить их в виде либералов, которые только в силу обстоятельств были вынуждены приспособливаться к политике фашистских государств и сотрудничать с ними⁵.

В работах К. Мейсса и Д. Гоптнера ярко отразились тенденции, наметившиеся в западногерманской и американской исторической литературе по указанным проблемам. Их политическая тенденциозность заставляет с особой серьезностью подойти к изучению проблем внешней политики Югославии и германо-югославских отношений накануне второй мировой войны и дать их анализ с позиций марксистско-ленинской методологии.

При изучении интересующих нас проблем была использована советская и зарубежная литература. Основные черты развития международных отношений того времени освещены в таких крупных коллективных трудах советских ученых, как «История дипломатии»⁶ и «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.»⁷. Большой вклад в изучение балканских проблем и югославской политики внесли работы одного из основателей КПЮ, крупного деятеля Коминтерна Филипа Филиповича (1878—1938), который последние годы своей жизни находился в Москве и сотрудничал в совет-

³ «Jugoslovenski istorijski časopis», 1962, N 1, str. 152—153.

⁴ J. B. Hoptner. Yugoslavia in Crisis. 1934—1941. New York and London, Columbia University Press, 1962.

⁵ Разбор книги Дж. Гоптнера дан в рецензии автора данной работы («Новая и новейшая история», 1963, № 3).

⁶ «История дипломатии», т. III. М., 1945.

⁷ «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.», т. I. М., 1961.

ских научных учреждениях. В середине 30-х годов он опубликовал на русском языке под псевдонимом «Б. Бошковиц» ряд трудов, сохранивших значение до настоящего времени⁸. Широкая картина экономического и политического положения стран Юго-Восточной Европы и их роли в международных делах в межвоенный период была дана в работе советского ученого З. Липпая⁹. Общие черты гитлеровской экспансии на Балканах были прослежены в работах И. Н. Чемпалова¹⁰ и В. Т. Фомина¹¹, политика Англии и Франции освещалась в работах А. М. Некрича¹² и З. С. Белоусовой¹³. Но, несмотря на достоинства этих работ, они поднимали главным образом общие проблемы и уделяли мало внимания специфике внешней политики Югославии и германо-югославских отношений.

Большой материал, посвященный политике отдельных стран Юго-Восточной Европы в интересующий нас период, содержится в работах советских историков Л. Б. Валева¹⁴, А. И. Пушкаша¹⁵, В. М. Турока¹⁶ и А. А. Язковой¹⁷.

Единственной работой в советской литературе по истории германо-югославских отношений является статья

⁸ Б. Бошковиц. Малая Антанта. Социально-экономический очерк. М., 1934; Он же. Перед новым взрывом на Балканах. Итало-югославские противоречия. М., 1934; Он же. Балканы и международный империализм. М., 1936.

⁹ З. Липпай. Борьба империалистов в Дунайском бассейне. М., 1939.

¹⁰ И. Н. Чемпалов. Германская экспансия на Балканах в 1933—1938 гг. «Уч. зап. Уральского гос. ун-та», вып. 25 (истор.), 1958.

¹¹ В. Т. Фомина. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963.

¹² А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 г. — сентябрь 1939 г.). М., 1955.

¹³ З. С. Белоусова. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964.

¹⁴ Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964.

¹⁵ А. И. Пушкаш. Венгрия во второй мировой войне (внешняя политика Венгрии. 1938—1944). М., 1963.

¹⁶ В. М. Турок. Очерки истории Австрии. 1929—1938. М., 1962.

¹⁷ А. А. Язкова. Румыния накануне второй мировой войны (1934—1939). М., 1963.

В. Т. Фомина¹⁸, однако ее фактический материал выходит за хронологические рамки настоящей монографии и в большей части относится к начальному периоду второй мировой войны.

Таким образом, в советской исторической науке занимающие нас вопросы не нашли еще достаточного освещения.

Ряд интересных проблем, связанных с международными отношениями в Юго-Восточной Европе, историей Малой Антанты и внешней политикой Югославии, поднят в работах ученых европейских социалистических стран, которые написаны на основе изучения архивных фондов соответствующих стран и вводят в научный оборот значительный фактический материал¹⁹.

В современной югославской исторической литературе вопросы внешней политики страны в межвоенный период по сути дела только начинают изучаться. Отдельные имеющиеся работы представляют собой либо краткие обзорные статьи, либо разделы обобщающих трудов, не посвященных специально исследованию внешней политики²⁰.

¹⁸ В. Т. Фомина. Подготовка немецко-фашистской агрессии против Югославии (1937—1941). «Вопросы истории», 1957, № 6.

¹⁹ П. А р с о в. Българо-югославският пакт от 1937 г. — балкански Мюнхен. «Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс», кн. 1. София, 1961; О н ж е. Икономическата политика на империалистическите държави на Балканския полуостров. «Трудове на Висшия икономически институт», кн. 1, 1963; М. А д а м. Из истории венгерско-чехословацких отношений накануне второй мировой войны. «Вопросы истории», 1960, № 9; «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939». Сборник статей. Пер. с чешск. М., 1959; H. B a t o w s k i. Koniec Małej Ententy. «Przegląd Zachodni», 1951, N 3—4; H. B a t o w s k i. Kryzys dyplomatyczny w Europie. Jesień 1938 — wiosna 1939. Warszawa, 1962; I. B e r e n d and Gy. R á n k i. German-Hungarian Relations following Hitler's Rise to Power (1933—1934). «Acta historica», Budapest, 1961, t. VIII, N 3—4; E. C a m p u s. Le rôle de la Roumenie dans le désagrégation de la Petite Entente. Bucarest, 1955; L. K e r e k e s. Akten des ungarischen Ministeriums des Äusseren zur Vorgeschichte des Annexion Österreichs. — «Acta historica», Budapest, 1960, t. VII, N 3—4; A. O r t. Plán dunajského paktu (1935). «Československý časopis historický». Praha, 1955, t. III, N 4; A. O r t. Malá dohoda a Mnichov. «Československý časopis historický». Praha, 1954, t. II, N 2. L. D e á k. Cesta prezidenta Beneša do Juhoslávie roku 1937. «Slovenský prehľad», 1965, № 4.

²⁰ J. V r č i n a c. Spoljna politika Jugoslavije u periodu 1919—1941. «Iz istorije Jugoslavije. 1918—1945». Zbornik predavanja. Beog-

В последнее время к изучению этих проблем приступили некоторые югославские ученые. Особо выделить следует работы Ж. Аврамовского²¹ и Д. Бибера²².

Обширная литература, посвященная проблемам Юго-Восточной Европы, существует и в западной буржуазной историографии. Работы Х. Сетон-Уотсона, Р. Макрея, А. Баша, В. Трое и др., написанные с позиций буржуазного объективизма, касаются не только политических, но и экономических вопросов²³.

Имеющаяся литература довольно подробно освещает развитие международных событий на Юго-Востоке Европы в канун второй мировой войны, но, как правило, не останавливается на анализе отношений Германии и Югославии в указанный период.

В основу настоящей монографии были положены архивные материалы, хранящиеся в советских архивах, и различные опубликованные источники.

При написании настоящей работы, были использованы фонды Архива внешней политики СССР, особенно советских дипломатических миссий в балканских и придунайских странах — Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии и Греции, содержащие обзоры прессы перечисленных стран и сводки внутриполитических и дипломатических событий. Эти материалы дают очень широкую картину развития международных отношений в

rad, 1958, str. 299—313; F. Culinović. Jugoslavija između dva rata, t. 1—2. Zagreb, 1961.

²¹ Ž. A v r a m o v s k i. Sukob interesa Velike Britanije i Nemačke na Balkanu uoči drugog svetskog rata. «Istorija XX veka». Zbornik radova, t. II. Beograd, 1961; Ž. A v r a m o v s k i. Problem Albanije u jugoslovensko-italijanskom sporazumu od 25.III 1937 g. «Istorijski preglad», god. IX, N 1. Zagreb, 1963; Ž. A v r a m o v s k i. Pitanje učešća Jugoslavije u vojnim sankcijama protiv Italije za vreme italijanske agresije na Etiopiju (1935—1936). «Jugoslovenski istorijski časopis», 1964, N 1, etc.

²² D. B i b e r. Pregled izvora za pitanje jugoslovensko-nemačkih odnosa 1933—1941. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, N 1; D. B i b e r. Ustaše i Treći Reich. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1964, N 2.

²³ H. S e t o n - W a t s o n. Eastern Europe between the Wars. 1918—1941. Cambridge, 1945; R. M a c h r a y. The Struggle for the Danube and the Little Entente 1929—1938. London, 1938; A. B a s c h. The Danube Basin and the German Economic Sphere. New York, 1943; W. T r e u e. Das Dritte Reich und die Westmächte auf dem Balkan. «Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte», Jg. 1, H. 1, 1953.

Юго-Восточной Европе и политики великих держав в этом районе. Ряд обнаруженных здесь обзоров югославской дипломатической деятельности, несмотря на всю их отрывочность и неперIODичность (в Белграде вплоть до 1940 г. не было советского представительства), вскрывают важные стороны внешней политики страны.

Большой интерес представляют хранящиеся в Историко-дипломатическом архиве (ИДА) в Москве микрофильмы немецких трофейных архивов, которые решением Советского правительства были переданы в распоряжение правительства ГДР. Для настоящей работы особенно важны микрофильмы документов из архива гитлеровского министра иностранных дел фон Нейрата, включающие его переписку с немецким послом в Белграде и материалы о поездке в Югославию и на Балканы летом 1937 г. Эти документы проливают новый свет на роль правящих кругов Югославии в формировании мюнхенской политики западных держав и характер германо-югославских отношений.

Наряду с перечисленными архивными материалами были использованы некоторые другие документы, а также советские и зарубежные публикации документов.

Большую ценность представляет предпринятая советским и чехословацким министерствами иностранных дел совместная публикация «Новые документы из истории Мюнхена»²⁴. Ряд конкретных аспектов гитлеровской политики в Юго-Восточной Европе вскрывают советские публикации документов из архивов министерства иностранных дел Германии²⁵, а также материалы Нюрнбергского процесса²⁶. В переведенном на русский язык сборнике венгерских дипломатических документов²⁷ показывается, в частности, какое большое внимание уделяла немецкая дипломатия венгеро-югославским отношениям, видя в них действенное средство подрыва Малой Антанты.

В монографии широко использованы публикации немецких, английских и американских дипломатических

²⁴ «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958.

²⁵ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I—II. М., 1958.

²⁶ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов», т. 1—7. М., 1957—1961.

²⁷ «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны». Пер. с венг. М., 1962.

документов²⁸, а также мемуары и дневники политических деятелей того времени: Г. Чиапо, А. Розенберга, Э. Бенеша, румынского министра иностранных дел Н. Комнена и др.²⁹ В своей совокупности они дают большой фактический материал по истории германо-югославских отношений, несмотря на тенденциозность их издателей и авторов³⁰.

Одним из важнейших источников при написании данной работы являлись материалы прессы: советских газет «Известия» и «Правда», журналов «Большевик», «Мировое хозяйство и мировая политика», журнала «Коммунистический Интернационал», югославских газет «Политика» и «Время» и журналов «Народно благостане» и «Нова Европа», а также журналов «The Great Britain and the East», «Europäische Stimmen» и др.

* * *

Предлагаемая монография заканчивается анализом внешней политики Югославии во время мюнхенского соглашения, означавшего, помимо прочего, конец Малой Антанты. В истории германо-югославских отношений и германского проникновения на Балканы мюнхенское соглашение является важной вехой. Послемюнхенский период уже связан с нарастанием в Европе политического кризиса накануне второй мировой войны.

²⁸ «Documents on German Foreign Policy. 1919—1939». Series C and D. London, 1949 etc.; «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Second and Third Series. London, 1949 etc.; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1933—1938». Washington, 1949—1956.

²⁹ «Ciano's Diary. 1937—1938». London, 1952; G. C i a n o. *L'Europa verso la catastrofe*. Verona, 1948; «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs aus den Jahren 1934—1935 und 1939—1940». Göttingen, 1956; «Memoirs of dr. E. Beneš. From Munich to New War and New Victory». Boston, 1954; N. P. C o m n é n e. *Preludi del grande dramma*. (Ricordi e documenti di un diplomatico). Roma, 1947.

³⁰ Когда данная монография находилась уже в печати, автор получил возможность ознакомиться с мемуарами М. Стоядиновича (Dr. Milan M. S t o j a d i n o v i ć. *Nirat, ni pakt. Jugoslavija između dva rata*. Buenos Aires, 1963). Их изучение показало, что они не содержат каких-либо новых фактов.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ В 1933 — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1935 г. ОПЕРАЦИЯ «ТЕВТОНСКИЙ МЕЧ»

Внутриполитическое и международное положение Югославии в начале 30-х годов. Возобновление германской экспансии в Дунайском бассейне и позиция Малой Антанты

В начале 30-х годов внутреннее положение Югославии характеризовалось прогрессирующим разложением монархо-фашистского режима в результате борьбы трудящихся масс за политические, социальные и национальные права.

Процесс разложения политического режима, установленного 6 января 1929 г., ускорился под влиянием мирового экономического кризиса.

Югославия вступила в полосу экономического кризиса позднее, чем более развитые капиталистические страны Европы. Это обстоятельство облегчало правительству задачу подавления революционного движения в стране. Но уже с конца 1930 г. экономическое положение Югославии стало быстро ухудшаться, а в 1931 и 1932 гг. кризис обрушился на страну. Он охватил все стороны югославской экономики: и промышленность, и сельское хозяйство, и финансы страны.

В годы кризиса особенно резко проявился великосербский характер политики монархо-фашистского режима.

Великосербский национализм сказывался во всех областях жизни страны. Попытки сербизации остальных народов, входивших в состав Югославии, принимали все более и более откровенный и грубый характер.

Великосербская политика правительства в национальном вопросе, его неспособность справиться с экономическими трудностями, тенденция переложить последствия экономического кризиса на несербские области страны вызвали отход от диктаторского режима части тех буржуазных слоев, особенно в Хорватии и Словении, которые вначале были его опорой и поддерживали короля Александра.

Правительство пыталось преодолеть внутренние трудности путем террора, обрушивая все новые репрессии против растущего революционного и национального движения в стране. Диктаторским режимом предпринимались и политические маневры, имевшие целью создать себе массовую опору в стране, а также придать видимость «законности» царившему в Югославии произволу.

3 сентября 1931 г. король Александр в специальном обращении к народу объявил о «даровании» конституции¹. Новая октроированная конституция по существу ничего не меняла в государственном устройстве Югославии. Она лишь закрепляла реакционные порядки в стране, слегка прикрыв их вуалью ложного парламентаризма. Однако правительственная пропаганда трубила о том, что конституция открывает якобы новую эру в жизни страны, о демократизации общественного строя и т. п.² Конституция³ оставляла в силе все чрезвычайные законы, принятые после государственного переворота 6 января 1929 г.

На словах конституция провозглашала «личную свободу граждан», свободу печати, свободу собраний и союзов. Однако в ней содержались оговорки, что этими правами можно пользоваться «в рамках закона», «кроме слу-

¹ О предшествовавших этому политических маневрах правительства см.: T. Stojković. Građanska opozicija i skupštinski izbori od 8 novembra 1931 godine. «Istorija XX veka». Zbornik radova. Beograd, 1962, t. IV, str. 254—259.

² F. Čulinović. Jugoslavija između dva rata, t. II. Zagreb, 1961, str. 31.

³ См. «Конституции буржуазных стран», т. II. М., 1936, стр. 80—101.

чаев, особо предусмотренных законом», и т. п. Законы же продолжали оставаться прежними, основой всего монархо-фашистского правопорядка являлся чрезвычайный «Закон об охране государства».

Выборы в скупшину были назначены на 8 ноября 1931 г. Буржуазные оппозиционные партии даже не попытались воспользоваться предвыборной кампанией для борьбы с диктаторским режимом⁴. В то же время Коммунистическая партия Югославии, находившаяся в подполье и ослабленная в результате террора, также не смогла выступить как организованная сила. Отдельные же ее организации, мало связанные друг с другом, были слишком слабы, чтобы возглавить массовое народное движение⁵. Выборы проходили в обстановке террора и насилий, их результаты были фальсифицированы. Согласно официальным данным, за правительственный список кандидатов в депутаты было подано 2342 тыс. голосов из общего числа 3483 тыс. зарегистрированных избирателей, что составляло 67,2% голосов⁶. Все 306 мандатов получили правительственные депутаты. Белградская пресса пыталась изобразить эти «результаты» как свидетельство одобрения народом политики монархо-фашистского режима. В действительности же, судя по некоторым данным, в выборах приняло участие по всей стране не более 15% избирателей⁷.

Однако эти политические маневры и деятельность созданных правительством партий не оправдали возлагавшихся на них надежд, не смогли укрепить великосербскую диктатуру и создать ей широкую социальную базу. Дальнейшее развитие революционного и национально-освободительного движения ставило под вопрос само существование диктаторского режима в Югославии.

Особенно активно выступало против монархо-фашистской диктатуры в стране белградское студенчество, среди которого росло влияние коммунистов. Зимой 1931/32 г. студенты Белградского университета неоднократно орга-

⁴ Т. Стојков. Указ. соч., стр. 264—290.

⁵ Ј. Марјановић. Радничка класа и КПЈ на изборима за Народну скупштину. «Историјски гласник», 1950, 1—2, стр. 47.

⁶ Т. Стојков. Указ. соч., стр. 293—294.

⁷ S. Pribićević. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1953, str. 106.

низывали митинги и демонстрации, направленные против диктаторского режима. Выступления студентов сопровождались столкновениями с полицией и жандармерией.

В начале 1933 г. в Югославии сложилось широкое политическое движение за федеральное переустройство государства. Оно охватывало сербские, хорватские и словенские буржуазные партии и группы. К нему примкнули также Боснийская мусульманская организация и группа черногорских федералистов во главе с С. Дрлевичем. Несмотря на свою умеренность и отсутствие активных действий, оно вызывало большое беспокойство у правительства, ибо свидетельствовало о том, что диктаторский режим в стране терпит полный крах в попытках разрешить национальный вопрос на основе унитаризма и сербизации.

Правительству удалось путем репрессий сдержать дальнейшее развитие буржуазного оппозиционного движения. Пользуясь его слабостью и разобщенностью, диктаторский режим расправился с рядом политических противников из буржуазного лагеря.

Напряженной обстановкой внутри Югославии и падением ее международного престижа попытались воспользоваться ее противники. В Италии еще в 1931 г. свила гнездо националистическая, сепаратистская организация хорватских фашистов-усташей во главе с А. Павеличем. Она представляла собой копию реакционной Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) В. Михайлова. Усташи нашли приют и поддержку не только в Италии, но и в Венгрии и организовали на их территории свои лагеря. Здесь они обучались разным методам подрывной деятельности и шпионскому ремеслу. Путем диверсионных и террористических актов на территории Югославии усташи думали обострить положение в стране и усилить сепаратистское движение в Хорватии.

Особенно резкое ухудшение итало-югославских отношений наступило с лета 1932 г., когда Муссолини возглавил итальянское министерство иностранных дел⁸. Примерно в это время были прерваны длившиеся около года секретные итало-югославские переговоры о нормализации отношений, находившиеся уже в стадии завершения.

⁸ L. Villari. Italian Foreign Policy under Mussolini. New York, 1956, p. 84.

Итальянское правительство мотивировало прекращение переговоров ссылками на внутреннее положение Югославии, которое не казалось ему достаточно прочным для заключения политического соглашения⁹.

Отношения с Италией определяли в этот период многие стороны деятельности югославской дипломатии. Внимательно следивший за внешней политикой Югославии немецкий посланник в Белграде А. Дуфор, оценивая позицию короля Александра, писал, например, что «во внешней политике Италия, особенно Муссолини, была для него альфой и омегой всех его мыслей и забот»¹⁰.

Усиление напряженности в отношениях с Италией побуждало Югославию искать выход из создавшегося положения. Правящие круги страны видели его в укреплении союза с Францией и вступлении в Малую Антанту. Эти союзы были основой основ всей югославской политики. Однако именно в отношениях с Италией они не давали Югославии достаточных гарантий безопасности. Это парадоксальное на первый взгляд положение скрывало в себе зерно глубоких противоречий Югославии со своими союзниками.

С начала 30-х годов борьба германского империализма против Версальской системы вступила в решающую фазу.

Для Югославии и других стран Малой Антанты это представляло тем большую опасность, что немецкая экспансия была направлена против стран Дунайского бассейна и грозила опрокинуть сложившуюся в Центральной и Юго-Восточной Европе систему международных отношений. К этому времени германская дипломатия уже добилась ликвидации наиболее неудобных для нее постановлений Версальского договора, таких, как финансовый и военный контроль и прекращение оккупации Рейнской области. Руководители внешней политики Германии считали, что они проделали уже значительную часть пути для достижения поставленных задач¹¹. Новым актом ревизии Версальской системы явилось заключение австро-германского соглашения о таможенном союзе от 19 марта 1931 г.

⁹ «Documents on German Foreign Policy» (далее — DGFP), series C, vol. I, doc. 99, p. 182.

¹⁰ Там же, док. 279, стр. 511.

¹¹ J. C u r t i u s. Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik. Heidelberg, 1948, S. 179.

Оно не только прямо нарушало Сен-Жерменский мирный договор (ст. 88) и Женевский протокол от 4 октября 1922 г. о независимости Австрии, но и воскрешало экспансионистские планы пангерманцев о создании «Срединной Европы» и идеи присоединения Австрии к Германии.

Создавшаяся ситуация вынуждала Малую Антанту принимать меры для укрепления безопасности входивших в нее стран. Собравшаяся еще в декабре 1931 г. в Праге конференция начальников генеральных штабов армий трех стран¹² рассмотрела оперативные планы на случай возникновения общеевропейской войны. Сама постановка вопроса о возможности развития событий в этом направлении красноречиво говорила о настроениях правящих кругов Югославии, Чехословакии и Румынии.

В течение лета и осени 1932 г. международное положение продолжало обостряться. 31 июля 1932 г. в Германии прошли выборы в рейхстаг, которые показали большой рост влияния национал-социалистов. Возможность прихода фашистов к власти стала реальной, и страны Малой Антанты должны были считаться с нею. Важные изменения происходили и в Венгрии, за политикой которой особенно пристально следили Югославия, Румыния и Чехословакия. В сентябре 1932 г. к власти в Венгрии пришло правительство Гембеша, не скрывавшее своих симпатий к фашистской Италии и немецкому национал-социализму. В опубликованной в печати программе правительства Гембеша открыто ставился вопрос о ревизии мирных договоров, хотя и оговаривалось, что ревизия должна быть произведена «мирными средствами»¹³. При новом правительстве влияние военных кругов на государственный аппарат значительно возросло, а военные приготовления заметно усилились.

Международная обстановка настоятельно требовала укрепления Малой Антанты. Этой задачей занялась чрезвычайная конференция Малой Антанты, которая собралась в Белграде 18—19 декабря 1932 г. Она рассмотрела политическое положение в Европе, уделив особое внимание германским и итальянским планам ревизии мирных дого-

¹² Регулярные совещания начальников генеральных штабов югославской, румынской и чехословацкой армий начали проводиться с 1929 г.

¹³ С. А. Macartney. October Fifteenth. A History of Modern Hungary. 1929—1945. Part 1. Edinburg, 1957, p. 116.

воров и вытекающей отсюда опасности для стран Малой Антанты. Были обсуждены вопросы разоружения, военных долгов и экономические проблемы Дунайского бассейна. Проанализировав политику великих держав, конференция подчеркнула опасность, возникающую, по словам Э. Бенеша, из-за «аппетитов великих держав, поскольку великие державы периодически будут пытаться командовать нами, как колонией»¹⁴. Чехословацкий министр иностранных дел, по соглашению с французской дипломатией, предлагал укрепить Малую Антанту путем превращения ее в новое «государство». Для этого надо было учредить постоянные органы Малой Антанты — совет и секретариат (по образцу Лиги Наций). Бенеш предлагал даже переименовать Малую Антанту в Центрально-Европейскую Лигу¹⁵, подчеркивая значение этих мер. Новый пакт должен был включать в себя политические, военные и экономические положения. Детальную разработку проекта пакта конференция поручила Бенешу. Текст пакта должен был быть рассмотрен и принят на следующей конференции министров иностранных дел Малой Антанты, назначенной на февраль 1933 г. и приуроченной к очередной сессии Лиги Наций в Женеве.

**Приход фашизма к власти в Германии
и заключение Организационного пакта Малой Антанты.
Борьба Малой Антанты против Пакта
четырёх держав. Малая Антанта и СССР**

30 января 1933 г. стало черным днем в истории человечества. Приход гитлеровцев к власти в Германии означал образование очага войны в Европе и резко изменил международную обстановку. Он вызвал тревогу и в странах Малой Антанты. Государственные деятели этих стран понимали, что фашистские лозунги борьбы против Версальского договора неизбежно отразятся на положении в Юго-Восточной Европе и на Балканах, активизируют в реваншистских кругах Венгрии и Болгарии стремление к пересмотру Версальской системы.

Опасения стран Малой Антанты усиливались упорно ходившими в то время слухами о заключении секретного

¹⁴ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939». Пер. с чешск. М., 1959, стр. 284.

¹⁵ Там же.

союза между Германией, Италией и Венгрией¹⁶. Эти слухи имели основание, если иметь в виду совпадение основных целей внешней политики этих государств: борьба против мирных договоров, пересмотр границ и т. п. Для каждой из стран Малой Антанты приход гитлеровцев к власти представлял большую угрозу. Если Чехословакии угрожала прямая опасность со стороны гитлеровской Германии, то для Югославии и Румынии эта опасность непосредственно проявлялась в усилении враждебной политики Италии и Венгрии. В ответ на установление фашистской диктатуры в Германии и связанное с этим обострение международной обстановки 16 февраля 1933 г. министры иностранных дел Югославии, Румынии и Чехословакии подписали в Женеве «Организационный пакт Малой Антанты»¹⁷. Три страны заявляли о своем желании дать «органическую и стабильную основу» их дружественным и союзным отношениям и превратить Малую Антанту в «более высокую форму международного единства», чем это делали другие государства в подобных случаях. Они выражали убежденность в необходимости «полного единства их совместной политики» и создавали для ее проведения Постоянный совет Малой Антанты. Совет должен был собираться не реже трех раз в год, а его сессии заменяли прежние ежегодные конференции. Председателями Постоянного совета по очереди должны были быть министры иностранных дел трех стран. Исполнительным органом становился Секретариат Постоянного совета, который возглавлялся председателем и имел филиал в Женеве. Решения должны были приниматься единогласно. Все заключенные ранее между тремя государствами союзные договоры, дополнявшие условия Организационного пакта, продлевались на неограниченный срок. Внешняя политика стран Малой Антанты должна была координироваться. В случае заключения одной из стран Малой Антанты договора с другим государством или экономического соглашения, которое имело бы важное политическое значение, они предварительно подлежали единогласному утверждению Постоянным советом. Кроме того, создавался Экономический совет стран

¹⁶ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers» (далее — FRUS), 1933, vol. II. Washington, 1949, p. 192.

¹⁷ «British Foreign States Papers. 1933», vol. CXXXVI. London, 1938, p. 630—632.

Малой Антанты, который должен был осуществлять координацию их экономических интересов как между собой, так и с другими странами.

Одновременно с Организационным пактом страны Малой Антанты подписали секретную декларацию. В ней заявлялось, что целью их совместной политики является сохранение существующего в Центральной Европе статус-кво. В случае, если возникнет угроза его нарушения, страны Малой Антанты должны были консультироваться между собой о необходимых мерах¹⁸.

Подписание Организационного пакта означало укрепление Малой Антанты. Положения пакта о координации политики союзников и обязательном предварительном одобрении Постоянным советом любого договора, подписанного одной из стран Малой Антанты, значительно затрудняли происки фашистской Германии и Италии на Балканах. С военной точки зрения страны Малой Антанты представляли значительную силу. Их союз с Францией еще больше повышал роль Малой Антанты в европейских международных отношениях. Содержащиеся в Организационном пакте положения об экономическом сотрудничестве создавали дополнительные возможности для дальнейшего развития Малой Антанты. Так обстояли дела с внешней стороны. Радужные надежды усиленно поддерживались выступлениями государственных деятелей и печатью стран Малой Антанты. Все они единодушно стремились представить заключение нового пакта как поворотный пункт в истории Малой Антанты. Но в действительности их утверждения далеко не соответствовали истинному положению вещей.

Хотя Организационный пакт действительно укрепил союз стран Малой Антанты, он не устранил, да и не мог устранить существовавшие между ними противоречия и различия их внешнеполитических целей. Эти противоречия сказались в первые же дни после подписания Организационного пакта. Они отразились, как в капле воды, в следующем весьма характерном эпизоде.

Заключение Организационного пакта встретило весьма отрицательные отклики в немецкой печати. Еще до опубликования текста пакта (он был опубликован 25 февраля одновременно в Чехословакии, Румынии и

¹⁸ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 286.

Югославии) страницы немецких газет были заполнены комментариями, говорившими о проводимой Францией политике окружения Германии и т. д. В связи с этим чехословацкий и румынский послы в Берлине посетили (21 и 22 февраля 1933 г. соответственно) немецкого министра иностранных дел фон Нейрата, чтобы заверить его, что новый пакт Малой Антанты не направлен ни в коем случае против Германии. Судя по опубликованным записям этих бесед¹⁹, их действия носили параллельный характер и были предварительно согласованы с югославским посланником в Берлине. Однако как чехословацкий, так и румынский послы, действуя каждый в соответствии с инструкцией своего правительства, сделали ряд заявлений, которые показывали двойственность внешней политики их стран. Особенно характерной была позиция чехословацкого посла Машного. Он начал беседу с заявления, что подписанный в Женеве Организационный пакт не означает изменений в отношениях стран Малой Антанты между собой. Заключение пакта он объяснял необходимостью проявить солидарность перед лицом великих держав, которые склонны как в Женеве, так и в других местах пренебрегать интересами малых стран, если они выступают в одиночку. Новым пактом Малая Антанта демонстрирует свою солидарность в отношении внешнего мира и создает формальную основу для совместных действий. Второй причиной, приведшей к заключению пакта, является политика Италии в отношении Югославии и Венгрии. Посол выразил уверенность, что пакт будет служить делу мира в Европе и на Балканах. Пакт не направлен против Германии, подчеркивал чехословацкий дипломат, и Бенеш специально поручил ему заявить, что Чехословакия придает огромное значение хорошим отношениям с Германией²⁰.

Румынский посол, как и его чехословацкий коллега, также попытался принизить значение вновь подписанного пакта. «Ничего существенно нового не произошло», Малая Антанта сознательно и несколько демонстративно подчеркнула свою солидарность, не выходя при этом далеко за рамки прежних обязательств. Что касается учреждения Постоянного совета, то он не имеет практического значе-

¹⁹ DGFP, series C, vol. I, doc. 31 and 32, p. 68—70.

²⁰ DGFP, series C, vol. I, doc. 31, p. 68.

ния... Смысл же всех действий Малой Антанты сводится к тому, чтобы великие державы больше считались с ней и не ставили ее перед совершившимися фактами. Кроме того, эти действия были намеренной «демонстрацией против ревизии границ, которая являлась тем более необходимой, поскольку в Венгрии было открыто заявлено, что 1933 год является годом ревизии границ» ²¹. Дополнительным фактором, повлиявшим на заключение пакта, продолжал румынский посол, является внутреннее положение Югославии, на котором сказывается влияние из-за границы. Заключением пакта преследовалась цель «заверить югославскую общественность, что она при любых обстоятельствах может рассчитывать на союзные страны» ²². В заключение беседы посол затронул тему о гармонии экономических и политических интересов Германии и Румынии, которую не могут омрачить никакие соглашения Малой Антанты. Он заявил также, что если Германия заявит о своей незаинтересованности в положении дел на Юго-Востоке, Румыния будет полностью безразлична к делам, связанным с германскими ревизионистскими планами ²³.

Известная близость высказывавшихся взглядов, а также содержащиеся в документах указания на предварительное согласование предстоящего визита к фон Нейрату румынского посла с его чехословацким и югославским коллегами позволяют предполагать, что в данном случае это был обдуманый шаг со стороны Малой Антанты. Однако цель его не вполне ясна. Заявления, сделанные представителями Чехословакии и Румынии, выдавали их намерение принизить значение достигнутого соглашения, а по форме граничили с самоуничижением. Не исключено, что этим маневром они хотели смягчить отрицательную реакцию Германии. Такое предположение объясняет также и поведение югославского посланника, который не нанес визита фон Нейрату, в отличие от своих коллег, и дал им тем самым возможность представить позицию Югославии в качестве дополнительной причины заключения пакта. Однако подобные замыслы не могли увенчаться успехом. В правящих кругах Германии, особенно в рядах национал-социалистов, заключение пакта Малой Антанты было расценено как идущее вразрез с их внешнеполитически-

²¹ DGFP, series C, vol. I, doc. 32, p. 69—70.

²² Там же.

²³ Там же.

ми целями²⁴. В то же время различные нюансы в заявлениях чехословацкого и румынского послов говорили о существовании глубоких разногласий между их странами. В самом деле, обещание Румынии закрыть глаза на германские планы ревизии мирных договоров в обмен на заявление о незаинтересованности в балканских делах говорило о многом. Поскольку от мирных договоров с Германией к тому времени остались в силе в основном лишь территориальные положения, позицию Румынии можно было толковать очень широко. В частности, она давала повод думать, что Румыния не будет возражать против аншлуса Австрии, а также ставила под сомнение ее союзническую верность в отношении Чехословакии, у которой были напряженные отношения с Германией по судетскому и другим вопросам. Во всяком случае такие заявления оставляли лазейку для германской дипломатии и позволяли ей пользоваться разногласиями стран Малой Антанты.

В ответе послам Чехословакии и Румынии фон Нейрат постарался продемонстрировать тактику различного подхода немецкой дипломатии к странам Малой Антанты. Румынского посла он только поблагодарил за данные ему объяснения и сказал, что будет ждать публикации полного текста Организационного пакта, прежде чем определить свою позицию²⁵. Совершенно иной характер носил его ответ чехословацкому послу. Фон Нейрат заявил, что он никак не может согласиться с утверждением посла, будто заключение пакта, особенно в настоящее время и в такой форме, может способствовать делу мира в Европе. Он также подчеркнул недружественный Германии тон чехословацкой прессы. Кроме того, Нейрат высказал предположение, что «этот пакт, вероятно, усилит беспокойные элементы в Югославии и тем самым скорее увеличит, а не уменьшит опасность военных осложнений на Балканах»²⁶. Из ответа фон Нейрата было ясно, что Германия враждебно встретила заключение Организационного пакта Малой Антанты и не собиралась менять своего отношения к нему.

Германия всегда враждебно относилась к Малой Антанте, считая ее орудием французской политики на Юго-

²⁴ FRUS, 1933, vol. II, p. 192.

²⁵ DGFP, series C, vol. I, doc. 32, p. 70.

²⁶ DGFP, series C, vol. I, doc. 31, p. 69.

Востоке Европы. Приход фашистов к власти лишь усилил эту ее позицию, а деятельность немецкой дипломатии на Балканах резко активизировалась. На первых порах гитлеровская Германия старалась координировать свою политику с политикой Италии и выдвигала на передний план свои экономические интересы на Балканах, намеренно оставляя в тени собственно политические цели. Тем не менее в качестве основной совместной политической задачи обеих стран Германия считала политику в отношении Малой Антанты. На Балканах Германия стремилась к «общему ослаблению и, если возможно, эвентуальному полному развалу Малой Антанты», — писал фон Нейрат 7 февраля 1933 г. немецкому послу в Риме. — Я полагаю, — добавлял он, — что немецкая и итальянская политические концепции находятся в полном согласии относительно этой цели»²⁷.

Переговоры о германо-итальянском сотрудничестве велись уже с конца 1932 г. Одним из результатов этих переговоров было появление на свет проекта Пакта четырех держав.

«Пакт согласия и сотрудничества четырех держав» — Германии, Франции, Великобритании и Италии — явился важнейшей вехой в развитии международных отношений в Европе между двумя мировыми войнами. Он был первой попыткой империалистических держав разрешить свои противоречия за счет Советского Союза, а также за счет малых европейских стран. Первоначальный проект пакта был выдвинут фашистской Италией 18 марта 1933 г. в связи с визитом в Рим английского премьер-министра Макдональда и министра иностранных дел Д. Саймона. Итальянский проект подчеркивал «принцип пересмотра мирных договоров» согласно уставу Лиги Наций (ст. 2). Он говорил о признании за Германией равенства прав в области вооружения, которые она могла осуществлять «в порядке постепенности». Эти положения должны были распространяться также на Австрию, Венгрию и Болгарию (ст. 3). Согласно проекту пакта, четыре вышеупомянутые великие державы обязывались проводить общую линию поведения «во всех политических и неполитических вопросах как европейских, так и внеевропейских, равно как и в колониальной области» (ст. 4). Договор предпола-

²⁷ Там же, № 14, стр. 30.

галось заключить сроком на 10 лет (ст. 5) ²⁸. Таким образом, проект пакта исходил из отказа от версальской системы и учреждал своего рода директорию четырех великих держав, которые будут диктовать свою волю Европе. Бросалось в глаза антисоветское содержание пакта. Он молчаливо исходил из принципа отстранения Советского Союза от всякого участия в европейских делах и означал возврат к политике его политической изоляции. Проект пакта наносил также удар и по Лиге Наций, которая должна была стать проводником воли четырех великих держав. По своей антисоветской сущности и влиянию на судьбы европейских народов Пакт четырех держав, как вынужден был впоследствии признать Э. Бенеш, был «прямым предшественником и образцом для Мюнхенского соглашения 1938 г.» ²⁹

Пакт встретил резкие возражения со стороны государств Малой Антанты, увидевших в нем прямую угрозу своей безопасности, а также со стороны Польши и других государств. 25 марта 1933 г. в Женеве собралась первая после подписания Организационного пакта сессия Постоянного совета Малой Антанты. Сессия резко выступила против проекта Пакта четырех держав. Заключение такого соглашения, говорилось в опубликованном в печати коммюнике, имело бы целью присвоение подписавшими его державами права «распоряжаться правами третьих сторон либо путем конкретного решения, либо путем давления» на другие государства. В коммюнике Постоянного совета Малой Антанты говорилось далее, что «соглашения такого рода являются достоянием прошлого и во всяком случае времен, когда Лиги Наций не существовало. Государства Малой Антанты выражают, кроме того, сожаление, что в переговорах последних дней была подчеркнута политика ревизионизма». Они обращали внимание «на тот факт, что политика ревизионизма, необходимо вызывающая энергичную реакцию, не способна внести успокоение в умы наций и усилить чувство доверия, единственно позволяющее взаимное сотрудничество» ³⁰.

²⁸ «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. VI. М., 1934, док. 1, стр. 10.

²⁹ «Memoirs of dr. E. Beneš. From Munich to New War and New Victory». Boston, 1954, p. 10.

³⁰ «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. VI, док. 6, стр. 16.

Одним из первых дипломатических шагов Малой Антанты в связи с проектом Пакта четырех держав были визиты Бенеша, Титулеску и югославского представителя в Лиге Наций К. Фотича английскому министру иностранных дел Д. Саймону в Женеве 25 и 26 марта 1933 г.³¹ Они выразили Д. Саймону свою глубокую тревогу относительно проектируемого пакта великих держав. Особенно беспокоила их идея ревизии мирных договоров, которая применительно к странам Малой Антанты могла означать только пересмотр их границ. Для Чехословакии и Румынии, например, ревизия мирных договоров означала территориальные уступки в пользу Венгрии. Еще более серьезно обстояло дело с Югославией, поскольку Италия проводила в отношении нее политику, рассчитанную на развал страны³².

Соппротивление стран Малой Антанты, так же как и Польши, создавало большие затруднения для западных держав, особенно для Франции. Заняв определенную, на первых порах даже бескомпромиссную позицию, страны Малой Антанты угрожали в Париже изменением своей профранцузской ориентации в случае признания принципа ревизии мирных договоров³³. Тем самым они старались оказать влияние на Францию, которая еще не определила своего окончательного отношения к Пакту четырех держав. В начале апреля 1933 г. от имени Малой Антанты переговоры в Париже и Лондоне вел министр иностранных дел Румынии Титулеску. В Лондоне, например, он говорил, что страны Малой Антанты не могут признать за великими державами права решать вопрос о ревизии мирных договоров. Единственной правомочной инстанцией в этом вопросе может являться только Лига Наций. В то же время страны Малой Антанты не возражают против объединения четырех великих держав с целью сохранения мира в Европе, но решительно выступают против любого упоминания в договоре возможности ревизии мирных договоров. В этом случае они, как неоднократно заявлял Титулеску, «не явились бы на суд четырех великих держав»³⁴. Они категорически возражали

³¹ DBFP, second series, vol. V, doc. 54—57, p. 106—108, 110—113.

³² Там же, № 57, стр. 113.

³³ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 297.

³⁴ DBFP, second series, vol. V, doc. 84, p. 153—155.

против того, что в проекте выдвигалось предложение применить к Австрии, Венгрии и Болгарии принцип равенства прав в области вооружений, как это было сделано декларацией пяти держав от 11 декабря 1932 г. относительно Германии ³⁵.

Помимо высказанных выше соображений у Югославии были еще дополнительные причины, заставлявшие ее отрицательно отнестись к проекту Пакта четырех держав. Напряженность итало-югославских отношений заставляла югославское правительство с крайним подозрением относиться к любой инициативе Италии на международной арене. Своих подозрений Югославия не скрывала ни от своих союзников, ни от других стран. О них, в частности, говорил в начале апреля 1933 г. югославский посол в Лондоне Джурич в беседе с Д. Саймоном, который, однако, посоветовал Югославии улучшать отношения с Италией ³⁶.

Проект Пакта четырех держав был опубликован Муссолини в марте 1933 г. и вызвал в Югославии взрыв негодования, которое правительство постаралось направить против Италии. В ряде югославских городов состоялись тысячные митинги. Выступавшие на них ораторы категорически отвергали даже саму идею территориальной ревизии. Описывая эти события, немецкий посланник отмечал, что одно только имя Муссолини «действует практически на всех югославов, как красная тряпка на быка» ³⁷.

Печать стран Малой Антанты развернула ожесточенную кампанию против проекта Пакта четырех держав. На страницах газет открыто заявлялось, что любая попытка ревизии мирных договоров будет означать войну ³⁸. Заявления печати подкреплялись резкими выступлениями политических деятелей и речами в парламентах этих стран.

Великие державы должны были считаться с позицией Малой Антанты, Польши и других малых европейских стран, тем более что как во Франции, так и в Англии общественное мнение было настроено не в пользу итальянских предложений и сотрудничества с фашистскими го-

³⁵ DBFP, second series, vol. V, doc. 84, p. 153—155.

³⁶ Там же, док. 70, стр. 132—133.

³⁷ DGFP, series C, vol. I, doc. 345, p. 617.

³⁸ R. M a c h r a y. The Struggle for the Danube and the Little Entente 1929—1938. London, 1938, p. 120—123.

сударствами. Хотя французское правительство в конце концов решило принять участие в переговорах о пакте, оно вынуждено было лавировать. В апреле 1933 г. Франция вела секретные переговоры с правительствами стран Малой Антанты и доказывала им, что политика Франции не затронет их интересов. В своем проекте «Пакта согласия и сотрудничества четырех держав», опубликованном 10 апреля 1933 г., французское правительство в значительной степени учитывало пожелания своих союзников. Положение о ревизии мирных договоров в нем было опущено и заменено туманным указанием на возможность предварительного изучения средств «в целях эвентуального применения» в Европе статута Лиги Наций вообще и 19-й статьи в частности. Однако статья 19, говорившая о возможном пересмотре мирных договоров, упоминалась наряду со статьями 10-й и 16-й о санкциях. При этом оговаривалось, что их применение возможно только в строгом соответствии с процедурой, установленной статутом Лиги Наций, т. е. при условии полного единогласия. Французский проект подтверждал равноправие Германии в области вооружений, но делал оговорку, что это равноправие предоставляется ей «в режиме, создающем безопасность для всех наций», и что оно «не может осуществляться иначе, как этапами... и в силу соглашений, которые будут заключены для этой цели» (ст. 3). Учитывая пожелания стран Малой Антанты, проект опускал всякое упоминание о распространении этого принципа на Австрию, Венгрию и Болгарию ³⁹. Французский проект полностью сохранял антисоветскую направленность Пакта четырех держав.

В конечном счете французской дипломатии удалось получить согласие стран Малой Антанты на такую редакцию проекта пакта. Однако Франции пришлось предоставить им гарантии, что подписание пакта не нанесет ущерба их интересам. 30 мая 1933 г. собравшаяся в Праге сессия Постоянного совета Малой Антанты сняла свои возражения против проекта Пакта четырех держав. В специальной декларации ⁴⁰ Малая Антанта констатировала, что «первый вариант пакта, дух которого противоречил принципам международного права и правам, вы-

³⁹ «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. VI, док. 4, стр. 11—14.

⁴⁰ Там же, док. 6, стр. 16—17.

текающим для всех других наций из статута Лиги Наций, является окончательно отвергнутым. Новый же текст пакта, учитывая заверения представителей великих держав, а также гарантии французского правительства, не может представлять опасности для их интересов». Тем не менее министры иностранных дел стран Малой Антанты сочли необходимым снова рассмотреть вопрос о пересмотре территориальных статей мирных договоров. В связи с этим они «торжественно и окончательно объявляют точку зрения трех государств, желая устранить всякую двусмысленность как в настоящее время, так и на будущее».

Констатируя полную тождественность своих точек зрения, страны Малой Антанты заявляли, что они в принципе не возражали даже против возможности предложений о пересмотре границ⁴¹.

Странам Малой Антанты удалось добиться того, что вопрос о ревизии мирных договоров был исключен из окончательного текста Пакта четырех держав. Но они вынуждены были под давлением французской дипломатии согласиться с основным его положением о лидерстве великих держав в европейских делах со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это было большой уступкой с их стороны. Вынужденное согласие с Пактом четырех держав обнаруживало всю несостоятельность попыток Малой Антанты играть роль «пятой великой державы» в Европе.

«Пакт согласия и сотрудничества» был парафирован в Риме 7 июня 1933 г. представителями Франции, Германии, Англии и Италии. Одновременно в Париже между французским министром иностранных дел Поль Бонкуром и посланниками Чехословакии, Румынии и Югославии произошел обмен нотами. Их суть сводилась к тому, что подписание пакта ни в коем случае не затрагивает союзных договоров Франции со странами Малой Антанты, что Франция не допустит постановки вопроса о пересмотре границ и во всех процедурных вопросах применения пакта будет следовать статуту Лиги Наций⁴².

Обмен нотами между Францией и ее союзниками вызвал большое недовольство со стороны Германии. Она нап-

⁴¹ «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. VI, док. 6, стр. 17.

⁴² Там же, док. 7—8, стр. 18—19.

правила трем другим участникам пакта ноты, в которых выражала сожаление, что французское правительство сочло нужным вступить таким путем в соглашение с третьими странами относительно интерпретации и применения пакта⁴³. Недовольство Германии было понятно: в окончательном варианте пакт далеко не удовлетворял все ее желания и значительно отличался от первоначального итальянского проекта. Обмен нотами между Францией и ее союзниками несколько ограничил для Германии возможность более свободного толкования отдельных его положений.

Немецкая дипломатия все же считала, что даже в таком виде пакт предоставляет Германии значительные выгоды. О них прямо писал в циркулярном письме германским миссиям в Европе фон Нейрат. Он указывал, что пакт фактически устанавливал в Европе лидерство четырех западных держав (слово «западные» в данном контексте подчеркивало намерение устранить Советский Союз от участия в европейских делах). Далее пакт давал Германии возможность в случае провала конференции по разоружению поставить вопрос о предоставлении ей равных прав в области вооружений непосредственно перед тремя другими участниками пакта. Однако наибольшее значение Нейрат придавал не этим конкретным возможностям, а тому факту, что политический договор подобного рода вообще мог быть заключен. Договор срывал попытки изолировать Германию, показывал превращение Германии из объекта в субъект европейской политики и повышал престиж рейха⁴⁴.

Пакт четырех держав отражал значительные изменения в расстановке сил в Европе. Давая большие выгоды Германии и Италии, он в то же время показывал падение влияния Франции в мировой политике: ей противостояли теперь враждебные фашистские государства — Германия и Италия. В то же время Англия строила свою европейскую политику на использовании их противоречий. В таких условиях внешняя политика Франции попадала в зависимость от Англии, стремившейся играть роль арбитра. Франция теряла свое доминирующее положение в Европе. В наши задачи не входит подробный анализ произо-

⁴³ DGFP, series C, vol. I, doc. 337, p. 565; see also doc. 304, 308, 317, 321.

⁴⁴ DGFP, series C, vol. I, doc. 291, p. 533.

шедших в этот период изменений в расстановке политических сил в Европе. Отметим только, что для Малой Антанты и ее судьбы как политического союза эти изменения, а также уменьшение политического значения Франции играли определяющую роль. Малая Антанта, по-прежнему оставаясь враждебной политике фашистских государств, все больше и больше должна была считаться с тем, что лидером западных держав стала отныне не Франция, а Англия. Подобная перестановка сил имела для стран Малой Антанты далеко идущие последствия.

Решительная оппозиция Пакту четырех держав со стороны прогрессивных слоев Франции и Англии привела к тому, что в конечном итоге пакт не смог вступить в силу. Однако его значение в дипломатической истории Европы очень велико. Пакт ясно указал основное направление, в котором стала развиваться в последующие годы политика ведущих империалистических держав: в разных формах эта политика неуклонно развивалась в сторону попустительства агрессивным планам фашистской Германии, на которую делалась основная ставка в борьбе с «большевистской опасностью».

В силу сложившихся обстоятельств Малая Антанта вынуждена была приспосабливаться к изменившейся международной обстановке и искать нового подхода к решению ряда политических вопросов. Важнейшей проблемой, которая встала теперь перед правительствами Чехословакии, Румынии и Югославии, являлись их отношения с Советским Союзом. Рост опасности германской агрессии, особенно после прихода гитлеровцев к власти, заставлял Малую Антанту пересматривать свои прежние антисоветские позиции. Соппротивление агрессивным замыслам фашистской Германии было немыслимо без сотрудничества с Советским Союзом на международной арене. Поворот Малой Антанты, которая была одной из важнейших составных частей антисоветского «санитарного кордона», к политике сотрудничества с СССР наглядно показывал глабину происходивших изменений в международных отношениях.

Ни одна из стран Малой Антанты не имела к 1933 г. нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом и даже не признавала его юридически. Такое положение на фоне изменений в мировой политике становилось явным анахронизмом, тем более, что даже их союз-

ница Франция вынуждена была искать сближения с СССР. Так, еще 29 ноября 1932 г. между Францией и Советским Союзом был подписан договор о ненападении, который в мае 1933 г. был ратифицирован французским парламентом. В конце концов Малая Антанта должна была сделать для себя выводы. Весной 1933 г. начались переговоры между Чехословакией, действовавшей от имени всех стран Малой Антанты, и Советским Союзом и его признании и восстановлении с ним дипломатических отношений. Однако переговоры продвигались медленно. Оговорки, выдвигаемые Югославией и Румынией, затрудняли достижение соглашения.

Германская агрессия угрожала как Советскому Союзу, так и другим странам Восточной Европы, в том числе и странам Малой Антанты. В противовес гитлеровским агрессивным планам и политике западных держав, нашедшей воплощение в Пакте четырех держав, Советский Союз проводил политику, направленную на сохранение мира. Важным вкладом в осуществление этой цели явилось советское предложение о заключении конвенции об определении агрессии. Советская дипломатическая инициатива увенчалась успехом. По времени она совпала с Лондонской экономической конференцией, на которой представитель гитлеровской Германии министр экономики Гугенберг перед всем миром во всеуслышание заявил о германских претензиях на колонии и на «жизненное пространство» на Востоке и Юго-Востоке Европы⁴⁵. Здесь же, в Лондоне, 4 июля 1933 г. между Советским Союзом и Малой Антантой была подписана конвенция об определении агрессора⁴⁶.

Вопрос о признании Советского Союза породил новые противоречия среди стран Малой Антанты. На сессии Постоянного совета Малой Антанты в Синае 24—27 сентября 1933 г. министры иностранных дел Чехословакии, Румынии и Югославии, как говорилось в опубликованном коммюнике, «поздравляли друг друга с удовлетворительными результатами в связи с заключением конвенции о ненападении (так в тексте. — В. В.) с Советской Россией»⁴⁷.

⁴⁵ DGFP, series C, vol. I, doc. 312, p. 567.

⁴⁶ «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. VI, стр. 159—160.

⁴⁷ J. Јовановић. Дипломатска историја Нове Европе. 1918—1938, књ. II. Београд, 1939, стр. 100.

Однако дальше этого дело не пошло. Вопрос о восстановлении отношений с Советским Союзом так и не был решен на этой сессии. В то же время Малая Антанта заявляла, что «положение в Центральной Европе вызывает беспокойство»⁴⁸. Это беспокойство было усилено действиями гитлеровской Германии. 14 октября 1933 г. Германия заявила о том, что покидает международную конференцию по разоружению и выходит из Лиги Наций.

Страны Малой Антанты не могли пройти мимо угрожающего развития событий в Европе. Оно было предметом обсуждения Постоянного совета Малой Антанты, собравшегося в Загребе 22 января 1934 г. Совет обсудил также политическое положение, сложившееся в Центральной и Юго-Восточной Европе. В опубликованном коммюнике подчеркивалось, что Малая Антанта не допустит «вооружения тех стран, которые по мирным договорам не имеют на него права», и ревизии мирных договоров и границ, поскольку такая политика опасна для дела мира. Одновременно Малая Антанта вновь рассмотрела вопрос о возможностях сотрудничества с Советским Союзом. Загребская сессия Постоянного совета Малой Антанты приняла решение об установлении с Советским Союзом нормальных дипломатических отношений⁴⁹. Но потребовалось еще много времени и усилий, прежде чем это решение было проведено в жизнь. Лишь в июне 1934 г. дипломатические отношения с Советским Союзом восстановили Чехословакия и Румыния⁵⁰. Югославия не только не последовала за своими союзниками, но и продолжала упорно проводить свою прежнюю антисоветскую политику и даже юридически не признала Советский Союз.

Вопрос об отношениях с Советским Союзом еще раз показал глубокие противоречия, которые существовали между странами Малой Антанты, различие внешнеполитических целей Чехословакии, Румынии и Югославии. Эти противоречия ослабляли и делали неустойчивым их политический союз.

⁴⁸ J. Јовановић. Дипломатска историја Нове Европе. 1918—1938, књ. II. Београд, 1939, стр. 101.

⁴⁹ Там же, стр. 108—109.

⁵⁰ А. А. Язвкова. Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Румынией в 1934 г. «Новая и новейшая история», 1964, № 6, стр. 64—71.

**Усиление итало-югославских противоречий.
Национал-социалистский путч в Австрии
25 июля 1934 г. и позиция Югославии. Отношение
Югославии к созданию системы
коллективной безопасности**

В 1933 г. положение на Балканах и Дунайском бассейне значительно обострилось. Возросшая дипломатическая активность Италии в этом районе встречала сопротивление Югославии. Политическая борьба двух стран и напряженность в отношениях между ними достигла такой степени, что возникла реальная угроза военного конфликта в Юго-Восточной Европе ⁵¹.

С особым беспокойством следила югославская дипломатия за непрекращающимися попытками Италии создать свой блок на Юго-Востоке Европы. С этой точки зрения расценивался и официальный визит Гембеша и Каня в июне 1933 г. в Вену и Рим. Визит показал, что венгерские правящие круги ведут враждебную политику по отношению к Югославии, исходя из выдвинутого фашистской Италией тезиса о неизбежности распада югославского государства ⁵².

Беспокойство в Югославии еще более усилилось, когда в сентябре 1933 г. Италия выдвинула план экономической реконструкции Дунайского бассейна ⁵³. Конкретное содержание этого плана выдавало стремление итальянского империализма добиться преобладающего влияния в Дунайском бассейне и особенно в Австрии. Фашистская Италия оказывала большое влияние на австрийское правительство и старалась поставить его в зависимое положение. С этой целью во время встречи с австрийским канцлером Дольфусом в Риккьоне 20 августа 1933 г. Муссолини обещал оказать Австрии вооруженную помощь в случае нацистского вторжения или внутренних беспорядков, вызванных социал-демократами.

Известия о результатах встречи Муссолини и Дольфуса были встречены югославскими правящими кругами в штыки. В начале сентября 1933 г. по поручению правительства югославский министр иностранных дел Б. Ефтич направил в секретариат Лиги Наций специальную ноту.

⁵¹ Б. Б о ш к о в и ч. Перед новым взрывом на Балканах. Итало-югославские противоречия. М., 1934.

⁵² DGFP, series C, vol. I, doc. 378, p. 694.

⁵³ L. Villari. Указ. соч., стр. 115—116.

В ней указывалось, что в случае вступления итальянских войск на австрийскую территорию Югославия произведет мобилизацию своей армии ⁵⁴.

Политика Югославии в австрийском вопросе пришла, таким образом, в прямой конфликт с позицией ее основных союзников. Еще с лета 1933 г. французская дипломатия стала предпринимать усилия с целью урегулирования отношений Австрии и Венгрии, находившихся под влиянием Италии, со странами Малой Антанты в интересах гарантии австрийской независимости ⁵⁵. Ею было выдвинуто предложение о визите Бенеша в Рим осенью 1933 г. ⁵⁶ Однако этот визит так и не состоялся. Одной из причин неудачи французской инициативы была напряженность в отношениях между Югославией и Италией.

С точки зрения правящих кругов Югославии, союз с Францией и Малой Антантой не давал достаточной поддержки в борьбе против Италии. Поэтому югославская дипломатия предпринимала равнообразные, часто противоречивые шаги. С одной стороны, ей не были чужды мысли о примирении с Италией, и некоторые факты дают основание думать, что она была не прочь воспользоваться для этого даже посредничеством Германии ⁵⁷. И в то же время, пользуясь страхом ряда государств перед аншлюсом Австрии, югославская дипломатия предприняла весной 1933 г. в Венгрии зондаж относительно возможности образования союза в составе Италии, Венгрии и Югославии в целях предотвращения аншлюса ⁵⁸. Как и следовало ожидать, эти действия не увенчались успехом.

Но наибольшее значение как для судеб будущей политики Югославии, так и для политического положения на Балканах и в Дунайском бассейне имели изменения в отношениях между Германией и Югославией. Как показывают опубликованные немецкие документы, германо-югославские отношения в течение 1933—1934 гг. отличались противоречивостью. Оживление связей Германии после прихода Гитлера к власти с фашистской Италией вызвало

⁵⁴ In der Maur, Gilbert. Jugoslawien einst und jetzt. B. 2. Wien, 1938, S. 529.

⁵⁵ DBFP, second series, vol. V, doc. 250, p. 415; doc. 341, p. 521—523.

⁵⁶ Там же, док. 370, стр. 547; док. 379, стр. 566.

⁵⁷ DGFP, series C, vol. I, doc. 99, p. 182—183.

⁵⁸ Там же, док. 218, стр. 396—397.

беспокойство в Югославии. Что будет, если Италия, которая открыто выдвигала требования ревизии мирных договоров и границ, найдет общий язык с Германией, также не скрывавшей своего враждебного отношения к Версальской системе? Эта мысль, видимо особенно беспокоила правящие круги Югославии. В беседе с германским посланником Дуфором 31 мая 1933 г. король Александр прямо заявил, «что более тесное сотрудничество между Германией и Италией усилит последнюю и, вероятно, может побудить Италию занять более агрессивную позицию в отношении Югославии»⁵⁹. У посланника сложилось также впечатление, что король опасался, как бы политика Германии не привела к широкому вооруженному конфликту.

Внешняя политика Германии, особенно после прихода фашистов к власти, была прямо противоположна принципам внешней политики Югославии. Если Германия желала развала Версальской системы, то Югославия была одной из ее опор в Европе. Хотя в начале 30-х годов Германия непосредственно не угрожала Югославии, руководители югославской внешней политики учитывали, что ход событий может превратить германскую опасность в главную угрозу стране на международной арене. Король Александр, по свидетельству хорошо знавшего его английского посла в Белграде в 1929—1935 гг. Н. Гендерсона, часто повторял: «Непосредственную угрозу для Югославии представляет Италия; после нее придет Германия; но последней и самой большой угрозой для всех будет Россия»⁶⁰. Ненависть к коммунизму была в высшей степени свойственна правящим кругам и буржуазии Югославии. Однако недоверие к Германии и целям ее внешней политики также глубоко укоренилось в их сознании. Оно отчетливо проявлялось, например, во взглядах и действиях великосербских кругов, особенно среди офицерства, многие представители которого участвовали в первой мировой войне против Германии.

Угроза аншлюса Австрии задевала также и югославские интересы. В Югославии знали, что пангерманские круги давно вынашивали идею включения Триеста в состав «Великой Германии». Одним из носителей этих идей был, например, немецкий посол в начале 30-х годов в

⁵⁹ DGFP, series C, vol. I, doc. 279, p. 511.

⁶⁰ N. Henderson. *Water under the Bridges*. London, 1945, p. 182—183.

Белграде, а затем в Риме, известный гитлеровский дипломат У. Хассель, зять адмирала Тирпица ⁶¹. В случае успешного осуществления аншлюса нацисты рано или поздно поставили бы вопрос о присоединении к Германии Триеста и Истрии, большинство населения которых составляли словенцы и хорваты. Перспектива выхода Германии на побережье Адриатического моря не устраивала ни Югославию, ни Италию. Как мы увидим в дальнейшем, руководители внешней политики обеих стран учитывали это обстоятельство в своих отношениях.

Но по ряду конкретных вопросов, касающихся Австрии, у Югославии и Германии были и совпадающие точки зрения. Во-первых, обе они были против планов реставрации Габсбургов. Во-вторых, обе были противниками усиления итальянского влияния в Австрии. И, в-третьих, что особенно важно, Югославия была склонна рассматривать аншлюс как меньшее зло по сравнению с усилением итальянского влияния в Австрии. Кроме того, югославской дипломатии не чужда была мысль о том, что аншлюс может предотвратить германо-итальянское сближение и породит глубокие противоречия в отношениях между Германией и Италией. В этом случае Югославия получила бы возможность для дипломатического маневрирования при осуществлении своих внешнеполитических задач.

Расхождение Югославии со своими союзниками и известная общность взглядов с Германией по австрийскому вопросу создавали простор для интриг гитлеровской дипломатии. Она не упускала случая забить клин между Югославией и ее союзниками, чтобы ослабить Малую Антанту и всю французскую систему союзов в Юго-Восточной Европе.

Другим направлением поисков дополнительных гарантий безопасности было активное участие Югославии в создании Балканского пакта. С осени 1933 г. подготовка планов союза балканских государств вступила в решающую фазу. Она шла под лозунгом «Балканы — балканским народам». Каждая из стран-участниц переговоров вкладывала в него свое содержание. Для Югославии этот лозунг означал прежде всего дополнительную гарантию против итальянской угрозы и пресечение попыток итальян-

⁶¹ N. Henderson. Water under the Bridges. London, 1945, p. 175.

янского империализма завоевать политическое влияние на Балканах.

Окончательный текст Балканского пакта был составлен в начале февраля 1934 г. в Белграде на совещании министров иностранных дел Югославии, Румынии, Турции и Греции. Он был подписан в Афинах 9 февраля 1934 г. В его преамбуле говорилось о желании способствовать укреплению мира на Балканах и содержались ссылки на пакт Бриана—Келлога и принятые в связи с ним решения Лиги Наций. Статья 1 пакта особо подчеркивала, что «Греция, Румыния, Турция и Югославия взаимно гарантируют безопасность всех их балканских границ»⁶². Договаривающиеся стороны должны были консультироваться о мерах, которые необходимо было предпринять в случае угрозы их интересам. В тексте пакта не содержалось указаний относительно срока его действия.

Одновременно с пактом был подписан тайный протокол. Он предусматривал, что в случае нападения на одну из подписавших пакт сторон другой балканской или небалканской страны или великой державы, действовавшей совместно с балканской страной, все остальные страны Балканского пакта должны были прийти ей на помощь⁶³. Этот протокол обеспечивал Югославии помощь со стороны ряда балканских стран в случае конфликта с Италией.

Балканский пакт был направлен прежде всего на сохранение территориального статус-кво на Балканах. В конкретных условиях, сложившихся к моменту его подписания, он играл положительную роль, так как ограничивал сферу вмешательства фашистских стран — Италии и Германии — в дела Юго-Восточной Европы. Но он был, конечно, недостаточным для того, чтобы закрыть путь проiscaм фашистской дипломатии. При общей его оценке следует иметь в виду завуалированное антисоветское острие: гарантия границ подписавших его государств распространялась и на советско-румынскую границу, которая оставляла в пределах Румынии насильственно захваченную ею в 1918 г. Бессарабию. В интересах сохранения мира и добрососедских отношений Советский Союз не ставил в тот период вопроса о немедленном возвраще-

⁶² R. Kerner and H. Howard. The Balkan Conferences and the Balkan Entente, 1930—1935. Berkley, California, 1936, p. 232.

⁶³ J. Jованович. Указ. соч., т. II, стр. 182.

нии отторгнутой от него территории Бессарабии. Однако румынское правительство, опираясь на Балканский пакт и используя переговоры о восстановлении дипломатических отношений, пыталось добиться от Советского правительства полного отказа от Бессарабии и признания ее составной частью Румынии⁶⁴. Понятно, что Советское правительство не могло пойти на такой шаг.

По замыслу своих создателей Малая Антанта и Балканский пакт должны были взаимно дополнять друг друга. Действительно, два государства из трех, входивших в Малую Антанту, — Югославия и Румыния — являлись также членами Балканского пакта. Это создавало как бы «персональную унию» между обеими группировками и должно было содействовать координации их усилий. За обеими группировками стояла Франция, что могло способствовать их совместному выступлению по важнейшим международным вопросам.

Однако образование Балканского пакта ставило Чехословакию в положение скрытой изоляции. Пакт повысил заинтересованность Югославии и Румынии в укреплении связей с другими балканскими странами и создал для них определенную альтернативу союзническим отношениям с Чехословакией.

* * *

События первой половины 1934 г. выдвинули австрийский вопрос на авансцену мировой политики. Антинародные мероприятия фашистского правительства Дольфуса вызывали возмущение трудящихся масс. Пользуясь попустительством властей, австрийские национал-социалисты вели активную подготовку к вооруженному захвату власти. Их открыто поддерживала и подстрекала гитлеровская Германия, на территории которой еще летом 1933 г. из бежавших австрийских нацистов было создано особое воинское формирование «Австрийский легион», численностью более 15 тыс. человек⁶⁵.

В начале 1934 г. австрийское правительство вместо борьбы с нацистами перешло в наступление против социал-демократической партии и коммунистов. На «борь-

⁶⁴ J. Jованович. Указ. соч., т. II, стр. 184.

⁶⁵ В. М. Турок. Очерки истории Австрии. 1929—1938. М., 1962, стр. 230.

бу до конца... против марксизма и его демократических пособников», как охарактеризовал ее руководитель хеймвера Штаремберг, усиленно наталкивала австрийское правительство также и фашистская Италия ⁶⁶. В начале февраля 1934 г. австрийские фашисты приступили к разоружению рабочих отрядов самообороны — шущбунда. Ответом на эти провокационные действия правительства было восстание австрийского пролетариата. В течение нескольких дней рабочие отряды вели героические бои. Однако правительственным войскам и хеймверу удалось подавить сопротивление народных масс. 15 февраля 1934 г. последние очаги восстания в Вене были разгромлены. В стране установлена диктатура австрийского фашизма.

Февральские события в Австрии получили широкий международный резонанс. 17 февраля 1934 г. было опубликовано совместное заявление Франции, Англии и Италии, направленное против германского вмешательства во внутренние дела страны. Правительства трех держав заявляли, что они стоят за сохранение независимости и целостности Австрии в соответствии с действующими договорами ⁶⁷.

Фашистская Италия поспешила использовать создавшуюся обстановку в своих интересах. 17 марта 1934 г. в Риме между правительствами Италии, Австрии и Венгрии были подписаны три протокола, оформившие существование проитальянской политической группировки в Юго-Восточной Европе. Первый протокол представлял собой по сути дела консультативный пакт стран «римского треугольника». Подписавшие его страны в дополнение к существовавшим двусторонним между ними договорам о дружбе обязались консультироваться по всем вопросам общего характера и особенно по вопросам, непосредственно к ним относящимся ⁶⁸. Два других протокола затрагивали экономические отношения Италии, Австрии и Венгрии. Один из них касался вопроса о расширении объема внешней торговли между ними, необходимости принять меры в связи с падением цен на зерно в Венгрии, облегчить транзит через адриатические порты и создать из специалистов тройственную комиссию по экономическим связям.

⁶⁶ В. М. Т у р о к. Указ. соч., стр. 243—245, 249.

⁶⁷ «The Times», 19.II 1934.

⁶⁸ W. S c h u m a n n. Die Römischen Protokolle als wirtschafts-politisches Problem. Leipzig, 1939, S. 13—14.

Другой протокол, дополнявший первый, специально оговаривал необходимость развития торговли между Австрией и Италией на основе преференциальной системы⁶⁹.

Каждая из сторон, подписавших Римские протоколы, преследовала свои цели. Сохранение независимости Австрии было лишь одной из них. При этом речь шла не об укреплении действительной независимости Австрии, а об усилении в стране итальянского влияния и пресечения на этой основе происков Германии. По сути дела это было столкновение интересов двух фашистских государств — Италии и Германии в борьбе за политическое преобладание в Австрии. Временным победителем из этой борьбы вышла Италия. Италия усиливала политическое и экономическое влияние не только в Австрии, но и в Венгрии, укрепляла свои позиции на Балканах, и тем самым увеличивался ее удельный вес в мировой политике. Опираясь на поддержку Италии, Венгрия намеревалась подчеркнуть свое стремление к ревизии мирных договоров. Составленный на основе разноречивых интересов «римский треугольник» не представлял собой прочной политической группировки.

Мировая пресса довольно благоприятно откликнулась на заключение Римских протоколов, увидев в них главным образом попытку пресечения немецких происков в Австрии. В Германии же, естественно, они были встречены отрицательно. Позиция Италии в австрийском вопросе вела к резкому ухудшению итало-немецких отношений. Французская дипломатия давно уже ожидала такого поворота событий. Конфликт между Италией и Германией в борьбе за преобладание в Австрии и Юго-Восточной Европе отвечал ее интересам. Преувеличивая значение этого конфликта и его глубину, она поспешила использовать его для франко-итальянского сближения в целях установления единства действий и совместного выступления против Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе. Изменения в отношениях между Францией и Италией наступили довольно быстро. Уже в марте 1934 г. пресса обратила внимание на оживленный обмен мнениями между ними по дипломатическим каналам⁷⁰.

⁶⁹ W. Schumann. Die Römischen Protokolle als wirtschaftspolitisches Problem. Leipzig, 1939, S. 14—16.

⁷⁰ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР. Архив газетных вырезок, 1934 г., д. 12, № 4а (далее — ОРФ ИИАН).

В апреле 1934 г. сближение двух стран принесло первые ощутимые плоды. После визита итальянского государственного секретаря по иностранным делам Сувиача в Париж 25 апреля 1934 г. в Милане между Францией и Италией было заключено торговое соглашение, положившее конец напряженности в их экономических отношениях. В мае, после поездки в Италию председателя комиссии по иностранным делам французского сената Беранже, Муссолини послал приглашение Барту приехать в Рим для прямых переговоров ⁷¹.

Однако Барту не торопился с этой поездкой. Дело было не в нежелании с его стороны — он выступал за сближение двух стран и стремился к его осуществлению, а в двойственной политике Италии, которая шла на сближение с Францией, но в то же время продолжала добиваться соглашения с Германией. В начале июня 1934 г. стало известно о предстоящей встрече Муссолини с Гитлером. Поэтому Барту вынужден был временно отказаться от поездки в Рим ⁷². Франко-итальянское сближение застопорилось, и в отношениях между двумя странами наступило известное похолодание.

Другой не менее важной причиной приостановки франко-итальянского сближения была отрицательная реакция на него со стороны стран Малой Антанты. Отношение стран Малой Антанты к «римскому треугольнику» показало, что каждая из них смотрит на него со своей точки зрения. Для Чехословакии он означал прежде всего попытку оградить Австрию от германских стремлений к аншлюсу. А потому чехословацкая реакция на Римские протоколы была очень спокойной. В интервью редактору газеты «Пари суар» 4 апреля 1934 г. Бенеш так сформулировал чехословацкую точку зрения: «Вы хотите, чтобы я был недоволен Римским протоколом? Зачем? Вы видите, что Малая Антанта и я сам ничего не сделали, чтобы затруднить подписание этого протокола. И сейчас мы ничего не имеем против него». Чехословакия видела в Италии одну из гарантий против агрессивных намерений Германии и закрывала глаза на другие стороны ее политики. Она считала даже, что создались благоприятные возможности для решения вопроса о кооперации центра-

⁷¹ Там же.

⁷² Э. Эрриго. Из прошлого. М., 1960, стр. 531.

льноевропейских стран и решения австрийской проблемы путем взаимного соглашения ⁷³.

По-иному отнеслась к Римским протоколам Румыния. Она увидела в них желание Италии обострить ее отношения с другими странами, главным образом с Венгрией, и поставить под вопрос существующие границы. 4 апреля 1934 г. румынский министр иностранных дел Титулеску резко выступил в парламенте против ревизионистских устремлений Венгрии. «Если итальянский ревизионизм с точки зрения румынской политики является ошибкой,— заявил он,— то венгерский ревизионизм является преступлением».

Наиболее резкой и отрицательной была позиция Югославии. Хотя министр иностранных дел Б. Ефтич в докладе в сенате 27 марта 1934 г. говорил, что для окончательной оценки Римских протоколов следует подождать еще один месяц, пока не будут заключены экономические договоры между Италией, Австрией и Венгрией ⁷⁴, позиция Югославии не оставляла никаких сомнений. Она вновь подчеркнула наличие противоречий между Югославией и ее союзниками. Создание «римского треугольника» Югославия восприняла как попытку Италии окружить ее враждебными государствами и установить над Австрией итальянский протекторат. Внутреннее развитие самой Австрии, казалось, подтверждало такую точку зрения. В конце апреля 1934 г. была произведена реорганизация правительства Дольфуса в сторону значительного усиления проитальянски настроенных элементов. Так, в новом правительстве пост вице-канцлера занял руководитель хеймвера князь Э. Штаремберг ⁷⁵, известный своими тесными связями с Римом.

Прямым следствием Римских протоколов было резкое ухудшение отношений Югославии с Венгрией. В венгерской печати усилились антиюгославские выступления. На югославо-венгерской границе происходили столкновения пограничных патрулей, вызывавшие взаимные обвинения. Они явились поводом для обращения венгерского правительства в мае 1934 г. в Лигу Наций с жалобой на постоянные инциденты на югославо-венгерской грани-

⁷³ R. M a s c h g a u. Указ. соч., стр. 152.

⁷⁴ In der M a u g. Указ. соч., т. 2, стр. 535.

⁷⁵ В. М. Т у р о к. Указ. соч., стр. 291.

це, вину за которые оно возлагало на югославские власти⁷⁶. Венгрия предлагала, чтобы Совет Лиги Наций послал международную комиссию для расследования пограничных инцидентов или нашел бы иной способ восстановить порядок и спокойствие на границе с Югославией⁷⁷. Венгерская жалоба основывалась на статье 11 Статуса Лиги Наций, которая предусматривала такую возможность в том случае, если добрососедские отношения государств окажутся в опасности.

Венгерская жалоба застала Югославию врасплох. «Этот шаг Венгрии явился неожиданным и производил впечатление заранее продуманной игры, — так оценивал его югославский политический деятель и историк И. Иованович. — «Я обвиняю тебя, чтобы ты не обвинил меня», — таков был постоянный принцип, которому следовали венгры по договоренности с римскими кругами»⁷⁸. Действительно, предварительная согласованность венгерской инициативы с Италией не вызывала сомнений и служила доказательством возросшей политической близости обеих стран.

5 июня 1934 г. Совет Лиги Наций обсудил венгерскую жалобу. Накануне этого заседания, 4 июня, югославское правительство представило в Совет обширный меморандум относительно инцидентов на границе между Венгрией и Югославией. В меморандуме подчеркивалось, что югославское правительство с удивлением узнало о венгерской жалобе, приводились факты попустительства и поддержки венгерскими властями террористической деятельности усташей. Особое внимание было уделено местечку Янка Пуста, расположенному в 6 км от венгеро-югославской границы. Здесь разместился лагерь усташских террористов. Пользуясь венгерскими паспортами, они разъезжали по Австрии, Италии и другим странам. С венгерской территории террористы засылались в Югославию, где совершали террористические акты. Югославское правительство неоднократно обращало внимание венгерского правительства на деятельность усташей в Янка Пуста. Меморандум констатировал, что такие действия направ-

⁷⁶ «League of Nations. Incidents which Have Occured on the Frontier between Hungary and Jugoslavia. Communication from the Hungarian Government». Geneva, May, 1934.

⁷⁷ Там же, стр. 8.

⁷⁸ J. Иовановић. Указ. соч., т. II, стр. 428.

лены против целостности и общественного порядка в Югославии. Югославское правительство, говорилось в меморандуме, использует для защиты своих интересов все имеющиеся в его распоряжении средства. Наряду с этим оно заявляло о своей готовности продолжить с венгерским правительством переговоры об урегулировании возникших инцидентов ⁷⁹.

Заслушав объяснения представителей Венгрии и Югославии, Совет Лиги Наций отметил готовность обеих сторон вести прямые переговоры и выразил пожелание, чтобы они начались как можно скорее ⁸⁰. Таким образом, Совет фактически отверг венгерскую жалобу как не соответствующую статье 11 статуса и не требующую вмешательства Лиги Наций. Вопрос о пограничных инцидентах на венгеро-югославской границе сошел с повестки дня Лиги Наций. Но он привлек внимание мировой общественности к напряженным отношениям Югославии с Венгрией и террористической деятельности усташской эмиграции.

С весны 1934 г. стали проявляться первые признаки сближения Югославии с Германией. Если до этого времени можно говорить только об известном совпадении их точек зрения в австрийском вопросе, то теперь близость их взглядов стала подкрепляться обоюдными жестами, свидетельствующими о желании обеих сторон завязать более близкие отношения. Эти новые явления во внешней политике Югославии не ускользнули от внимания иностранных дипломатических наблюдателей.

Исходным пунктом германо-югославского сближения было ухудшение отношений обеих стран с Италией. В марте 1934 г. английский посол в Белграде Н. Гендерсон в сообщении в английский МИД о позиции Югославии в связи с австрийскими событиями особо остановился на ее отношениях с Италией и Германией. На достижение соглашения между Югославией и Италией нет ни малейшей надежды, констатировал посол. Он высказывал предположение, что Югославия ждет только момента и возможности, чтобы прийти к соглашению с Германией ⁸¹. Однако

⁷⁹ «League of Nations. Official Journal», 15-th Year, N 6, Part II. Minutes of the Eightieth (extraordinary) Session of the Council. Part I. June, 1934, p. 713—737.

⁸⁰ Там же, стр. 665.

⁸¹ DBFP, second series, vol. VI, doc. 331, p. 523.

это замечание основывалось пока на косвенных наблюдениях и не подкреплялось убедительными фактами. Следует отметить, что Н. Гендерсон в своем сообщении правильно, на наш взгляд, вскрыл внутренний механизм отношений в рамках треугольника Германия — Италия — Югославия. «Если Югославия все-таки окажется в руках у Германии, то не кто иной, как Италия, толкнет ее туда»⁸², — писал посол. Примечательно, что такая взаимозависимость была замечена не только английской дипломатией. Она была видна также и союзникам Югославии, в частности Франции. Не прошла мимо нее и немецкая дипломатия, пристально следившая за всеми шагами Югославии на международной арене.

Имеющиеся в распоряжении историков документы свидетельствуют о том, что гитлеровская Германия предприняла в тот период попытку усилить разногласия Югославии с Францией и другими ее союзниками. 9 марта 1934 г. югославский посланник в Берлине Балугджич впервые был принят Гитлером. Посланник, желавший познакомиться с рейхсканцлером накануне своей очередной поездки в Белград, путанно говорил о возможности создать хорошую атмосферу в отношениях между Германией и Югославией. Наилучшим путем к этой цели он считал экономическую политику. В его высказываниях проявилось также характерное в то время для югославских правящих кругов недовольство политикой Франции. «Любовь, которая длится слишком долго, надоедает», — сказал посланник, согласно немецкой записи этой беседы⁸³. Со своей стороны Гитлер заверил его, что Германия не питает вражды к сербам и заинтересована в торговле с Югославией. Он отметил совпадение взглядов обеих стран относительно неприемлемости восстановления Габсбургов и заявил, что вопрос аншлюса не является актуальным⁸⁴. Весь характер этой беседы создавал впечатление поисков обеими сторонами возможных точек соприкосновения.

Гораздо более определенно высказывался Балугджич после возвращения из Белграда в беседе с одним ответственным работником германского МИД 5 апреля 1934 г. Произошедшее в промежутке между этими двумя беседами подписание Римских протоколов наложило явный отпе-

⁸² Там же, стр. 524.

⁸³ DGFP, series C, vol. II, doc. 309, p. 577—578.

⁸⁴ Там же.

чаток на тон высказываний посланника. Балугджич откровенно говорил, что во время двухнедельного визита в Белград после годового отсутствия ему особенно бросился в глаза рост антиитальянских настроений. «Недоверие, которое всегда чувствовалось по отношению к изменчивому итальянскому соседу, вылилось в открытую ненависть»⁸⁵. Действия Италии рассматривались как дальнейший шаг по пути стратегического окружения Югославии. К тому же именно Италия, как считали в Белграде, организовала покушение на жизнь короля Александра в декабре 1933 г. в Загребе, надеясь вызвать этим распад Югославии.

Беспокойство в связи со все более угрожающим развитием югославо-итальянских отношений сказывалось и на отношениях с Францией. «Франция думает только о себе и своей собственной безопасности», — заявил посланник⁸⁶. В Белграде в последнее время значительно усилилось недоверие к дружбе с Францией. Оно порождалось возросшей близостью между Францией и Италией. В Белграде росло убеждение, что Франция не поколебалась бы принести в жертву интересы Югославии, если бы в обмен на это она могла получить поддержку Италии в вопросах разоружения и своей собственной безопасности⁸⁷. Чувство ненависти к Италии и недоверие к Франции, продолжал югославский посланник, вызвали спонтанное желание развивать, если это возможно, более тесные отношения с Германией. Но пока никто не может ответить на вопрос, как это сделать. Ибо Югославия имеет обязательства по отношению к Франции и Малой Антанте, а они, конечно, будут возражать⁸⁸. Содержание беседы явно указывало на желание Югославии, чтобы Германия сама проявила инициативу в этом деле. И та не заставила себя долго ждать.

В середине марта 1934 г. в Белграде начались германо-югославские торговые переговоры. Немецкая сторона придавала им особое значение и преследовала важные политические цели. Эти переговоры были частью широко задуманного плана экономической, а затем и политической экспансии на Балканах. Переговоры с Югославией и значительные уступки в ее пользу должны были создать для Германии сильную опорную базу внутри экономиче-

⁸⁵ DCFP, series C, vol. II, doc. 381, p. 710.

⁸⁶ Там же, стр. 711.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

ской сферы Малой Антанты. Такая же роль «тройного коня» отводилась в немецких планах и Венгрии в итало-австро-венгерской экономической сфере⁸⁹. В итоге Германия рассчитывала вытеснить всех своих конкурентов с балканского рынка и занять там доминирующие позиции. Ее особенно беспокоило начавшееся между правительствами Италии и Франции обсуждение возможностей устранения противоречий и смягчения напряженности в Дунайском бассейне в целях предотвращения германского проникновения в этот район. Однако у германской дипломатии не было полной уверенности относительно позиции, которую займет Югославия в предстоящих переговорах. Поэтому в инструкции, данной немецкой делегации, указывалось, что вначале они должны были начаться на обычной основе и только затем принять направление, которое при переговорах с Венгрией было взято с самого начала⁹⁰ (т. е. экономические уступки, составление секретных протоколов о товарообмене и т. д.). Переговоры между Югославией и Германией велись в течение почти полутора месяцев и завершились подписанием 1 мая 1934 г. торгового договора, который преследовал не столько экономические, сколько политические цели.

Можно предполагать, что задачу усиления германского влияния ставил перед собой Г. Геринг, посетивший Белград в середине мая 1934 г. Однако никаких более подробных сведений об этом визите не имеется. Известно только, что встретиться с королем Александром ему не удалось⁹¹ и визит этот не оставил заметного следа в отношениях между двумя странами. Его значение заключалось в другом. После этого визита Гитлер наделил Геринга особыми полномочиями в деле руководства германской политикой по отношению к Югославии⁹². Это указывало на значение, которое придавалось нацистским руководством Югославии и ее роли в международных делах на Юго-Востоке Европы. Было ясно, что гитлеровцы связывали с ней осуществление своих особых планов в этом районе. С другой стороны, это привело к тому, что начиная с данного времени политика Германии по отношению к Югославии направлялась из двух центров: непосред-

⁸⁹ Там же, док. 318, стр. 592—596.

⁹⁰ DGFP, series C, vol. II, doc. 318, p. 592.

⁹¹ Там же, т. III, док. 27, стр. 68.

⁹² K.-D. Meiss. Указ. соч., стр. 38.

венно Герингом и германским МИД, что являлось необычным даже в нацистской практике. Уполномоченный же Геринга в Югославии генеральный консул Ф. Нейхаузен пользовался не меньшим, а возможно и большим влиянием, чем официальный посланник Герен⁹³.

В политическом плане германо-югославские отношения продолжали оставаться неопределенными. С югославской стороны они строились прежде всего в расчете на противодействие Германии попыткам Италии утвердиться в Австрии. Но колебания итало-германских отношений не давали Югославии твердой уверенности в правильности этих расчетов. Встреча Гитлера с Муссолини в Милане 14—15 июня 1934 г. вновь вызвала большое беспокойство в Белграде⁹⁴. Перспектива оказаться перед лицом итало-германского союза внушала ужас югославским правящим кругам. В таких условиях они не могли позволить себе пойти на ослабление своих союзнических связей с Францией и Малой Антантой.

Германские происки на Балканах вызывали беспокойство правящих кругов ряда стран. Так, немецкий посол в Италии сообщил, что в Риме наблюдают за германской активностью в Белграде «с величайшим вниманием и недоверием»⁹⁵. С еще более понятным недоверием отнеслась к этому Франция. Однако французская дипломатия не собиралась уступать позиций без боя и оптимистически оценивала свои шансы в предстоящей борьбе. Барту, в частности, прямо говорил об этом немецкому послу в Париже. «Он очень воодушевился в конце концов по поводу Югославии,— писал посол о беседе с Барту в середине июня 1934 г.— Он хорошо понимал, что мы были заинтересованы в Югославии и что эта страна также, до известной степени, заинтересована в нас. Эти интересы полностью совпадают с экономическим положением обеих стран, но Франция ни в коем случае не может позволить

⁹³ К сожалению, никаких документов о деятельности Геринга и Ф. Нейхаузена в этой области до сих пор не обнаружено. Югославский историк Д. Бибер отмечает этот факт как один из самых существенных пробелов. Не найдены также архивы внешне-политической службы нацистской партии, возглавлявшейся А. Розенбергом, и некоторых других немецких учреждений, ведавших отношениями с Югославией («Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, № 1, str. 59—72).

⁹⁴ DGFP, series C, vol. III, doc. 27, p. 68—70.

⁹⁵ Там же, т. II, док. 318, стр. 594.

(как он выразился) Германии спать с Югославией в одной кровати»⁹⁶.

Колебания во внешней политике Югославии были довольно широко известны во французских правительственных сферах. Этот вопрос обсуждался на заседании Совета министров Франции в середине июня 1934 г. «Следует внимательно следить за Югославией,— писал в своих мемуарах Э. Эррио,— которая, по мнению маршала Петена, имеет тенденцию отойти от нас и, как говорит Пьетри, выходит из-под нашего военного влияния»⁹⁷.

Отношения между Францией и Югославией таили значительные противоречия. Однако в тот период они не влекли за собой радикальных изменений югославской внешней политики, хотя и порождали у нее тенденцию занять более независимую позицию.

Тревога французских государственных деятелей была вполне обоснованной. Истинные размеры и причины их беспокойства можно понять только с учетом изменений международного положения Франции. Перевооружение Германии создало новое военно-стратегическое положение в Европе, которое сказалось на системе французских военных союзов. Последние стали распадаться. В январе 1934 г. был заключен германо-польский договор о дружбе и нейтралитете, который на деле означал отказ Польши от союза с Францией. В марте 1934 г. Бельгия также заняла позицию, свидетельствовавшую об ее отходе от союза с Францией⁹⁸. Это было сильным ударом по французскому престижу. Колебания Югославии были восприняты поэтому с тем большей тревогой, что ее отход от Франции означал бы развал Малой Антанты.

Рост германской угрозы и подрыв влияния Франции на международной арене вынудили французские правящие круги предпринять ряд энергичных мер для укрепления своих позиций в Европе. Новая линия французской политики была связана с именем Л. Барту, занявшим в феврале 1934 г. пост министра иностранных дел. В это время происходит сближение Франции с Советским Союзом, который последовательно проводил политику международного сотрудничества в интересах сохранения мира. Франция поддержала выдвинутую Советским Союзом

⁹⁶ DGFP, series C, vol. III, doc. 4, p. 9—10.

⁹⁷ Э. Эррио. Указ. соч., стр. 532.

⁹⁸ «История дипломатии», т. III. М., 1945, стр. 500.

идею Восточного пакта, который должен был преградить путь гитлеровским поджигателям новой войны ⁹⁹.

Восточный пакт, как понимал его Л. Барту, должен был охватить все восточноевропейские страны, в том числе Советский Союз, Германию и Польшу, и содержать условия оказания взаимной помощи, включая военную, в случае нападения агрессора. Кроме того, западноевропейские государства, не входившие в этот договор (Франция, Англия, Италия и Бельгия), должны были гарантировать его. По сути дела Барту стремился дополнить Локарнский пакт своего рода «Восточным Локарно» и создать таким путем союз европейских стран против агрессии ¹⁰⁰.

Французская дипломатия намеревалась также в дополнение к Восточному пакту, который должен был иметь общеевропейское значение, создать региональный пакт стран Центральной Европы при участии Италии и Франции с целью гарантировать независимость Австрии от германских происков. Оба плана осуществлялись параллельно. В случае успеха этих замыслов в Европе была бы создана действенная система коллективной безопасности с активным участием Советского Союза, а планы гитлеровской Германии сорваны.

Для осуществления этих замыслов Барту предпринял две поездки по странам Центральной и Юго-Восточной Европы. В апреле 1934 г. он посетил Варшаву и Прагу. Поездка показала, что Польша отрицательно отнеслась к идее Восточного пакта. Чехословакия, наоборот, поддерживала этот план ¹⁰¹. У стран Малой Антанты были свои трудности. Центральным звеном в планах создания Восточного пакта было участие в нем Советского Союза. Его признание Чехословакией и Румынией последовало только 9 июня 1934 г., когда уже велись переговоры о Восточном пакте.

⁹⁹ «Борьба СССР за коллективную безопасность в 1933—1935 гг.». Подборка документов. «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 152—155.

¹⁰⁰ См. статьи: Ж.-Б. Д ю р о з е л ь. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г. «Французский ежегодник 1961». М., 1962; А. З. М а н ф р е д. К истории франко-советского договора о взаимной помощи 1935 г. «Французский ежегодник 1961». М., 1962; З. С. Б е л о у с о в а. Указ. соч., стр. 37—38.

¹⁰¹ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 326.

Югославия по-прежнему отказывалась признавать Советский Союз. Но теперь ее позиция приобретала совсем иной характер. Из вопроса, касающегося только отношений двух стран — Советского Союза и Югославии, — он стал вопросом об отношении Югославии к французской политике и политике ее союзников по Малой Антанте, вопросом об отношении к системе коллективной безопасности. Таким образом, к прежним франко-югославским разногласиям об отношении к Италии, Австрии и Германии прибавились еще противоречия по поводу отношений с Советским Союзом.

Сложной проблемой явился вопрос об участии стран Малой Антанты в Восточном пакте. В плане, выдвинутом Советским Союзом и поддержанном Францией, предусматривалось участие одной только Чехословакии. И Советский Союз, и Франция исходили при этом из *регионального* характера проекта пакта, который был бы нарушен в случае участия в нем других стран Малой Антанты. Учитывая, что это затруднило бы заключение пакта, его противники подсказали Румынии идею добиваться присоединения к нему ¹⁰².

Наконец, следовало разрешить проблему участия Малой Антанты в итало-французских планах сотрудничества в Центральной Европе с целью защиты независимости Австрии, которые получили в прессе наименование «Дунайского пакта». Центральным пунктом в этом комплексе вопросов были итало-югославские противоречия, которые в свою очередь создавали почву для разногласий между Францией и Югославией. Преодоление всех этих противоречий стало первоочередной задачей французской дипломатии в Юго-Восточной Европе.

Поездка Л. Барту в июне 1934 г. в Бухарест и Бел-

¹⁰² Такую идею подсказывала Румынии, в частности, польская дипломатия. Советский Союз возражал против нее, считая, что пакт может потерять характер регионального и обесценится. Расширение участников пакта, по мнению советской дипломатии, «вероятно, повлекло бы отрицательно на позицию Англии и, наверное, восстановило бы Италию против пакта». Не желая идти на риск срыва заключения пакта, Советский Союз в то же время сообщил о своей готовности заключить «дополнительно к Восточному пакту особый советско-польско-румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша того пожелают». Обсуждение этих вопросов продолжалось в течение июля и августа 1934 г. («Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.». Подборка документов. «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 151—152).

град была также посвящена задачам создания Восточного пакта и преследовала цель укрепить связи Франции с Малой Антантой. Визит Барту в Бухарест был приурочен к очередной сессии Постоянного совета Малой Антанты, что должно было подчеркнуть ее верность общей политике с Францией.

24 июня Барту прибыл в Белград. В его переговорах с королем Александром был затронут широкий круг вопросов. Югославия благоприятно отнеслась к идее «Восточного Локарно»¹⁰³. Однако такие вопросы, как отношения с Италией и Советским Союзом, не были решены. Визит Барту послужил поводом для демонстраций франко-югославской дружбы. На торжественном заседании югославской скупщины произносились слова в поддержку мирных договоров и осуждался венгерский ревизионизм. Подводя итог визиту Л. Барту в Белград, немецкий посланник делал вывод, что «Югославия действительно готова слепо следовать французской политике союзов в целях сохранения статус-кво, но смотрит на возможность итало-французского соглашения с недоверием, а на возможность итало-югославского урегулирования — со скептицизмом»¹⁰⁴. В целом визит Барту в Белград был успешным. Он укрепил франко-югославский союз, хотя многие вопросы остались нерешенными.

Основным камнем преткновения на пути французских планов организации Дунайского пакта, особенно в связи с гарантией на его основе независимости Австрии от германских посягательств, была напряженность отношений между Югославией и Италией. Во время своего визита в Белград Л. Барту имел возможность убедиться в опасном развитии их отношений. 26 июня 1934 г., в тот самый день, когда он выступал в югославской скупщине, на рейде порта Дуррес в Албании, в непосредственной близости от границ Югославии, стал на якорь крупный отряд итальянских кораблей в количестве 22 боевых единиц¹⁰⁵. Смысл этого демонстративного жеста в тот момент, когда Барту вел в Белграде переговоры об урегулировании итало-югославских отношений, был весьма прозрачен. Италия ясно давала понять, что она не собирается отка-

¹⁰³ Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 236.

¹⁰⁴ DGFP, series C, vol. III, doc. 39, p. 93.

¹⁰⁵ In der M a u r. Указ. соч., т. 2, стр. 555.

зываются от своих империалистических притязаний на Балканах, в частности в Албании. «Дружеский визит» итальянского флота сопровождался новым нажимом на Албанию. В Белграде эти действия расценивались как прямая угроза безопасности Югославии.

Усиление напряженности в итало-югославских отношениях совпало с нацистским путчем в Австрии и убийством канцлера Дольфуса 25 июля 1934 г., что накалило отношения между Италией и Германией.

Позиция Югославии в период нацистского путча в Австрии снова показала, что основные линии ее внешней политики определялись, по крайней мере в то время, напряженными отношениями с Италией. В австрийских событиях она увидела прежде всего возможность установления итальянского протектората над Австрией. Особое беспокойство у югославских правящих кругов вызвали сообщения о концентрации итальянских войск на австрийской границе. Значительные передвижения итальянских войск, начавшиеся сразу же после получения первых известий о событиях в Вене ¹⁰⁶, были расценены как подготовка итальянского вооруженного вмешательства в австрийские дела.

Югославия решительно выступила против самой возможности вступления итальянских войск на австрийскую территорию. Она отстаивала ту точку зрения, что австрийский вопрос является международной проблемой, а единственным компетентным органом, который вправе решать его, является Лига Наций. Свои взгляды Югославия через своего посланника довела до сведения Берлина ¹⁰⁷. Еще более резко эти мысли были сформулированы в заявлении югославского посланника в Вене Настасиевича. По поручению своего правительства он предупредил австрийское министерство иностранных дел, послов Франции и Англии, что Югославия не оставила бы без ответа и последствий вторжение итальянских войск на австрийскую территорию ¹⁰⁸. Другие югославские представители прямо заявляли, что в случае вступления итальянских войск в Австрию югославская армия оккупирует Каринтию ¹⁰⁹.

¹⁰⁶ DBFP, second series, vol. VI, doc. 533, p. 871; doc. 538, p. 877.

¹⁰⁷ R. M a c h r a y. Указ. соч., стр. 163.

¹⁰⁸ DGFP, series C, vol. III, doc. 137, p. 274.

¹⁰⁹ DBFP, second series, vol. VI, doc. 541, p. 880.

Позиция Югославии была продиктована ее страхом перед Италией, однако объективно она была выгодна и гитлеровской Германии.

30 июля 1934 г. в Вене состоялось совещание посланников стран Малой Антанты, на котором присутствовал также французский посол. Югославский посланник вновь поставил вопрос об итальянской военной интервенции и выразил опасения относительно возможных последствий, которые имели бы односторонние действия Италии. Французский посол, считая такие действия уже не актуальными, все же согласился, что любое вмешательство в австрийские дела должно носить международный характер¹¹⁰. На совещании был обсужден поставленный югославской стороной вопрос о необходимости расширения политической базы австрийского правительства путем включения в него таких течений, как, например, ландбунд, который в прошлом сотрудничал с канцлером Дольфусом¹¹¹. Совещание разделило эту точку зрения. Как видно, югославское правительство стремилось усилить в Австрии те политические течения, которые не ориентировались во внешней политике на Италию.

Позиция Югославии оказала известное влияние на точку зрения ее союзников по Малой Антанте и на Францию. Они, в частности, согласились с ее тезисом о недопустимости односторонних действий Италии в австрийском вопросе. Югославия, поддержанная Чехословакией, обратилась к французскому правительству с просьбой предотвратить односторонние действия Италии. Французская дипломатия учитывала серьезность возникшей ситуации и ее возможные последствия в будущем. В беседе с английским послом в Париже генеральный секретарь французского МИД Леже говорил: «Если Италия пошлет войска в Каринтию, ничто не сможет удержать Югославию от подобных же действий, чтобы не допустить установления прямой связи Италии с Венгрией. Чехословакия также произведет мобилизацию при первых же передвижениях итальянских войск»¹¹². Франция стремилась предотвратить возможность такого поворота событий. Лучшим способом она считала улучшение отношений ме-

¹¹⁰ DBFP, second series, vol. VI, doc 543, p. 880—881.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, док. 548, стр. 884—885

жду Италией и Югославией, но хотя и прилагала к этому немало усилий, они не давали пока желаемых результатов.

После подавления путча часть бежавших из Австрии нацистов нашла убежище в Югославии¹¹³. Острая кампания в итальянской прессе против Германии была направлена также и против Югославии. Итальянские газеты обвинили ее, что она оказала поддержку австрийским фашистам и действовала против Австрии в соответствии с тайным договором с Германией. Не осталась в долгу и югославская пресса. Полуофициальная газета «Време» и другие ответили резкими выпадами против итальянской армии, язвительно отзываясь о ее боеспособности. В Словении, в Мариборе, произошли антиитальянские манифестации. В ответ Италия отказалась участвовать в парламентской конференции по торговым вопросам в Белграде. Она обвиняла югославское правительство в агрессивных намерениях. В течение сентября 1934 г. газета «Джорнале д'Италия» опубликовала целую серию документов, которыми стремилась доказать, что Югославия подготавливала захват Триеста, Риеки и всей Истрии.

Напряженность итало-югославских отношений и их переплетение с итало-германскими противоречиями еще больше осложняли и запутывали политическую обстановку на Балканах.

Позиция Югославии привела к резкому обострению ее отношений с Италией как раз в то время, когда между Италией и Францией возобновились оживленные переговоры.

Австрийские события летом 1934 г. явились переломным моментом в переговорах между Францией и Италией: обе стороны вынуждены были поторопиться с достижением соглашения о сотрудничестве в Дунайском бассейне и в деле сохранения независимости Австрии. Переговоры

¹¹³ Бежавшие в Югославию австрийские нацисты разместились в нескольких лагерях в Вараждине и в других местах. Они пробыли здесь до конца 1934 г. Осенью 1934 г. Гитлер отдал распоряжение вывезти их в Германию. В декабре 1934 г. на двух немецких пароходах из югославского порта Сплит отбыло около 1600 человек (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 48, п. 3, лл. 1074—1075; DGFP, series C, vol. III, doc. 337, p. 644—645). Общее число беженцев было, по-видимому, несколько больше и приближалось к 2 тыс. человек.

между ними возобновились в конце августа 1934 г. и продвигались довольно быстро. Обе стороны легко разрешили все проблемы, касавшиеся непосредственно их отношений: вопросы, связанные с Тунисом, колониальные проблемы в Африке, в частности вопрос о ливийских границах, и вопросы морского паритета на Средиземном море. Однако центральный вопрос — соглашение о сотрудничестве в Дунайском бассейне и Юго-Восточной Европе и австрийский вопрос — почти не сдвинулся с места. Наибольшим препятствием на пути к его решению по-прежнему оставались итало-югославские отношения. И хотя в начале сентября 1934 г. вся мировая пресса была заполнена сообщениями о скором заключении соглашения между Францией и Италией ¹¹⁴, впереди еще лежали большие трудности ¹¹⁵. Предполагалось, что они будут решены в ближайшее время, во всяком случае до второй половины октября 1934 г., когда Барту намечал нанести визит в Рим.

Советский Союз внимательно следил за ходом франко-итальянских переговоров. Хотя отношения Франции и Италии не затрагивали его непосредственных интересов, они оказывали влияние на международное положение в Европе. Соперничество Италии и Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе открывало широкое поле для интриг гитлеровской Германии. Наоборот, их сближение ограничивало возможности германского проникновения в страны Дунайского бассейна. Поэтому советская дипломатия положительно расценивала итало-французское сближение. Позиция Советского правительства находила отражение на страницах печати. 10 сентября 1934 г. в «Известиях» была опубликована редакционная статья «Поиски итало-французского соглашения». В ней отмечалось, что «в нынешней международной обстановке итало-французское соглашение имело бы огромное политическое значение и оказало бы, бесспорно, серьезнейшее влияние

¹¹⁴ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1934 г., д. 12, п. 4 в.

¹¹⁵ Оценивая позицию Италии в ходе переговоров, Э. Эррио записал в своем дневнике 22 сентября 1934 г.: «Австрийские дела приняли деликатный и сложный характер. Италия маневрирует... Италия желала бы, чтобы австрийский вопрос не обсуждался Лигой Наций, а был урегулирован ею и Францией и согласован с Англией и Германией. Позиция Италии ясна: она хочет разъединить нас с Лондоном, Югославией и Малой Антантой» (Э. Эррио. Указ. соч., стр. 548).

на расстановку сил на европейском континенте». В статье подчеркивалось, что на пути соглашения двух стран стоят многочисленные препятствия. Однако в случае успеха действие соглашения распространится на все вопросы европейской политики. «Нет ничего удивительного в том, — говорилось в конце статьи, — что германская печать проявляет крайнюю нервозность как по поводу переговоров, которые ведутся итальянской и французской дипломатией, так и по поводу предстоящей поездки Барту в Рим»¹¹⁶.

Как свидетельствуют факты, Югославия в конечном итоге разделила мнение Франции и своих союзников по Малой Антанте о необходимости создания системы коллективной безопасности в Европе, в частности Дунайского пакта. Для Франции это имело большое значение потому, что без сотрудничества Югославии, а тем более при ее враждебном отношении к Италии план терял свой смысл и грозил расколом Малой Антанты.

Усилия французской дипломатии были небезуспешными. Собравшаяся 13—14 сентября 1934 г. в Женеве сессия Постоянного совета Малой Антанты приветствовала франко-итальянское сближение и поддержала Восточный пакт. При этом сессия выразила мнение, что он усилит гарантии сохранения мира и будет скоро подписан. Особое внимание было уделено вопросу о приглашении Советского Союза в Лигу Наций.

Югославия, первоначально расходившаяся в этом вопросе с Чехословакией и Румынией, сняла свои возражения¹¹⁷. Малая Антанта единогласно приняла решение голосовать за приглашение СССР в Лигу Наций, которое последовало 18 сентября 1934 г.

Как предполагали в дипломатических кругах, визит короля Александра в Париж должен был способствовать нормализации итало-югославских отношений. В начале октября появились признаки, говорившие об уменьшении их напряженности. На этот раз примирительные жесты были сделаны Италией. 6 октября 1934 г., выступая с речью в Милане, Муссолини говорил об улучшении отношений с Францией и заявил о намерении Италии продолжать защищать независимость Австрии. Однако Италия, как отмечалось в речи, не стремится к установле-

¹¹⁶ «Известия», 10.IX 1934.

¹¹⁷ R. M a c h g a u. Указ. соч., стр. 164.

нию протектората над Австрией, и это открывало возможности для соглашения с Югославией. В качестве предпосылки для улучшения итало-югославских отношений Муссолини выдвигал отказ от газетной кампании против Италии, особенно против итальянской армии. «Для политической дружбы, — заявил он, — вера в доблесть итальянской армии является неременным условием»¹¹⁸. Показательно, что речь Муссолини встретила положительные отклики в Париже. Французская пресса подчеркивала умеренный и примирительный тон речи и связывала ее с предстоящим визитом короля Александра¹¹⁹. Так обстояли дела накануне 9 октября 1934 г., когда выстрелы в Марселе вновь изменили ход событий и поставили отношения Югославии с Италией на грань войны.

Операция «Тевтонский меч»

Вопрос о марсельском покушении является одним из наиболее запутанных в истории международных отношений новейшего времени. Кто был идейным вдохновителем и кто являлся непосредственным исполнителем этого преступного террористического акта? Характерно, что мнения большинства современников и мировой прессы того времени не подтверждаются более поздними выводами исторической науки. Теперь, много лет спустя после окончания второй мировой войны, когда многие тайны стали явными, в распоряжении исследователей имеются документы, проливающие свет, если не на все, то по крайней мере на наиболее важные стороны этого вопроса. Прежде чем ответить на него, постараемся осветить реакцию мирового общественного мнения на марсельские убийства и их непосредственное влияние на международное положение.

Убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту в Марселе 9 октября 1934 г. до крайней степени обострило отношения Югославии с Италией и Венгрией. Югославская пресса развернула против них шумную кампанию. Во многих городах — Белграде, Загребе, Любляне, Осиеке и др. — произошли организованные правительством антиитальянские и антивенгерские демонстрации¹²⁰. Создавшееся

¹¹⁸ Н. М а с х г а у. Указ. соч., стр. 166.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Ј. Ј о в а н о в и ћ. Указ. соч., т. II, стр. 434.

положение в дипломатических кругах сравнивали с обстановкой после сараевского покушения в 1914 г. В милитаристских великосербских кругах вынашивались планы вооруженного столкновения с Италией и Венгрией. В стране усиленно раздувался шовинистический угар с целью создать благоприятную атмосферу для «войны мести»¹²¹.

19 октября в Белграде собрался Постоянный совет Малой Антанты. Произведенное расследование предоставило в распоряжение югославского правительства обширный материал о причастности к марсельскому убийству правящих кругов Италии и Венгрии, а также об их покровительстве усташской организации А. Павелича, явившейся непосредственным исполнителем террористического акта¹²². Однако Чехословакия и Румыния не были склонны разделять воинственные настроения Югославии. Охарактеризовав убийство в Марселе как «покушение против существующего в Европе порядка»¹²³, Постоянный совет Малой Антанты счел необходимым передать дело на рассмотрение Лиги Наций. Когда же дело дошло до подачи жалобы в Лигу Наций, Чехословакия и Румыния оказали на Югославию сильнейший нажим, чтобы побудить ее отказаться от жалобы на Италию. Их усилия подкреплялись советами со стороны Франции.

Особенно резкую позицию в этом вопросе заняла Англия. Министр иностранных дел Д. Саймон заявил югославскому посланнику Джуричу, что если Югославия будет настаивать на выдвижении своего обвинения против Италии, а Муссолини решится начать из-за этого военные действия, то Англия не окажет помощи Югославии¹²⁴. То же самое в Женеве повторил А. Иден югославскому представителю в Лиге Наций К. Фотичу. Аналогичную позицию занял в Париже сменивший Л. Барту на посту министра иностранных дел Франции Пьер Лаваль¹²⁵. Югославия, таким образом, оказалась фактически в дипломатической изоляции, и под давлением своих союзников должна была отступить от первоначаль-

¹²¹ F. Čulino vić. Jugoslavija između dva rata, t. II, str. 70.

¹²² V. Miličević. Der Königsmord von Marseille. Das Verbrechen und seine Hintergründe. Bad Godesberg, 1959.

¹²³ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 344.

¹²⁴ J. B. H o p t n e r. Yugoslavia in Crisis, 1933—1941, p. 27.

¹²⁵ Там же.

ной позиции. В ее жалобе, направленной в Лигу Наций, фигурировала лишь одна Венгрия ¹²⁶.

Союзники Югославии воспротивились также срочному созыву чрезвычайной сессии Совета Лиги Наций. В беседе с Бенешем в середине октября 1934 г. П. Лаваль заявил, что такой шаг не соответствовал бы задаче разрядки международной напряженности в Центральной Европе. Бенеш от имени Малой Антанты согласился с позицией Франции ¹²⁷.

Мировая пресса тех дней единодушно указывала на ответственность правящих кругов Италии и Венгрии за совершенное преступление. Поддержка ими хорватских террористов-ушастей была общеизвестна. Однако часть прессы отмечала, что в подготовке покушения замешана и гитлеровская Германия. Это мнение разделялось коммунистической печатью. Выступая на сессии Лиги Наций, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов говорил, что «марсельские события были результатом не только действий их непосредственных участников, но и попустительства, а может быть и пособничества, скажем, неизвестных властей неизвестной страны». Он подчеркнул также, что «новейший терроризм — орудие реакции и зачинщиков войны» ¹²⁸. Многие косвенные данные говорили о том, что организатором марсельского покушения была гитлеровская Германия. Однако в то время такое предположение было основано лишь на оценке политических мотивов совершенного преступления.

Обсуждение вопроса о марсельских событиях в Совете Лиги Наций в декабре 1934 г. превратилось в фарс. Главный докладчик по поводу жалобы Югославии — английский представитель А. Иден — всячески избегал упоминания о чьей-либо прямой ответственности за это преступление. Англия, как и Франция, действовавшая в интересах дружбы с Италией, откровенно старалась поскорее замаять «неприятное» дело. В принятой 10 декабря 1934 г. резолюции Лига Наций выражала свое

¹²⁶ «League of Nation. Request by the Yugoslav Government under Article II, Paragraph 2 of the Covenant. Communication from the Yugoslav Government». Geneva, 30.XI 1934.

¹²⁷ Keesings Archiv der Gegenwart vom 17. Oktober 1934, S. 1673 G.

¹²⁸ М. Л и т в и н о в. Внешняя политика СССР. Речь и заявления 1927—1937 гг. М., 1937, стр. 119—122.

сожаление по поводу имевших место событий и предлагала венгерскому правительству наказать лиц, виновных в попустительстве усташским террористам¹²⁹. На этом дело практически и закончилось¹³⁰.

Полного расследования марсельского покушения так и не было произведено. Непосредственный исполнитель террористического акта был убит на месте преступления, унеся с собой многие тайны. Бессистемные аресты, произведенные во Франции, показали сложную картину широкого заговора. Было выяснено, что помимо террористов в Марселе существовала еще одна группа, которая должна была действовать в Версале — резиденции короля Александра на время пребывания во Франции. Однако у следствия явно не было желания выяснить действительную подоплеку событий. Только в 1936 г. во Франции состоялся суд над тремя лицами, замешанными в марсельском покушении. Все трое играли в этом деле второстепенные роли и не могли много знать, однако были приговорены к пожизненным каторжным работам¹³¹.

Суд не раскрыл действительных организаторов покушения, не выявил никаких неожиданных или новых фактов. Связь усташской организации А. Павелича с бюро Розенберга была давно известна югославской полиции¹³². Об этом говорил, в частности, еще в ноябре 1934 г. поверенный в делах Югославии в Берлине Расич в беседе с ответственным чиновником германского МИД. Последний в отчете об этой беседе писал: «Югославы подозревают, что хорваты все еще как-то получают известную поддержку в Германии»¹³³. Однако дальше этого их подозрения не шли. Вопрос об ответственности Германии за организацию марсельского покушения оставался не более

¹²⁹ «League of Nation. Official Journal». 15-th Year, N 12 (Part II). Minutes of the Eighty-third (extraordinary) Session of the Council. December 1934, p. 1759—1760.

¹³⁰ J. J о в а н о в и ч. Указ. соч., т. II, стр. 451. В мае 1935 г. Лига Наций решила вообще снять марсельский вопрос с повестки дня.

¹³¹ G. C s e r e n y u. The Assassination of King Alexander of Yugoslavia in 1934 and the Political Background of the Crime, vol. II. London, 1954, p. 659—708.

¹³² Интересные факты о связях усташей с нацистами, почерпнутые из архива бывшего германского МИД и из югославских архивов, содержатся в статье югославского историка Д. Вибера (D. V i b e r. Ustaše i Treći Reich. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1964, N 2).

¹³³ DGFP, series C, vol. III, doc. 332, p. 632—638.

чем гипотезой. Только много лет спустя после окончания войны были опубликованы документы, которые позволили установить участие гитлеровцев в убийстве короля Александра и Л. Барту. Именно они подготовили и организовали этот террористический акт, получивший в секретных документах германской разведки особое кодовое наименование — операция «Тевтонский меч».

Документы, доказывающие ответственность гитлеровцев за совершенное в Марселе преступление, были впервые обнародованы в Берлине 18 июля 1957 г. на международной пресс-конференции, организованной Президиумом Совета Национального фронта ГДР. Всего сохранилось три документа: письмо Геринга от 1 сентября 1934 г. помощнику немецкого военного атташе в Париже капитану Г. Шпейделю, в котором говорилось о двух распоряжениях Гитлера относительно операции «Тевтонский меч» и инструкции по ее осуществлению (последние пока не обнаружены); ответное письмо Шпейделя от 3 октября 1934 г., в котором он докладывал Герингу, что подготовка к операции завершена; и, наконец, приложенная к последнему письму копия сообщения немецкого шпиона Г.-Э. Хаака: точное описание намеченного маршрута короля Александра во время его предстоящего прибытия в Марсель и мер по охране его безопасности¹³⁴. Эти документы совершенно бесспорно доказывают юридическую ответственность фашистской Германии и ее руководителей, в первую очередь Гитлера и Геринга, за марсельские убийства.

Каковы же были политические мотивы и цели, которые преследовала фашистская Германия? По нашему мнению, некоторые югославские историки слишком узко подходят к этому вопросу, пытаясь ответить на него, исходя только из состояния германо-югославских отношений в тот период и абстрагируясь от общей международной обстановки. Так поступает, например, Д. Бибер. Ссылаясь на то, что мы не располагаем «никакими источниками из первых рук» о политических мотивах

¹³⁴ «Dokumentation der Zeit. Informations-Archiv». Berlin, Deutsches Institut für Zeitgeschichte, 20. VIII 1957, H. 147, S. 27—31. На русском языке эти документы целиком напечатаны в переведенной с немецкого языка книге: А. и Э. Торндайк, К. Раддац. Операция «Тевтонский меч». Большая карьера мелкого шпиона. М., 1960.

покушения, он делает попытку свести весь вопрос к отдельным личностям. «Устранение Барту,— пишет он,— было, несомненно, в интересах нацистской политики. Однако весьма неясным является вопрос, можно ли утверждать то же самое и в отношении короля Александра»¹³⁵. В подтверждение этого мнения Д. Бибер приводит ряд высказываний журналистов и историков, считающих, что убийство Александра являлось потерей для Германии, так как при нем началось сближение Югославии с Германией. Следует заметить, что эти высказывания подобраны односторонне. Им можно противопоставить такое же, если не большее, количество иных мнений¹³⁶. Особого внимания заслуживает в этой связи мнение современного западногерманского исследователя К. - Д. Мейсса, который утверждает, что «в конечном счете смерть Александра оказала благоприятное воздействие на германо-югославские отношения; она предоставила желанную возможность выразить сочувствие Германской империи и использовать к собственной выгоде одновременную потерю престижа Франции»¹³⁷. Как нам представляется, значительное число фактов позволяет сделать вывод, что Германия по меньшей мере не была заинтересована в короле Александре и не видела в нем политического деятеля, на которого она могла бы опереться в осуществлении своих планов в Юго-Восточной Европе.

Истинные причины организации марсельского покушения нельзя понять, если смотреть на него только сквозь призму германо-югославских отношений. Корни этого

¹³⁵ D. B i b e r. Указ. соч., стр. 46.

¹³⁶ Можно сослаться, например, на точку зрения Н. Мирковича, который считал, что король Александр «был, вероятно, первым европейским государственным деятелем, который осознал действительное значение развития Германии после 1933 г. и активно попытался предотвратить события, действительно произошедшие после того, как врагам его страны удалось убрать его с политической сцены. Балканский пакт, заключенный в феврале 1934 г., а также переговоры короля с французским министром иностранных дел г-ном Луи Барту были частью более широкого плана создания эффективной международной системы обороны и стабильности. Прямым последствием марсельского убийства было, помимо прочего, быстрое ухудшение отношений между Францией и Югославией и ослабление Малой Антанты» (N. M i r k o v i c h. Jugoslavia's Choice. «Foreign Affairs», vol. 20, N 1, October 1941, p. 133; H. F. A r m s t r o n g. After the Assassination of King Alexander. «Foreign Affairs», vol. 13, N 2, January, 1935).

¹³⁷ K.-D. M e i s s. Указ. соч., стр. 60.

преступления лежали гораздо глубже, а его цели выходили далеко за рамки не только югославо-германских отношений, но и немецких планов в отношении Балкан и Дунайского бассейна. Речь шла о гораздо большем: о намерении предотвратить образование в Европе антигерманского блока государств с участием Франции и Италии, что было реальной возможностью в то время. В конечном итоге речь шла о борьбе с планами создания системы коллективной безопасности, которые выдвигал и поддерживал Советский Союз и другие миролюбивые страны.

Чтобы понять причины, побудившие гитлеровцев подготовить убийство короля Александра и Л. Барту, и обстановку, в которой зародилась идея использовать террористические методы для достижения внешнеполитических целей, необходимо ознакомиться с особенностями руководства внешней политикой Германии в первые годы пребывания фашистов у власти.

Особый интерес представляет для нас в этом отношении то недоверие, которое испытывало нацистское руководство к министерству иностранных дел. Сам Гитлер называл его «сообществом заговорщиков», а руководитель внешнеполитического бюро нацистской партии А. Розенберг именовал его сотрудников не иначе как «саботажниками»¹³⁸. Конечно, весь аппарат германского МИД во главе с Нейратом верой и правдой служил экспансионистским целям Гитлера. Однако последний упорно не доверял ему¹³⁹. Еще большее недоверие к Нейрату и другим дипломатам старой школы питал Альфред Розенберг, который был склонен, по замечанию западногерманского историка Г. Серафима, рассматривать себя в качестве будущего руководителя внешней политики фашистской Германии¹⁴⁰. Конфликты Розенберга и Риббентропа с Нейратом были характерным явлением для первых лет пребывания фашистов у власти. Розенберг был убежден, что только из-за уважения к президенту Гинденбургу Гитлер все еще терпел Нейрата на посту министра иностранных дел¹⁴¹.

¹³⁸ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs aus den Jahren 1934—1935 und 1939—1940». Göttingen, 1956, S. 18, 22.

¹³⁹ «История дипломатии», т. III, стр. 463—465.

¹⁴⁰ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 5.

¹⁴¹ Там же, стр. 18.

Разногласия между Розенбергом и Нейратом вспыхивали и по вопросам политики в отношении Югославии. Показательными являются, например, их разногласия из-за хорватской эмиграции в Германии в конце 1933 г. в связи с так называемым делом Елича. Суть его заключалась в следующем. Б. Елич, один из лидеров хорватской усташской эмиграции, издавал в Германии две резко антиюгославские газеты. Одна из них называлась «Независна држава Хрватска». Деятельность Елича, как свидетельствуют опубликованные немецкие документы, служила поводом для неоднократных протестов со стороны югославской миссии в Берлине. В конце концов осенью 1933 г. МИД принял решение закрыть обе усташские газеты. Однако в защиту Б. Елича дружно выступило военное министерство и внешнеполитическое бюро А. Розенберга. Представитель Военного министерства указывал, например, что они исходят из предположения, что в случае возникновения войны в Европе Югославия будет на стороне противников Германии. Поэтому враждебная Югославии усташская эмиграция должна приветствоваться как важный союзник. Используя эмиграцию в разведывательных целях, военное министерство в случае возникновения войны надеялось с ее помощью поднять на восстание хорватское население в самой Югославии¹⁴². Внешнеполитическое бюро А. Розенберга указывало со своей стороны, что оно связано с Еличем и что последний «неоднократно оказывал ценные услуги»¹⁴³.

Разногласия между МИД и внешнеполитическим бюро привели к открытому конфликту. МИД доказывал, что Б. Елич и издаваемые им газеты стали серьезным бременем в отношениях с Югославией. В подтверждение этого мнения приводилось донесение гестапо, которое специально посылало секретного агента в Белград. Этот агент поддерживал позицию МИД. Наконец, указывалось, что фюрер дал новому посланнику в Югославии фон Герену специальные инструкции, в которых рекомендовал особо внимательное отношение к Югославии¹⁴⁴. В конечном итоге конфликт был разрешен лично Гитлером в пользу МИД¹⁴⁵. Но даже и после этого усташские эмигрантские газеты про-

¹⁴² DGFP, series C, vol. II, doc. 43, p. 74—75.

¹⁴³ Там же, док. 72, стр. 133—134.

¹⁴⁴ DGFP, series C, vol. II, doc. 72, p. 133—134.

¹⁴⁵ Там же, док. 92, стр. 160—161.

должали выходить еще около двух месяцев. Они были закрыты только в самом конце января 1934 г.¹⁴⁶

Вопрос об отношениях с Югославией, как видно из этого случая, вызывал большие трения в государственном аппарате фашистской Германии. Все же в начале и в первой половине 1934 г. верх одержала линия укрепления отношений с Югославией, и факты того времени говорят, что она проводилась не без успеха. Но факты свидетельствуют также и о том, что в гитлеровском государственном аппарате продолжалась борьба за право руководства внешней политикой, в частности по отношению к Югославии. Получение Герингом весной 1934 г. чрезвычайных полномочий от Гитлера в деле руководства германскими отношениями с Югославией не только ставило последнюю в исключительное положение, но и, может быть, являлось завершением упомянутого выше конфликта между Нейратом и Розенбергом.

События лета 1934 г. значительно изменили международное положение Германии. Свидание Гитлера с Муссолини 14 июня 1934 г. в Венеции не увенчалось конкретными соглашениями. Противоречия обеих стран по вопросу о будущем Австрии остались в силе. Между тем внутренняя борьба в Германии привела 30 июня 1934 г. к кровавой расправе Гитлера со своими противниками. «Ночь длинных ножей» вызвала бурную реакцию за рубежом. «30 июня,— записал в своем дневнике А. Розенберг,— произошло во всем мире почти катастрофическое впечатление»¹⁴⁷. Даже нацистское руководство понимало, что престижу Германии нанесен сильный удар. Последовавший вскоре фашистский путч в Австрии в еще большей степени осложнил положение гитлеровской Германии. «События развиваются быстро. Убийство Дольфуса, ужасная травля против Германии во всем мире, сегодня смерть Гинденбурга...»,— записал 2 августа 1934 г. Розенберг в своем дневнике¹⁴⁸. Его беспокойство неблагоприятным развитием событий было настолько сильным, что в этот день он прервал свой отпуск, чтобы поговорить с Гессом о внешнеполитическом положении страны. Содержание их разговора осталось неизвестным. Розенберг сообщает только, что он потребовал для себя особых пол-

¹⁴⁶ DGFP, series C, vol. II, doc. 92, p. 160—161.

¹⁴⁷ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 39.

¹⁴⁸ Там же, стр. 40.

номочий в деле руководства внешней политикой нацистского движения, а Гесс согласился доложить об этом фюреру»¹⁴⁹.

Дневник А. Розенберга представляет для целей данной работы особый интерес. В этот период он занимал одно из первых мест в фашистской иерархии. Недаром он претендовал на особые полномочия в руководстве ее внешней политикой. Нам не известен ответ Гитлера на требования А. Розенберга, который ничего больше не сообщает по этому поводу в своих дневниках¹⁵⁰. Гораздо более важным представляется нам вопрос, действовал ли Розенберг в соответствии с поставленным им требованием. По нашему мнению, на этот вопрос следует дать положительный ответ. Не подлежит также сомнению, что эти действия, учитывая отношения Розенберга с Нейратом, должны были совершаться помимо МИД и в обход его. Недаром Розенберг в связи со смертью Гинденбурга выражал радость по поводу того, что теперь Гитлер приберет, наконец, МИД к рукам¹⁵¹.

Дневники А. Розенберга проливают некоторый свет на ход его мыслей, которые, вероятно, разделялись и другими нацистскими лидерами в то время. Прежде всего он был возмущен реакцией Италии на австрийские события. «Никто не ожидал, что Италия будет действовать таким подлым образом в связи со случаем Дольфуса»¹⁵², — писал А. Розенберг. Он, безусловно, должен был отдавать себе отчет в том, что планы создания системы коллективной безопасности в Европе могли сорвать захватнические замыслы фашистской Германии. Австрийские события активизировали, в частности, деятельность французской дипломатии по созданию Восточного и Дунайского пактов. Сближение Франции с Италией на основе гарантии австрийской независимости пресекало возможности для дальнейших нацистских происков в Австрии. Развитие международных событий принимало угрожающий для гитлеровской Германии оборот. В таких условиях усилия

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Г. Серафим, издатель дневников Розенберга, отмечает в предисловии к ним, что даже самые важные события не всегда находили в них свое отражение («Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 14—15).

¹⁵¹ Там же, стр. 41.

¹⁵² Там же, стр. 40.

Розенберга были направлены на поиски «способа лишить Италию немецкой карты в Париже». Тем самым, продолжал он свои рассуждения,¹⁵³ «ценность этой страны, которая в общем не имеет своей стоимости, упадет почти на 50%»¹⁵³.

Наибольшей помехой для итало-французского сближения была, как известно, напряженность в отношениях между Италией и Югославией, и французская дипломатия прилагала значительные усилия для улучшения отношений между двумя этими странами. Наоборот, обострение отношений Италии с Югославией могло сказаться на ухудшении отношений Италии с Францией. Эта зависимость — прямая и обратная — не составляла тайны для гитлеровской Германии. Ей было известно также и многое другое, в частности подозрения Югославии, что Италия готовит покушение на жизнь короля Александра руками хорватских усташей. Попытки такого покушения не раз имели место. Одна из них, предпринятая в декабре 1933 г., была раскрыта югославской полицией. В связи с этим югославское посольство в Берлине в начале 1934 г. обратилось с просьбой произвести расследование на территории Германии. Расследование было произведено, но, конечно, «не было установлено никакой связи между хорватами здесь, в Германии, и упомянутым заговором»¹⁵⁴. Сведения, полученные Германией в связи с этим делом, представляли для нее большой интерес. Не исключено, что именно этот случай мог всего лишь полгода спустя навести Розенберга и других нацистских лидеров на мысль использовать усташей (или укрыться за их спиной) и организовать покушение на короля Александра для достижения своих целей.

В конце августа 1934 г. было уже известно о предстоящей поездке короля Александра во Францию. Это создавало дополнительные возможности для нацистских заговорщиков. При покушении на короля Александра можно было попытаться расправиться и с Л. Барту. Отношениям Италии с Францией был бы нанесен дополнительный удар, а с политической сцены сошел бы один из активных противников гитлеровской Германии. В случае успеха покушения гитлеровцы могли рассчитывать также

¹⁵³ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 40.

¹⁵⁴ DGFP, series C, vol. III, doc. 268, p. 529.

на ослабление связей Франции с Малой Антантой, особенно с Югославией. Деятельность по созданию Дунайского пакта могла быть замедлена, а при оптимальном варианте — даже сорвана. Таким образом, организация покушения на короля Александра и Л. Барту, особенно на французской территории, была в высшей степени выгодна гитлеровской Германии. Запутанный клубок противоречий ее внешней политики мог быть разрушен одним ударом «Тевтонского меча». Таковы, по нашему мнению, политические соображения, которые привели в итоге к марсельским событиям 9 октября 1934 г.

Анализ опубликованных в 1957 г. документов и их сопоставление с приведенными выше соображениями позволяют предположить, что инициаторами операции «Тевтонский меч», по-видимому, были виднейшие нацистские лидеры — Гитлер и Геринг. Решение о проведении операции могло быть принято в конце лета 1934 г. — до 31 августа 1934 г., вероятнее всего — где-то в середине августа, ибо разработка инструкций, посланных Шпейделю Герингом 1 сентября 1934 г., требовала известного времени. Конечно, готовящаяся операция должна была получить санкцию Гитлера, и документы говорят, что она была проведена по его распоряжению. Общее руководство операцией осуществлял Г. Геринг, в распоряжении которого находилась особая секретная служба — так называемое «Исследовательское бюро имперского министерства воздухоплавания»¹⁵⁵.

Выступая в роли организатора террористического акта против короля Александра и Л. Барту, гитлеровская Германия имела все основания рассчитывать на то, чтобы самой остаться в тени, скрыть все следы своего участия в этом преступлении. Действительно, поддержка Италией и Венгрией усташской организации была общеизвестна, а террористическая деятельность усташей была у всех на виду. Весной 1934 г. она была даже предметом обсуждения в Лиге Наций.

Подготовка к операции велась тщательно. Многие ее детали остаются неясными до сих пор. В план подготовки операции входили, видимо, многочисленные мероприятия по дезинформации. Они сбили со следа в свое время французские органы безопасности и продолжают

¹⁵⁵ «Neues Deutschland», 19.VII 1957.

появлялись задавать загадки историкам. В этом отношении операция «Тевтонский меч» — чемодан с двойным, если не с тройным дном. Ее специфические цели требовали соблюдения строжайшей секретности. О ней могли знать считанные люди, а подготовка к операции велась так, чтобы исключить всевозможные связующие звенья. По-видимому, многие распоряжения в связи с подготовкой к операции отдавались устно, а остальные документы подлежали немедленному уничтожению. Только этим можно объяснить тот факт, что сохранилось всего три документа о подготовке операции «Тевтонский меч», которые были найдены много лет спустя после краха гитлеровской Германии¹⁵⁶.

Что же нового дали обнаруженные документы с точки зрения технической стороны подготовки покушения?

Прежде всего бросается в глаза тот факт, что в них отсутствует какое-либо упоминание об усташах. В письме Шпейделя Герингу от 3 октября 1934 г. говорится, что вопросы, связанные с подготовкой покушения, были обсуждены им с Ванчо Михайловым¹⁵⁷. В том же письме упоминается имя террориста «Владо — шофера» — Владо Георгиева (он же «Черноземски» и «Келемен»), македонца, члена ВМРО, близкого к Ванчо (Ивану) Михайлову¹⁵⁸. Упоминание сразу двух македонцев, видимо, не случайно, и позволяет предполагать, что немецкая разведка привлекла к выполнению своих замыслов находившихся на ее службе членов ВМРО, поручив им всю «грязную работу». В целом операция «Тевтонский меч» была подготовлена силами самой немецкой разведки, которая, не надеясь на организационные способности усташей, тща-

¹⁵⁶ Найденные документы выявили непосредственного руководителя операции «Тевтонский меч» Ганса Шпейделя, который к этому времени стал командующим сухопутными силами НАТО в Европе. Организация покушения в Марселе явилась первой ступенью его стремительной карьеры. В наши дни участие Г. Шпейделя в операции «Тевтонский меч» вновь придало ее истории политический характер. Это во многом затруднило задачу исследователей, ибо относящиеся к данному вопросу документы в архивах ФРГ вновь стали так же недоступны, как и во времена гитлеровской Германии.

¹⁵⁷ В письме Шпейделя не содержится больше никаких указаний о месте и времени их встречи.

¹⁵⁸ Об их близости свидетельствуют мемуары В. Михайлова, опубликованные в 1965 г. (см. И. Михайлов. Спомени, т. II. Брюссель, 1965, стр. 102, 139, 216).

тельно ее спланировала. Усташи же были нужны ей для других целей: именно на них должны были пасть все подозрения и политическая ответственность, они должны были привлечь к себе внимание французских органов безопасности и создать искусственное алиби для немецкой разведки.

О стремлении направить подозрения французской полиции по этому руслу говорит, помимо прочего, распространение в Париже слухов о подготовке покушения¹⁵⁹, отбор усташей, выбранных для помощи главному террористу из ВМРО, и другие детали. Покушение было проведено в точном соответствии с разработанным планом. Гитлеровцам удалось скрыть следы своего участия в марсельском покушении¹⁶⁰.

Убийство короля Александра и Л. Барту было первым этапом задуманного плана. Вторым его этапом явились действия, которые имели целью извлечь политические выгоды из марсельского покушения. Покушение прежде всего нанесло большой политический ущерб Италии. По отношению к ней немецкая пресса взяла провокационный тон. Муссолини прямо заявил германскому послу в Риме, что «германская пресса эксплуатирует марсельские убийства и арест Павелича и публикует иронические и крайне враждебные комментарии»¹⁶¹. Во время беседы он держал перед собой подборку этих комментариев и зачитывал отдельные отрывки из них. Особое возмущение Муссолини вызвали те места, где вопрос о выдаче Италией Павелича изображался как пробный камень итальянской лояльности. «В конце концов, — заметил он, — вопрос о выдаче политических эмигрантов не стоял, тем более, что у Италии не было подобного соглашения с Францией»¹⁶². В свою очередь немецкий посол

¹⁵⁹ Слухи о подготовке покушения хорватскими террористами были известны не только Сюрте насёналь, получавшей анонимные письма с угрозами по адресу югославского короля, но и проникли в печать. О них писали, например, дневные выпуски газет «Пари миди», «Пари суар» 9 октября 1934 г., вышедшие буквально за несколько часов до покушения (см. Ж. Т а б у и. Указ. соч., стр. 257—258).

¹⁶⁰ Подробно о подготовке и проведении покушения на короля Александра и Л. Барту см.: В. К. В о л к о в. Операция «Тевтонский меч». М., 1966.

¹⁶¹ DGFP, series C, vol. III, doc. 266, p. 523.

¹⁶² Там же, стр. 524.

заметил, что итальянская пресса также высказывала подозрения в причастности Германии к марсельским убийствам. Однако Муссолини заявил, что он еще раз проинструктирует свою прессу. Намеки о причастности Германии к марсельским убийствам вскоре исчезли со страниц итальянских газет.

Италия с большим недоверием отнеслась к проискам Германии в Юго-Восточной Европе, которые подрывали итальянские позиции. Муссолини связывал поездку Геринга в Белград на похороны короля Александра с желанием Германии разрушить французскую систему союзов ¹⁴³. Его предположения соответствовали действительности, хотя он и высказывал сомнения в том, что немцам удастся добиться своих целей.

Обстоятельства поездки Геринга в Белград в октябре 1934 г. свидетельствовали о том, что речь шла не просто о визите вежливости, а о заранее продуманной дипломатической миссии, ставившей перед собой широкие цели. Поездка Геринга в Белград и операция «Тевтонский меч» были, как нам представляется, составными частями единого целого и проводились одними и теми же лицами. Характерно, что действия Геринга не были согласованы с германским МИД и вызвали несколько позднее большие трудности в деятельности последнего. События и на этот раз развивались в обход министерства иностранных дел.

Во время пребывания в Белграде Геринг сделал ряд важных политических заявлений. В беседах с румынским королем Каролом и представителями других государств, которые присутствовали на похоронах короля Александра, Геринг говорил о мирных намерениях Германии и ее отказе от пересмотра территориальных положений мирных договоров военными средствами. Учитывая сложные отношения Малой Алянты с Венгрией, он неоднократно давал понять, что Германия не намерена поддерживать ее территориальные претензии. «Ни фюрер, ни правительство никогда не подумают рисковать хотя бы одним немцем в интересах другой страны», — заявлял он. Особые реверансы были сделаны в сторону Югославии и Румынии. «Немецкое меньшинство в этих странах, — доверительно сообщал Геринг государственным деятелям соответствующих стран, — чувствует себя здесь лучше, чем в Венг-

¹⁴³ DCFP, series C, vol. III, doc. 266, p. 525.

рии». При этом он неоднократно подчеркивал, что высказываемые им мысли разделяются фюрером ¹⁶⁴.

Заявления Геринга вызвали бурную реакцию в балканских государствах и в Италии. В дипломатических кругах этих стран их единодушно расценили как попытку Германии вбить клин между Францией и Малой Антантой и сблизиться с последней. Однако реакция в отдельных странах показала, что это не такое простое дело. Прежде всего Венгрия почувствовала себя глубоко оскорбленной. В действиях и словах Геринга она заподозрила стремление Германии достигнуть сближения с Малой Антантой, и прежде всего с Югославией, за счет Венгрии. Она в угрожающей форме потребовала отказа Германии от заигрывания с Югославией ¹⁶⁵. Как видно из опубликованных документов германского МИД, венгерские протесты и демарши поставили Берлин в затруднительное положение. Объяснения Нейрата венгерскому послу, что политика Германии остается неизменной, не убедили венгерское правительство. Оно продолжало оставаться при своем мнении. В результате произошло заметное охлаждение венгеро-германских отношений.

Противоречивость мнений, высказывавшихся Герингом и Нейратом, была настолько очевидной, что ставила в тупик даже искушенных в политике людей. Одним из них оказался румынский посол в Берлине Н. Комнен, который безуспешно пытался выяснить, что же отражает действительную точку зрения германского правительства ¹⁶⁶. Этот вопрос он пытался поставить и в беседе с А. Розенбергом в январе 1935 г. Зная, по-видимому, о разногласиях в немецком государственном аппарате, Комнен спросил у Розенберга, «сколько же в Германии внешних политик: две или, может быть, даже больше» ¹⁶⁷.

На внешнюю политику Югославии визит Геринга в Белград в октябре 1934 г. не оказал, однако, заметного влияния. Донесения немецкого посланника, что Геринг был чуть ли не центральной фигурой среди собравшихся на похороны короля Александра, носят характер откровен-

¹⁶⁴ DGFP, series C, vol. III, doc. 269, p. 530—531; doc. 273, p. 534—535; doc. 284, p. 548—549; doc. 305, p. 589—590; doc. 323, p. 622—624; doc. 336, p. 643—644.

¹⁶⁵ Там же, док. 336, стр. 643—644; док. 439, стр. 665.

¹⁶⁶ DGFP, series C, vol. III, doc. 323, p. 623—624.

¹⁶⁷ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 52.

ной лести ¹⁶⁸. Однако установление им контактов с рядом югославских государственных деятелей и с принцем-регентом Павлом, возглавившим регентский совет, имело, несомненно, большое значение для дальнейших усилий воздействовать на внешнюю политику Югославии. Попытки Германии оторвать Югославию от Франции и Малой Антанты не могли, конечно, дать немедленного результата.

Проект Дунайского пакта и политика стран Малой Антанты

В ноябре 1934 г. возобновились франко-итальянские переговоры, прерванные марсельскими событиями. Но на этот раз на них все больший и больший отпечаток накладывала личность Пьера Лавала, сменившего Л. Барту на посту министра иностранных дел. С течением времени под его влиянием франко-итальянское сближение стало превращаться в альтернативу сближения Франции с Советским Союзом, а планы Дунайского пакта — противопоставляться идее создания Восточного пакта. Однако эти тенденции стали активно проявляться лишь позднее.

Переговоры между Францией и Италией, как и следовало ожидать, вновь натолкнулись на трудности при обсуждении югославского и австрийского вопросов. «Муссолини отказывается признать целостность Югославского государства и не пожелал выразить свое согласие на независимость Австрии», — записал Э. Эррио по поводу доклада Лавала на заседании совета министров Франции в декабре 1934 г. о ходе переговоров с Италией ¹⁶⁹.

Проблемы Центральной Европы и Дунайского бассейна, обсуждавшиеся в ходе франко-итальянских переговоров, вызывали живой интерес во многих странах. 5 ноября 1934 г. в «Правде» была опубликована большая статья Т. Коррадова «Рим—Париж—Белград». В статье говорилось, что «проблема итало-французского сближения находится в настоящее время в центре внимания всей мировой общественности». Отметив, что смерть Л. Барту и югославского короля Александра была обусловлена главным образом стремлением германского фашизма сорвать наметившееся с достаточной определенностью сбли-

¹⁶⁸ DGFP, series C, vol. III, doc. 263, p. 516—519.

¹⁶⁹ Э. Эррио. Указ. соч., стр. 594.

жение Италии и Франции, Т. Коррадов делал вывод: «Вряд ли можно сомневаться в том, что инициаторы марсельского покушения потерпели полную неудачу. План срыва сближения между Францией и Югославией, с одной стороны, и Италией — с другой, провалился». Удалось только оттянуть на несколько недель окончательную фазу переговоров.

В статье подчеркивалось, что одним из наиболее острых вопросов, без разрешения которого сближение двух стран немыслимо, является урегулирование крайне сложных итало-югославских отношений. «Было бы, однако, ошибочно рассматривать эти взаимоотношения изолированно от общей империалистической борьбы в Юго-Восточной Европе. В связи с этой борьбой на данном этапе итало-югославское сближение не только возможно, но отвечает реальным интересам как Франции и Югославии, так и Италии». Отметив, что переговоры могут оказать большое влияние на расстановку сил в Европе, Т. Коррадов в заключение выражал уверенность, что «сближение этих двух стран (Италии и Франции. — В. В.), соперничество которых обнадеживало авантюристические фашистские группировки, может быть расценено советской общественностью в качестве положительного фактора укрепления мира»¹⁷⁰.

Как видно, в этой статье, написанной по горячим следам событий, отразились надежды и ожидания того времени, которым не суждено было осуществиться.

Конкретные переговоры о сотрудничестве Франции и Италии в Центральной и Юго-Восточной Европе показали, что итало-югославские отношения являются на их пути хотя и наиболее значительным, но далеко не единственным препятствием. Преследуя цели сохранения своего престижа и будучи связана рядом соглашений с Венгрией, Италия не желала переменить свою прежнюю политику по отношению к Малой Антанте как военно-политическому союзу. Поэтому в ходе переговоров итальянская сторона постоянно выдвигала условия, целью которых было вызвать противоречия среди стран Малой Антанты. Так, при обсуждении вопроса о гарантии австрийской независимости (Дунайский пакт) Италия возражала против французского предложения, чтобы Малая Антанта

¹⁷⁰ «Правда», 5.XI 1934.

в целом присоединилась к предполагавшемуся пакту. В свою очередь она выдвигала предложение ограничить число его участников лишь соседями Австрии, что автоматически исключало Румынию и нарушало принцип единства Малой Антанты¹⁷¹.

В поисках формулы, которая дала бы возможность Румынии принять участие в гарантии австрийской независимости, французская дипломатия выдвинула тезис об участии в пакте также стран-наследниц Австро-Венгрии, что расширяло рамки пакта: к нему могла присоединиться не только Румыния, но и Польша¹⁷². Но Италия инспирировала выступление австрийского правительства с заявлением, что если оно и добивается гарантий независимости Австрии со стороны великих держав, то вовсе не желает гарантий со стороны государств-наследниц¹⁷³. Такая постановка вопроса ставила под сомнение возможность участия в пакте уже всей Малой Антанты, а не только Румынии.

Дискуссию вызывал не только состав участников. Не было ясности и в основном вопросе — что же должен представлять собой Дунайский пакт? Первоначально представленный французский проект, согласно сообщениям прессы, состоял из двух частей. Первая содержала план заключения коллективного договора, призванного гарантировать независимость Австрии, а вторая ставила вопрос о заключении пакта о сотрудничестве между странами Центральной Европы, т. е. между Малой Антантой и двумя странами «римского треугольника» — Австрией и Венгрией¹⁷⁴. Однако позиция Италии и колебания Югославии и Венгрии сразу же поставили вторую часть этого плана под сомнение.

¹⁷¹ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1934 г., д. 12, п. 4е.

¹⁷² Итальянская дипломатия позднее согласилась на участие Румынии в пакте при условии привлечения к нему Польши (DGFP, series C, vol. III, doc. 405, p. 764). Все же Муссолини считал, что ему удалось парировать французское желание добиться участия в пакте Малой Антанты как единого блока. Этот принцип был нарушен, по его мнению, тем, что страны Малой Антанты привлекались к пакту на разных правах (Чехословакия и Югославия — как соседи Австрии, а Румыния — как наследница Австро-Венгрии), что вело, в свою очередь, к их участию в переговорах о пакте на различных стадиях (DGFP, series C, vol. III, doc. 423, p. 799—800).

¹⁷³ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1935 г., д. 12, п. 4.

¹⁷⁴ Там же, 1934 г., д. 12, п. 4е.

Хотя дата визита Лавалья в Рим была намечена еще заранее на 3 января 1935 г., вплоть до самого последнего дня не было окончательной договоренности ни по одному из перечисленных выше вопросов. Только 2 января удалось достичь компромиссного решения. Италия согласилась на участие в гарантии австрийской независимости всех стран Малой Антанты, а Франция решила отложить свои планы о пакте сотрудничества стран Дунайского бассейна на более позднее время. Отдельные детали должны были быть окончательно согласованы во время пребывания Лавалья в Риме.

Визит Лавалья в Рим и подписание им 7 января 1935 г. соглашения наглядно показывали, как далеко отошла теперь Франция от политики Барту. Соглашения по колониальным вопросам являлись стовором двух империалистических держав. В секретной части итало-французского соглашения предreshалась участь Абиссинии. Эта часть соглашения подготовила почву для возникновения опасного очага войны на путях из Европы в Азию ¹⁷⁵.

Решение дунайских проблем и вопроса о независимости Австрии, что составляло центральную часть итало-французского соглашения, могло вызвать только разочарование ¹⁷⁶. Обе стороны выдвигали план заключения многостороннего договора о невмешательстве во внутренние дела Австрии и других государств, подписавших этот договор. Вторая часть этого пункта фактически оформляла франко-итало-австрийское консультативное соглашение на случай возникновения угрозы целостности или независимости Австрии ¹⁷⁷. К нему могли примкнуть и другие стороны. Никаких действенных мер соглашение не предусматривало. Расплывчатое и неясное, оно возбуждало больше вопросов, чем решало.

План заключения коллективного договора о невмешательстве между странами Центральной и Юго-Восточной Европы, выдвигавшийся в итало-французском соглашении, не устанавливал точно ни прав, ни обязанностей

¹⁷⁵ «История дипломатии», т. III, стр. 514—516.

¹⁷⁶ Текст соглашения на русск. яз. см.: «Известия», 10.I 1935.

¹⁷⁷ Германская дипломатия расценила это консультативное соглашение как установление своего рода протектората этих двух держав над Австрией. Такую мысль усиленно внушал статс-секретарь германского МИД Бюлов австрийскому посланнику в беседе с ним 5 января 1935 г. (DGFP, series C, vol. III, doc. 411, p. 775).

его участников. Прежде всего в проекте отсутствовали какие-либо гарантии границ в Юго-Восточной Европе, другими словами, отсутствовало признание статус-кво со стороны Италии. Это означало, что отношения Италии к Югославии не изменились. Муссолини по-прежнему отказывался признать ее территориальную целостность¹⁷⁸, и этот вопрос оставался открытым. С другой стороны, позиция Венгрии осталась прежней, что усиливало скептицизм относительно возможности осуществления всего плана в целом. Во враждебном отношении Германии к проекту Дунайского пакта, хотя она и воздерживалась от официальных ответов, сомневаться не приходилось. Таким образом, проект сразу же превращался в уравнение со многими неизвестными. Но это было не все. Проект охватывал те же страны, которые являлись предполагаемыми участниками Восточного пакта, за исключением Советского Союза. Таким образом, он превращался в определенную альтернативу Восточному пакту, а Советский Союз отстранялся в нем от решения центральноевропейских проблем. Эту двойственную роль проект начал играть с момента своего возникновения. Недаром некоторые комментаторы писали об итало-французском соглашении, что в нем оживает дух недоброй памяти проекта Пакта четырех¹⁷⁹.

Англо-французские переговоры и совместная декларация от 3 февраля 1935 г. показали, что есть силы, которые были бы не прочь использовать проект Дунайского пакта как тормоз на пути создания системы коллективной безопасности. В декларации, одобрявшей франко-итальянское соглашение, Дунайский пакт рассматривался как нечто равноценное Восточному пакту, а переговоры о создании системы коллективной безопасности предлагалось подчинить такой сложной процедуре, что их шансы на успех становились проблематичными. Англо-французская декларация приписывала Дунайскому пакту такое место в общей системе международных отношений того времени, что вызвало недоумение и протесты советской диплома-

¹⁷⁸ Э. Эррио. Указ. соч., стр. 596.

¹⁷⁹ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1935 г., д. 12, п. 4. Прозрачные намеки на этот счет были сделаны французским и итальянским послами в Берлине в беседах со статс-секретарем германского МИД Бюловым 4 января 1935 г. (см. DGFP, series C, vol. III, doc. 408, p. 768—772; doc. 409, p. 772—773).

тии. Советское правительство обратилось со специальным запросом к Франции: не думает ли кто-нибудь с помощью разговоров и переговоров о Дунайском пакте и других проектах торпедировать Восточный пакт ¹⁸⁰. Такой вывод невольно напрашивался при рассмотрении основных положений англо-французской декларации.

Даже союзники Франции — страны Малой Антанты — были явно озадачены характером итало-французского соглашения и содержащимися в нем неясностями и недомолвками. Их недовольство проявилось на сессии Постоянного совета Малой Антанты, собравшейся 11 января 1935 г. в Любляне и рассмотревшей проект Дунайского пакта. Особенно сложной была позиция Югославии. Югославская делегация выдвинула большое число оговорок о возможности сотрудничества с Италией. Потребовались специальные заверения Франции об учете всех «жизненных интересов» Малой Антанты, чтобы получить югославское согласие с проектом Дунайского пакта ¹⁸¹. Но и после этого позиция Малой Антанты продолжала оставаться колеблющейся. Высказав в принципе свое согласие, министры иностранных дел трех государств дали ясно понять, что основную гарантию безопасности в Европе они видят в установлении сотрудничества между Францией и СССР. Поэтому в протоколе Постоянного совета Малой Антанты говорилось, что она «может приветствовать счастливый исход римских переговоров только в случае тесной антанты с СССР и заключения Восточного пакта. Малая Антанта предлагает Франции [дальнейшие акции в следующем порядке: 1) заключение Восточного пакта; 2) осуществление римских соглашений...]» ¹⁸²

Но наиболее неблагоприятный отклик среди союзников Франции франко-итальянское соглашение встретило в Турции, которая увидела в нем попытку расшатать и ослабить Балканскую Антанту и тем самым нарушить сложившееся на Балканах равновесие сил. Учитывая отрицательное отношение к соглашению также со сто-

¹⁸⁰ «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.». Подборка документов. «Международная жизнь», 1963, № 8, стр. 181—183.

¹⁸¹ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 351—352.

¹⁸² «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.». Подборка документов. «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 159.

роны Греции, можно констатировать, что три члена Балканской Антанты из четырех находились в серьезной оппозиции к Дунайскому пакту, с чем не могла не считаться французская дипломатия.

Позиция Югославии нашла отражение в выступлении по радио 2 февраля 1935 г. премьер-министра и министра иностранных дел Б. Ефтича. Это был первый официальный отклик югославского правительства на итало-французское соглашение. Одобрив его в целом как положительный почин создания политических условий для консолидации отношений в Дунайском бассейне, Ефтич тем не менее заявил, что Югославия решит вопрос о своем присоединении к римским соглашениям после того, как будут созданы необходимые гарантии, обеспечивающие ее национальные и государственные интересы ¹⁸³.

Помимо решения вопросов, затрагивающих непосредственно итало-югославские отношения, Югославия выдвигала ряд требований, касающихся более широких международных проблем. Они были обсуждены в начале февраля 1935 г. во время визита в Белград турецкого министра иностранных дел Рюштю Араса. Арас согласился с требованием Югославии, чтобы все члены Балканской Антанты, следовательно, также Турция и Греция, были приглашены участвовать в Дунайском пакте. Хотя обе эти страны не были заинтересованы непосредственно в решении дунайских проблем, речь шла в первую очередь о сохранении принципа единства действий Балканской Антанты ¹⁸⁴.

Второе требование Югославии касалось вопроса о реставрации Габсбургов: она предлагала рассматривать его не как внутреннее дело Австрии, а как международный вопрос. Что касается Венгрии, то для нее реставрация Габсбургов означала, по мнению Югославии, не что иное, как своеобразную форму ревизии мирных договоров ¹⁸⁵.

Наконец, Югославия считала, что вопрос о мире нельзя ограничивать только районом Центральной Европы. Поэтому она выступила с предложением заключить

¹⁸³ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1935 г., п. 33.

¹⁸⁴ Запись беседы австрийского посланника в Анкаре Бухбергера с генеральным секретарем турецкого МИД Нуметом Меметчоглу 14 февраля 1935 г. (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 446, лл. 177—179).

¹⁸⁵ Там же.

Средиземноморский пакт, который дал бы Турции и Югославии гарантию их безопасности¹⁸⁶. Одновременно следовало провести в жизнь и другие гарантии мира, например Восточный пакт. Бесспорно, все это потребует, по мнению югославской дипломатии, значительного времени, причем пока еще нельзя сказать ничего определенного о возможности осуществления указанных мероприятий¹⁸⁷. Таким образом, круг вопросов в связи с заключением Дунайского пакта расширялся до пределов, близких к полному комплексу проблем югославской внешней политики.

Германская дипломатия со своей стороны прилагала всевозможные усилия, чтобы затруднить осуществление Дунайского пакта и подготовить почву для его срыва¹⁸⁸. Не решаясь прямо отвергнуть его, она воспользовалась неясностью его формулировок и обратилась в конце января 1935 г. за разъяснением к Италии и Франции. В казуистически составленной ноте она с издевательским видом задавала пять вопросов, отмечавших отсутствие логики в тексте проекта и последовательности у его авторов. Она спрашивала: 1) Будет ли принцип невмешательства означать, что право интервенции в Австрии будет сохранено только за Францией и Италией? 2) Мыслятся ли Дунайский пакт в рамках Лиги Наций? 3) Каков срок консультативного итало-французского пакта об Австрии и потеряет ли он силу в случае подписания Дунайского пакта? 4) Почему соседняя с Австрией Швейцария не приглашена присоединиться к Дунайскому пакту? Наряду с ее привлечением Германия предлагала, поскольку в пакте должны принять участие Франция, Румыния и Польша, не имеющие с Австрией общих границ, привлечь также и Англию. 5) Поскольку участники пакта имеют право заключить между собой соглашения по своему усмотрению, не создаст ли это возможность возникновения ком-

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Тактика германской дипломатии, рассчитанная на срыв переговоров о Дунайском пакте, отчетливо прослеживается по документам МИД (см. DGFP, series C, vol. III, doc. 418, p. 792—795; doc. 438, p. 822; doc. 446, p. 838—841; doc. 453, p. 850—852; doc. 454, p. 852—857; doc. 455, p. 858; doc. 460, p. 861—867; doc. 461, p. 867—869; doc. 466, p. 883).

бинаций, которые по своему духу будут противоречить Дунайскому пакту ¹⁸⁹.

Сама возможность постановки указанных вопросов говорила о том, что у германской дипломатии имелось в резерве значительное количество уверток и средств затягивания переговоров о пакте.

Впрочем, как Франция, так и Италия после заключения римских соглашений сами не торопились с осуществлением проекта Дунайского пакта, или, как его нередко называли в дипломатической переписке, конвенции о невмешательстве. Примерно полтора месяца ушло на предварительный обмен мнениями и выяснение точек зрения отдельных сторон без каких-либо реальных результатов. При таких темпах невольно возникал вопрос: действительно ли обе стороны так уж заинтересованы в его осуществлении. Первые серьезные переговоры о пакте начались лишь в конце февраля 1935 г., когда австрийский премьер-министр Шушниг и министр иностранных дел Бергер-Вальденегг нанесли визит в Париж, а затем — в Лондон.

Результаты переговоров Шушнига и Лаваля в Париже были суммированы в составленной ими памятной записке от 23 февраля 1935 г. Проект Дунайского пакта должен был состоять из двух частей — пакта о невмешательстве и консультативного пакта. Конкретные достижения этих переговоров были невелики. Прежде всего обе стороны постарались внести ясность в определение понятия невмешательства. Этому вопросу было уделено особое внимание в связи с попытками Германии истолковать поддержку австрийского правительства со стороны Франции и Италии как вмешательство во внутренние дела Австрии. По злой иронии судьбы именно фашистская Германия указывала при этом на тот факт, что австрийское правительство не было образовано в результате выборов и, следовательно, не могло претендовать на то, что оно отражает волю народа!

По предложению французской стороны было решено также в пакт о невмешательстве включить обязательство о ненападении ¹⁹⁰. Что касается консультативного пакта,

¹⁸⁹ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1935 г., д. 3, п. 33.

¹⁹⁰ Информационное письмо Хорнбостеля австрийскому посланнику в Риме Фолльгруберу о результатах поездки в Париж и

то он должен был предусматривать возможность заключения дополнительных соглашений об оказании помощи ¹⁹¹. Предполагалось, что эти соглашения будут носить двусторонний характер.

В ходе переговоров Лаваль высказал свои соображения по поводу дальнейших шагов в деле осуществления Дунайского пакта. Первым этапом должны были стать, по его мнению, согласование основных положений памятной записки от 23 февраля 1935 г. с итальянским правительством и, после учета его замечаний, выработка совместного ответа Италии и Франции на вопросы германского правительства. В качестве второго этапа, начало которого должно было совпасть с ответом Германии, предлагалось вступить в переговоры с другими заинтересованными правительствами, особенно же с правительствами Великобритании и стран Малой Антанты ¹⁹².

Гораздо интереснее, чем эти скудные итоги переговоров, был обмен мнениями между Лавалем и Шушнигом о сложившемся положении с точки зрения римских соглашений от 7 января 1935 г. Обе стороны на основании анализа обстановки вынуждены были констатировать, что римские соглашения не внесли никаких фактических изменений в обеспечение независимости и целостности Австрии и что с международноправовой точки зрения дело обстоит так же, как и до их заключения. Хотя они и содержат пункт о консультации между Италией, Францией и Австрией в случае угрозы независимости последней, все же остается фактом, что в случае повторения событий наподобие 25 июля 1934 г. Австрия не смогла бы получить помощи ни со стороны Италии, ни со стороны Франции. На то имелись следующие причины. Франция связана Локкарнским договором и может прибегнуть к военным мерам против Германии только в том случае, если последняя сама предпримет агрессивные действия против Франции. Италия хотя не связана подобными ограничениями, но военные мероприятия с ее стороны в защиту Австрии могут быть предприняты, по вполне понятным причинам, только тогда, когда будет обеспечен строжайший нейтралитет или согла-

Лондон премьер-министра и министра иностранных дел Австрии от 2 марта 1935 г. (ОРФ ИИАИ, ф. Ж, д. 9, лл. 104--108).

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

сованное взаимодействие, например, со стороны Югославии. Одним словом, военная и политическая ситуация нисколько не изменилась по сравнению с июлем 1934 г.¹⁹³

Значительное место во франко-австрийских переговорах заняло обсуждение итало-югославских отношений. По сведениям французского правительства, в этих отношениях поворота к лучшему пока не произошло. Это вызывало озабоченность в Париже, тем более что оказание итальянской помощи Австрии неизбежно требовало улучшения отношений между Италией и Югославией. Сугубо доверительно Лаваль сообщил австрийским государственным деятелям, что итальянский генштаб обратился к французскому с просьбой, чтобы в случае, если возникнет необходимость итальянского военного вмешательства в защиту Австрии, Франция выставила бы военный заслон на югославо-итальянской границе. Лаваль дал понять, что ни французское правительство, ни французский генштаб не были в состоянии, по крайней мере в то время, пойти на такие действия¹⁹⁴.

Обе стороны обменялись имевшейся у них информацией о намерении Италии в связи с назначением ею нового посланника в Белград сделать заявления, которые положили бы начало разрядке напряженности в итало-югославских отношениях. Лаваль просил австрийских государственных деятелей использовать все свое влияние в Риме, чтобы добиться по возможности скорейшего урегулирования отношений между Римом и Белградом в интересах обеспечения независимости Австрии и умиротворения Центральной Европы. Со своей стороны, сообщил Лаваль, он намеревается во время предстоящего отдыха на французской Ривьере встретиться в неофициальной обстановке с Муссолини и убедить его в необходимости улучшения итало-югославских отношений¹⁹⁵.

Франко-австрийские переговоры в Париже лишний раз показывали, с какой силой давил локальный хомут на шею Франции. Он ставил ее политику в зависимость от Англии и Италии и лишал свободы действий даже в тех случаях, когда этого требовали нужды ее безопасности. В истории с Дунайским пактом это особенно показательно. Хотя Франция и была его инициатором, нити дипломати-

¹⁹³ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 101—108.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

ческих переговоров о пакте то и дело выпадали из ее рук. Их подхватывали то Англия, то Италия, и каждая из них пыталась повернуть ход переговоров в свою пользу.

В середине марта 1935 г. переговоры о Дунайском пакте вела английская дипломатия. Во время визита Саймона в Берлин и Идена в Берлин и Прагу вопросы Дунайского пакта подверглись широкому обсуждению. Они выявили только отрицательное к нему отношение со стороны гитлеровской Германии, что не являлось новостью и не способствовало ускорению переговоров. Двойная роль, которую играла английская дипломатия в это время, не содействовала достижению соглашения о защите независимости Австрии. Больше того, позиция Англии только поощряла агрессивные действия Германии и порождала у нее уверенность, что они не вызовут ответных мер со стороны европейских держав.

16 марта 1935 г. Германия ввела всеобщую воинскую повинность, порвав последние ограничения Версаля. Действия Германии бросали вызов всем миролюбивым странам. Интересы предотвращения войны в Европе настоятельно требовали энергичного ответа на эти действия.

Страны Малой Антанты были весьма обеспокоены шагом Берлина. Они опасались, что вслед за Германией могут начать вооружаться Австрия, Венгрия и Болгария, что привело бы к краху версальской системы на Балканах. Поэтому страны Малой Антанты выступили с решительным заявлением. В нем они предостерегали Австрию, Венгрию и Болгарию от перевооружения. Они угрожали ответить на это, как и в случае реставрации Габсбургов, самыми решительными мерами, вплоть до блокады, мобилизации своих армий и перехода границ. Кроме того, Малая Антанта высказалась за начало переговоров о создании Дунайского пакта и вновь поддержала идею создания Восточного пакта ¹⁹⁶.

Англия, Франция и Италия решили созвать конференцию, чтобы обсудить положение, создавшееся в результате германских действий, и подготовку создания системы коллективной безопасности. Потребовалось больше трех недель, чтобы подготовить и открыть ее: конференция открылась 11 апреля 1935 г. в Стресе — курортном местечке на севере Италии. Еще накануне ее созыва было изве-

¹⁹⁶ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 359.

стно, что в центре внимания будет находиться взаимная информация ее участников. Так «можно изучать положение и информировать друг друга вплоть до ... момента возникновения новой мировой войны», — писал по этому поводу комментатор «Известий»¹⁹⁷. Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что хотя на конференции должны были обсуждаться дела, связанные с Востоком и Юго-Востоком Европы, ни Советский Союз, ни другие страны этого района не были приглашены участвовать в ней. Итоги Стрезской конференции были весьма незначительными. На словах она подтвердила желание ее участников продолжать переговоры о создании системы коллективной безопасности, в том числе о заключении Восточного пакта и Дунайского пакта.

В связи с ростом германских вооружений конференция обсудила возможность вооружения Австрии, Венгрии и Болгарии «в рамках общих и региональных гарантий безопасности», т. е. связала этот вопрос с заключением Дунайского пакта¹⁹⁸. Тем самым предполагаемым участникам последнего было брошено новое яблоко раздора. К прежним спорным проблемам прибавилась новая, не менее острая.

В Стрезе было решено созвать конференцию по вопросу о Дунайском пакте в конце мая в Риме.

Конференция в Стрезе вызвала заметное оживление переговоров о Дунайском пакте и даже побудила австрийскую дипломатию составить первый проект Конвенции о невмешательстве. Проект был составлен на основании памятной записки от 23 февраля 1935 г. и по образцу франко-советского договора о ненападении от 29 ноября 1932 г. Он подчеркивал необходимость установления дружественных и основанных на доверии отношений между договаривающимися странами (ст. 1), содержал положение о ненападении, взяв при этом основные положения советского определения агрессора (ст. 2), но выделяя пункт о невмешательстве во внутренние дела с дополнительными разъяснениями в духе памятной записки от 23 февраля 1935 г. в отдельную статью (ст. 3). Вопросы же оказания помощи сводились в нем к возмож-

¹⁹⁷ «Известия», 8.IV 1935.

¹⁹⁸ Резолюции Стрезской конференции см.: «Правда», 16.IV 1935.

ности консультации и созыва Совета Лиги Наций (статьи 4 и 5) ¹⁹⁹.

Однако эта австрийская инициатива оказалась преждевременной, а проект так и не стал предметом специального обсуждения заинтересованных государств.

Первоочередной проблемой по-прежнему было урегулирование итало-югославских отношений. Обе стороны уже давно обдумывали соответствующие шаги. Итальянская дипломатия со свойственным ей увлечением широкими проектами еще в январе 1935 г. начала строить обширные планы урегулирования отношений с Югославией. Одновременно она планировала венгеро-югославское примирение и сближение по образцу немецко-польского договора 1934 г. При этом рассмотрение всех территориальных споров должно было быть отложено на 10 лет ²⁰⁰. Однако югославское правительство в этот период проявляло большую сдержанность. Как считал Ефтич, примирение с Италией слишком осложнит его внутривнутриполитическое положение ²⁰¹, и без того достаточно тяжелое.

Все же усилия французской дипломатии, выступавшей посредником между Югославией и Италией, не пропали даром. Постепенное улучшение итало-югославских отношений стало заметно в начале 1935 г. Большим событием в отношениях двух стран явилось прибытие в Белград нового итальянского посланника Ди Кампальто. 15 марта 1935 г. он был принят принцем-регентом Павлом в связи с вручением верительных грамот. В произнесенной по этому поводу речи посланник сказал, что он уполномочен заявить, что Италия не питает враждебных намерений к Югославии, не собирается посягать на ее территориальную неприкосновенность, а, наоборот, стремится к развитию предпосылок для политического и экономического сотрудничества обеих стран. В ответной речи принц Павел заявил, что Югославия вполне разделяет эти положения ²⁰². Сразу же вслед за этим в печати распространи-

¹⁹⁹ Письмо австрийского МИД от 18.IV 1935 г. в австрийское посольство в Рим с приложением проекта Конвенции о невмешательстве и пояснительных замечаний к нему (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 132—142).

²⁰⁰ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9 (Документы австрийской миссии в Риме), л. 89.

²⁰¹ Там же, лл. 21—22.

²⁰² ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1935 г., д. 16, п. 2.

лись слухи, что Муссолини пригласил Ефтича посетить Италию. Все эти сведения стали сенсацией дня и обошли газеты всего мира. Специальный корреспондент «Дейли телеграф» сообщил 19 марта 1935 г. из Белграда, что итальянский жест дружбы в сторону Югославии сопровождался четырьмя конкретными предложениями, сделанными через нового посланника: а) заключение торгового договора между двумя странами; б) признание Югославией существующего статуса Албании и итальянских интересов в Албании, а также заключение югославо-албанского договора о дружбе; в) итало-югославские гарантии австрийской независимости; г) заключение итало-югославского договора о дружбе и безопасности²⁰³. Есть все основания полагать, что это газетное сообщение отражало истину. Во всяком случае все эти вопросы должны были в той или иной форме обсуждаться во время визита Ефтича в Италию, намеченного на май 1935 г.²⁰⁴

Если сложный комплекс итало-югославских отношений встал, как казалось, на путь урегулирования, то начали возникать новые проблемы, на этот раз связанные с позицией союзников Италии по «римскому треугольнику», особенно Венгрии. По мере того как переговоры о Дунайском пакте продвигались вперед, позиция Венгрии по отношению к нему становилась все более отрицательной. 25 апреля 1935 г. руководитель политического отдела венгерского МИД барон Бессеньи пригласил к себе австрийского посланника в Будапеште, чтобы по поручению министра иностранных дел Каня сообщить ему об отношении Венгрии «к обсуждаемому центральноевропейскому комплексу договоров»²⁰⁵.

Венгерский дипломат не скрывал, что в «широких политических кругах» (т. е. в хортистских кругах.— В. В.) вообще вздохнут с облегчением, если эти планируемые договоры о безопасности никогда не осуществляются. Если же Венгрии придется принять участие в переговорах, она связывает возможность своего присоединения к обсуждаемым договорам со следующими тремя условиями:

²⁰³ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1935 г., д. 16, п. 2.

²⁰⁴ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9 (Документы австрийской миссии в Риме), лл. 229—230 и др.

²⁰⁵ Запись беседы австрийского посланника в Будапеште с руководителем политического отдела венгерского МИД бароном Бессеньи 25 апреля 1935 г. (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 143—148).

1. Окончательное урегулирование вопроса о марсельских событиях.

2. Предоставление Венгрии полного равноправия (в хортистских кругах под этим обычно понимали ликвидацию всех ограничений в области вооружений. — В. В.), в том числе и освобождение ее от ограничений в отношении Габсбургов.

3. Гарантии улучшения положения венгерских национальных меньшинств в странах Малой Антанты ²⁰⁶.

Австрийская дипломатия расценила позицию Венгрии как слишком рискованную. Она предостерегала Венгрию, чтобы та не выдвигала своих условий официально в ходе переговоров. В противном случае, по ее мнению, Малая Антанта также выложит на стол длинный список своих условий, которые в конечном счете обернутся против Венгрии и Австрии ²⁰⁷.

Трудности в подготовке Дунайской конференции заставили ее инициаторов уже в конце апреля объявить о перенесении срока ее созыва с 20 мая, как было условлено раньше, на 3 июня 1935 г. Это время было нужно итальянской дипломатии для достижения соглашения со странами Малой и Балканской Антанты, а также для выработки общей платформы со своими союзниками — Венгрией и Австрией. В ходе подготовки Дунайского пакта итальянская дипломатия не раз колебалась и делала зигзаги. Так было и в вопросе о выработке единой платформы действий с Австрией и Венгрией. Собравшаяся с этой целью 4—6 мая 1935 г. конференция «римского треугольника» в Венеции должна была стать прелюдией к Римской конференции. Ее решения показали, что итальянская дипломатия почти по всем пунктам пошла на уступки Венгрии. В решениях конференции было зафиксировано стремление стран «римского треугольника» добиваться равенства прав Венгрии и Австрии в области вооружений, вновь поднимался вопрос о национальных меньшинствах, а согласованная тремя странами формулировка понятия о невмешательстве давала возможность трактовать вопрос о реставрации Габсбургов как чисто внутреннее дело Австрии и Венгрии ²⁰⁸. Как и следовало ожидать, такая

²⁰⁶ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 143—148.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 154—166 (Referentenaufzeichnung über die Venediger Konferenz vom 4—6 Mai 1935); DGFP, series C, vol. IV, doc. 81, p. 142—144; doc. 87, p. 152—154.

позиция сразу свела на нет результаты долгих усилий добиться взаимопонимания со странами Малой и Балканской Антанты и вызвала бурную реакцию Югославии, Румынии и Турции.

Первым откликом на конференцию в Венгрии был отказ Ефтича от поездки в Италию. Его визит, намеченный на 18 мая 1935 г.²⁰⁹, был в самый последний момент отложен на неопределенный срок и в конечном счете не состоялся. Связанные с ним надежды на урегулирование итало-югославских отношений рухнули. Состоявшаяся 11—14 мая сессия Постоянного совета Балканской Антанты показала, что отрицательное отношение Югославии к решениям конференции в Венеции разделяется ее союзниками²¹⁰. В беседе с итальянским послом Титулеску самым резким образом высказался против признания равенства прав на вооружение Австрии, Венгрии и Болгарии. Заявление от 11 декабря 1932 г., сказал он, составлено только великими державами и касается только их. Что касается перспектив всеобщего пакта (Дунайского.— В. В.), то Румынии ни с какой стороны агрессия не угрожает и пакт о ненападении не представляет поэтому для нее никакого выигрыша. Обязательства же о невмешательстве ни в коем случае не должны лишать Румынию права голоса в вопросе о реставрации.

Сообщая обо всем этом, австрийский посланник в Риме Фолльгрубер писал также о сложившемся у него впечатлении, что известия из Бухареста, особенно в связи с новостью об отсрочке встречи Ефтича с Сувичем, были встречены во дворце Киджи с неприятным чувством²¹¹.

²⁰⁹ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9 (Документы австрийской миссии в Риме), л. 57.

²¹⁰ В беседе с австрийским поверенным в делах в Белграде Шмидом 22 мая 1935 г. югославский помощник министра иностранных дел Пурич, который представлял Югославию на конференции в Бухаресте, сказал, что страны Балканской Антанты в принципе высказались против перевооружения Австрии, Болгарии и Венгрии. Конференция подчеркнула, что она придает особое значение приглашению Балканской Антанты как единого целого на предстоящую Римскую конференцию по дунайским вопросам (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 200—201).

²¹¹ Письмо австрийского посланника в Риме Фолльгрубера Е. Бергер-Вальденеггу от 16. V 1935 г. (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 60—61). Характерно, что исход Бухарестского совещания Балканской Антанты вызвал недовольство Чехословакии. Оно проследилось во время переговоров Бенеша с австрийским министром

Переговоры о Дунайском пакте начинали явно заходить в тупик. Предполагавшаяся Римская конференция была снова отложена — на этот раз уже без указания нового срока созыва.

Самое непосредственное влияние на переговоры о Дунайском пакте оказывало состояние переговоров о создании Восточного пакта. Уже в апреле 1935 г. было ясно, что последний имеет мало шансов на осуществление из-за отрицательного отношения к нему со стороны Польши и Германии. Реально оценивая обстановку, Советский Союз и Франция приняли в этих условиях решение подписать двусторонний договор о взаимной помощи ²¹³. Это решение, а также предлагаемый срок заключения договора (1 мая 1935 г.) были доведены до сведения государств Малой и Балканской Антанты еще в середине апреля и встретили их одобрение ²¹³.

Заключение советско-французского договора о взаимной помощи 2 мая 1935 г. явилось крупнейшим событием в мировой политике ²¹⁴, которое оказало всестороннее воздействие на дальнейшее развитие международных отношений. Велико было его влияние и на Малую Антанту. Гитлеровская Германия, готовя новую войну, из всех стран Малой Антанты больше всего угрожала Чехословакии. Немецкие фашисты открыто выдвигали претензии на Судетскую область и подкрепляли их подрывной пропагандой среди немецкого национального меньшинства. Поэтому Чехословакия была готова дальше, чем ее союзники, идти по пути сближения с Советским Союзом. Свою политику в отношении СССР она координировала с политикой Франции. Вслед за заключением советско-французского договора о взаимной помощи 16 мая 1935 г. был подписан аналогичный советско-чехословацкий договор.

иностранных дел Бергер-Вальденеггом в Таборе 20 мая 1935 г. В ходе беседы Бенеш заявил, что «Дунайский бассейн и Балканы являются двумя различными сферами интересов, связь между которыми существует постольку, поскольку Малая Антанта советуется с балканскими государствами в известных делах» (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 179—184).

²¹² «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.» Подборка документов. «Международная жизнь», 1963, № 10, стр. 153.

²¹³ Там же.

²¹⁴ З. С. Белоусова. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964, стр. 86—143.

Оба договора служили делу сохранения мира в Европе и знаменовали крупные успехи советской внешней политики ²¹⁵.

Заключение этих договоров имело огромное значение для политической ориентации Малой Антанты.

Советско-чехословацкий договор лишил Малую Антанту ее антисоветского острия. Более того, она могла бы стать даже одним из звеньев системы безопасности в Европе, если бы все правительства стран Малой Антанты придерживались политики неуклонного развития дружественных и добрососедских отношений с СССР. Вопрос об отношениях с Советским Союзом превращался, таким образом, в проблему общего направления политики стран Малой Антанты и ставил перед ними дилемму: за или против войны в Европе, за политику сближения с Советским Союзом или за политику попустительства фашистским державам, в конечном итоге, за сохранение национальной независимости или отказ от нее.

Однако именно в вопросе об отношении к Советскому Союзу раньше всего и в наиболее резкой форме проявились противоречия среди стран Малой Антанты. Позиция Чехословакии была определена советско-чехословацким договором, хотя правящие круги страны, в том числе и Бенеш, были склонны трактовать его всего лишь как дань общественному мнению ²¹⁶. Румыния в течение некоторого времени вела с Советским Союзом переговоры о заключении подобного договора. Выдвигавшиеся Румынией в ходе переговоров условия, чтобы договор не имел силы против Германии и Польши, лишали его смысла. Кроме того, румынская сторона требовала от Советского Союза отказа от законных прав на Бессарабию ²¹⁷.

²¹⁵ «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.», т. I. М., 1961, стр. 493.

²¹⁶ В беседах с иностранными дипломатами Бенеш неизменно подчеркивал, что Чехословакия «внутренне срослась» с Западной Европой и что ее политика остается политикой, которую она проводит совместно со странами Западной Европы (сообщение австрийского посланника в Праге Марека о беседе с Бенешем 10 мая 1935 г. ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 172—177; памятная записка о переговорах австрийского министра иностранных дел Бергер-Вальденегга с Бенешем в г. Табор 20 мая 1935 г. Там же, лл. 179—184). В беседе с немецким посланником 15 мая 1935 г. Бенеш пошел еще дальше, заявив, что он «никогда не допустил бы, чтобы его страна стала вассалом России» (DGFP, series C, vol. IV, doc. 89, p. 160—161).

²¹⁷ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 383.

Все это завело переговоры в тупик и сделало их безрезультатными. Правящие круги Румынии продемонстрировали таким путем свое нежелание сотрудничать с Советским Союзом в деле поддержания мира в Европе. Но наиболее непримиримую позицию в вопросе об отношении к СССР заняла Югославия.

Заключением советско-французского и советско-чехословацкого договоров закончились долгие переговоры по вопросу создания Восточного пакта. Переговоры же о Дунайском пакте еще продолжались, встречая многочисленные трудности и возраставшее сопротивление со всех сторон. Его дальнейшая судьба весьма точно подтвердила мнение Советского правительства, «что выдвигаемые с разных сторон новые схемы коллективной безопасности могут быть либо сознательно, либо бессознательно направлены к срыву готовых к осуществлению региональных пактов, без того, чтобы они создали что-либо новое, кроме платформы для длительной бесплодной дискуссии, выгодной лишь странам, противящимся действительному обеспечению безопасности в Европе»²¹⁸. Именно по этому пути шли дальнейшие переговоры о Дунайском пакте.

Гитлеровская Германия поспешила воспользоваться таким благоприятным, с ее точки зрения, моментом в целях усиления противоречий между дунайскими странами. В мае 1935 г. в «свадебное путешествие» по странам Юго-Восточной Европы отправился Геринг. Его путь лежал через Будапешт, Софию, Белград. Международная печать, уделявшая большое внимание поездке Геринга, отмечала, что если бы Германии удалось склонить на свою сторону хотя бы одного участника проектируемого Дунайского пакта, то весь проект в целом был бы обречен на провал, а Австрия осталась бы в прежнем положении²¹⁹.

В этом смысле образование в Югославии в июне 1935 г. нового правительства, которое заняло по отношению к Дунайскому пакту отрицательную позицию, имело далеко идущие последствия.

С другой стороны, снова — уже в который раз — на-

²¹⁸ «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.» Подборка документов. «Международная жизнь», 1963, № 10, стр. 152.

²¹⁹ ОРФ ИИАН, Архив газетных вырезок, 1935 г., д. 3, л. 33.

чала меняться позиция Италии. После заключения в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договора о дружбе и взаимопомощи в ее отношении к Дунайскому пакту и Малой Антанте, особенно к Чехословакии, появились новые черты.

С точки зрения Италии, страны «римского треугольника» сделали значительные уступки, чтобы расчистить дорогу к заключению Дунайского пакта. Напротив, страны Малой Антанты, по мнению итальянской дипломатии, выдвинули абсолютно неприемлемые требования вроде заключения Италией пакта о ненападении со всеми странами Балканской Антанты, подняли вопрос, не дискуссионный с итальянской точки зрения, — о связи проблемы реставрации с Дунайским пактом, а также чинили всевозможные препятствия принципиальному признанию военного равноправия Австрии и Венгрии. Попытки Италии воздействовать на Малую Антанту через Францию не дали желаемых результатов и вызвали с ее стороны нарекания, что Франция заходит слишком далеко в учете пожеланий своих союзников. С особенной неприязнью итальянская дипломатия встретила в новых условиях попытку Чехословакии выяснить такой вопрос: окажет ли Италия той стране Малой Антанты, которая придет на помощь Австрии, подвергшейся нападению Германии, военную помощь против Германии. Италия расценила этот вполне естественный вопрос по-своему: Чехословакия хочет превратить гарантию независимости Австрии в гарантию для стран Малой Антанты, а это Италия считала для себя совершенно неприемлемым ²²⁰.

Встретившись со столькими трудностями, Италия решила изменить свои планы и отложить задачу создания Дунайского пакта на будущее, когда ситуация в Дунайском бассейне улучшится ²²¹.

Переговоры о Дунайском пакте начинали затихать. Некоторое их оживление произошло в августе 1935 г. в связи с обсуждением представленного Францией про-

²²⁰ Служебная записка австрийского МИД «О нынешнем состоянии переговоров о римской конференции по дунайским вопросам на основании последних донесений посланника Фолльгрубера из Рима» от 22 июня 1935 г. (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 446, лл. 164—166).

²²¹ Запись беседы австрийского посланника в Риме Фолльгрубера с советником Космелли от 21 июня 1935 г. (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 66—67).

екта Дунайского пакта — Договора о ненападении, невмешательстве и консультации стран Центральной Европы. Переданный заинтересованным странам, он натолкнулся на те же препятствия и возражения, которые были известны по более ранним переговорам ²²². 30 августа 1935 г. в Бледе состоялась очередная сессия Постоянного совета Малой Антанты. Она рассмотрела французский проект Дунайского пакта, но осталась при своем прежнем мнении о предварительных условиях, выполнение которых она считала необходимой предпосылкой для своего положительного ответа ²²³.

Малая Антанта самым решительным образом высказалась против реставрации монархии в Австрии, заявив, что она воспротивится этому всеми имеющимися в ее распоряжении силами ²²⁴. Это был тупик. Давать объяснения Франции по поводу позиции Малой Антанты отправился только что избранный председателем ее Постоянного совета югославский премьер-министр и министр иностранных дел С. Стоядинович. 1 сентября 1935 г. он прибыл в Париж. Его переговоры с Лавалем не сдвинули дело с мертвой точки. Проект Дунайского пакта дышал на ладан.

Начавшаяся вскоре агрессия Италии против Абиссинии поставила на повестку дня другие вопросы. Связанная с этим передвижка в расстановке сил на международной арене навсегда похоронила проект гарантии австрийской независимости и создания системы коллективной безопасности в Дунайском бассейне. Малая Антанта показала свою неспособность преградить путь германской агрессии в юго-восточном направлении.

После прихода Гитлера к власти проект Дунайского пакта был наиболее серьезной дипломатической попыткой предотвратить аншлюс Австрии и поставить преграду на

²²² Текст проекта договора и австрийские замечания к нему см.: ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 48, лл. 1179—1185. Основные положения проекта в английском переводе см.: DGFP, series C, vol. IV, doc. 253, p. 543—545.

²²³ «Внешняя политика Чехословакии, 1918—1938», стр. 383.

²²⁴ DGFP, series C, vol. IV, doc. 292, p. 627—628. Малая Антанта приняла указанное решение, несмотря на настоятельные советы Франции не заниматься габсбургским вопросом. Германская дипломатия, наоборот, еще накануне совещания в Бледе «дружески» советовала Югославии занять решительную и определенную позицию в этом вопросе.

пути германского проникновения в страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Осуществление этого проекта натолкнулось на непреодолимые препятствия, коренившиеся не только в противоречиях между самими странами Дунайского бассейна, а главным образом в общем направлении политики великих капиталистических держав. Заключением морского соглашения с Германией Англия ясно показала, что она ищет сближения с Германией и не собирается участвовать в каких-либо пактах и проектах, направленных против нее. Французская внешняя политика под руководством Лавалля все дальше отходила от линии Барту и склонялась к достижению компромиссного соглашения с Германией. Италия, проводя в этот период политику колебаний между гитлеровской Германией, с которой у нее имелись противоречия по австрийскому вопросу, и западными державами, не могла, естественно, быть проводником политики коллективной безопасности. Что касается Советского Союза, то и Франция, и Италия, и Англия делали все от них зависящее, чтобы устранить его от участия в решении проблем Дунайского бассейна и Юго-Восточной Европы.

Не меньшее значение в неудаче Дунайского пакта имели противоречия между странами Центральной и Юго-Восточной Европы. В тот период они приняли характер противоречий между двумя блоками, где с одной стороны выступали страны Малой и Балканской Антанты, а с другой — страны «римского треугольника» во главе с Италией. Особую роль в этом комплексе антагонизмов играли противоречия Италии и Венгрии со странами Малой Антанты, особенно итало-югославские противоречия. Их наличие позволило гитлеровской дипломатии сыграть активную роль в срыве планов Дунайского пакта. Применяемые ею методы — от организации убийства югославского короля Александра и Л. Барту до более тонких приемов разжигания противоречий между странами Дунайского бассейна — свидетельствовали о том значении, какое придавали нацистские лидеры событиям в этом районе Европы. В то же время ход переговоров о Дунайском пакте показал, что для аншлюса Австрии фактически нет серьезных преград, а с международноправовой точки зрения последняя фактически беззащитна перед лицом нацистской угрозы.

Глава II

ПОВОРОТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЮГОСЛАВИИ И ПОДРЫВ МАЛОЙ АНТАНТЫ (1935—1937 гг.)

Борьба классов и партий в Югославии в 1935—1936 гг. Правительство М. Стоядиновича и его политика

После убийства в Марселе короля Александра на югославский престол был возведен его одиннадцатилетний сын Петр II. Ввиду несовершеннолетия нового короля скупщина и сенат на совместном заседании 11 октября 1934 г. утвердили трех регентов, назначенных Александром в завещании. В регентский совет вошли: двоюродный брат короля Александра принц Павел Карагеоргиевич, д-р Раденко Станкович и д-р Иво Перович. Двое последних не играли почти никакой роли, и королевская власть оказалась фактически сосредоточенной в руках принца-регента Павла.

Марсельское покушение совпало по времени с назреванием внутреннего кризиса диктаторского режима. К этому времени диктатура пришла в противоречие с интересами значительной части югославской буржуазии. Она не устраивала больше даже те буржуазные слои, которые в период установления диктатуры были ее опорой. Показателен так называемый Загребский меморандум, подписанный рядом политических деятелей, представителями высшего духовенства и хорватской буржуазной интеллигенции (архиепископы А. Бауэр и А. Степинац, бывшие баны Т. Томленович и Т. Тарталья, историк Ф. Шишич, скульптор И. Мештрович и др., всего 39 под-

писей). В середине ноября 1934 г. меморандум был передан регентам. Крайне умеренный по содержанию, он все же свидетельствовал о том, что отсутствие элементарных политических свобод и нарушение законов, установленных самим же диктаторским режимом, создавало в стране такую обстановку, с которой буржуазия не желала мириться¹. Загребский меморандум был поддержан белградскими оппозиционными кругами² и вызвал широкие отклики в стране. Он положил начало идейной и политической борьбе в буржуазном лагере за изменение политического режима в стране.

Но главную опасность для монархо-фашистского режима представляли не требования буржуазной оппозиции разделить с нею власть, а революционные выступления трудящихся масс. В конце 1934 г. в Югославии значительно усилилось рабочее движение. Забастовка словенских горняков в Трбовле, рабочих цементной промышленности в Далмации, деревообрабатывающей промышленности в Боснии были крупнейшими за годы диктатуры³. Одновременно активизировалось студенческое движение, а в конце 1934 г. в ряде областей страны вспыхнули крестьянские волнения. Забастовки рабочих, студенческие выступления и глубокое недовольство среди крестьянства привели к возникновению широкого движения, направленного против существующего режима. Последний оказался бессильным подавить или хотя бы ослабить его.

Коммунистическая партия Югославии к этому времени начала оправляться от удара, нанесенного ей диктатурой. Был восстановлен ряд партийных организаций, в работу партии включались коммунисты, возвращающиеся из тюрем и с каторги. Однако КПЮ оставалась малочисленной, сектантские ошибки ее руководства замедляли рост партии и мешали ее успешной деятельности. В декабре 1934 г. в Любляне состоялась IV конференция КПЮ. Ей предшествовали краевые партийные конференции в Хорватии, Сербии, Словении, Черногории и Далмации. Конференция исправила ряд прежних ошибок партийного

¹ «Nova Evropa», 1935, N 7, str. 202—205.

² Там же, стр. 205.

³ «Priručnik za istoriju SKJ». Beograd, 1958, str. 83.

руководства, но не подвергла их последовательной критике. Она приняла решения об образовании в рамках КПЮ компартий Словении и Хорватии, о работе в деревне, среди молодежи, о создании партийных организаций в крупных промышленных центрах ⁴. IV конференция КПЮ сыграла значительную роль в жизни партии, оживив ее работу ⁵.

В конце декабря 1934 г. на смену правительству Н. Узуновича пришло правительство Б. Ефтича. Оно попыталось изобразить себя защитником интересов крестьянства: несколько снизило поземельный налог, а также отсрочило уплату крестьянских долгов ⁶. Правительство пошло также на некоторые уступки оппозиционным кругам буржуазии, освободив из заключения некоторых лидеров оппозиции. В феврале 1935 г. была распущена скупщина и на 5 мая назначены новые выборы. Правительство Ефтича надеялось с помощью государственного аппарата, реакционного избирательного закона и ряда демагогических мероприятий обеспечить себе большинство голосов.

Подготовка и проведение выборов 1935 г. явились крупным событием в политической жизни страны. Буржуазные оппозиционные партии после некоторых колебаний решили выступить на выборах совместно. В оппозиционный блок вошли: Демократическая партия (лидер Л. Давидович), Хорватская крестьянская (В. Мачек), Независимая демократическая (В. Вильдер), Сербская земледельческая (И. Иованович) и Мусульманская (М. Спахо). После долгих споров было решено, что список кандидатов оппозиции возглавит В. Мачек ⁷. Выдвинув общий список кандидатов, буржуазные оппозиционные партии не смогли, однако, договориться о какой-либо общей программе. Избирательный блок был для них лишь средством принять участие в выборах, так как в отдельности ни одна из них не могла удовлетворить требования действовавшего избирательного закона.

⁴ «Историјски архив КПЈ», т. II. Београд, 1949, стр. 219—268.

⁵ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, стр. 206—209.

⁶ «Народно благостање», 1935, № 7, стр. 99—103.

⁷ Д. С м и л я н и ћ. Сећање на једну диктатуру. Београд, 1955, стр. 101—105.

По официальным данным, на состоявшихся 5 мая 1935 г. выборах правительственные кандидаты собрали 1747 тыс. голосов и получили 303 мандата в скупщину, а оппозиция — 1076 тыс. голосов и 67 мандатов⁸. На выборах на голосование фактически был поставлен вопрос: за или против монархо-фашистского режима. Если учесть, что голосование было открытым и проводилось в обстановке террора, то результаты выборов означали по существу поражение правительства Ефтича, хотя формально оно и получило большинство голосов.

Выборы способствовали активизации политической жизни в стране. Они показали, что народное движение против диктаторского режима растет. Ему еще не хватало сил, чтобы ликвидировать диктатуру, но оно уже было в состоянии принудить ее пойти на уступки.

После выборов борьба в правящих кругах усилилась и привела к расколу по вопросу о формах и методах правления.

Продолжение прежнего курса грозило правителям Югославии весьма серьезными последствиями.

Идею о необходимости изменения методов правления в стране разделяли принц-регент Павел и влиятельные члены кабинета Ефтича — министр финансов М. Стоядинович и военный министр П. Живкович. В начале июня 1935 г. принц Павел поручил Стоядиновичу рассмотреть возможность образования нового правительства. В результате закулисных переговоров с рядом политических лидеров Стоядинович пришел к заключению о возможности такого шага. В направленном принцу Павлу 18 июня 1935 г. меморандуме он подчеркивал необходимость создания новой политической партии, которая охватывала бы все политические течения, поддерживавшие правительство. Он сообщал, что в руководство такой партии могли бы войти лидер сербской радикальной партии А. Станоевич, лидер словенских клерикалов А. Коротец и глава мусульманской организации М. Спахо. Новая партия должна была получить название «Югославский радикальный союз»⁹.

⁸ F. Čulino vi ć. Jugoslavija između dva rata, t. II. Zagreb, 1962, str. 89.

⁹ J. B. Hoptner. Yugoslavia in Crisis. 1934—1941. New York, 1962, p. 33—34.

При проведении задуманного плана принц Павел, Стоядинович и другие поддерживавшие их лица больше всего опасались, как бы борьба внутри правящих кругов не усилила народного движения в стране. Поэтому все их действия носили характер верхушечного заговора, закулисной интриги. В результате их сговора 23 июня 1935 г. неожиданно последовала отставка правительства Ефтича, вызванная разногласиями по второстепенному вопросу. Последующие события были яркой иллюстрацией антинародного характера существовавших в Югославии порядков. Хотя в стране недавно прошли выборы и формально победителем на них вышел список кандидатов во главе с Ефтичем, который получил подавляющее большинство депутатских мест в скупшине, формирование правительства было поручено М. Стоядиновичу.

Коалиционное правительство М. Стоядиновича было сформировано на платформе признания существующих порядков при изменении методов правления. В результате ряда маневров и закулисных переговоров Стоядиновичу удалось отколоть от буржуазной оппозиции мусульманскую партию. Ее лидер М. Спахо вместе с лидером словенской клерикальной партии А. Корошецем вошли в состав нового правительства. Новый премьер при каждом удобном случае стремился подчеркнуть, что его правительство не имеет ничего общего с Югославской национальной партией¹⁰. В правительственной декларации, оглашенной в скупшине, говорилось о необходимости смягчения политической напряженности в стране и «концентрации всех конструктивных народных сил»¹¹.

Будучи несомненно реакционным, правительство М. Стоядиновича тем не менее отличалось от своих предшественников. Оно возникло в период активного движения народных масс против диктатуры. В него входили представители мусульманской и словенской клерикальной партий, имевших определенную социальную базу. Не затронув основ антинародного режима, новое правительство вынуждено было отказаться от наиболее одиозных методов диктатуры и устранить из государственного аппарата скомпрометировавших себя людей. Так, например, в марте 1936 г. из правительства был выведен ге-

¹⁰ I. R i b a r. *Politički zapisi*, t. III. Beograd, 1951, str. 49.

¹¹ Там же, т. II, стр. 191—192.

нерал П. Живкович, один из лидеров великосербской клики и реакционного офицерства. Прибегая то к угрозам, то к посулам, правительству удалось сломить сопротивление так называемой парламентской оппозиции и обеспечить себе в скупшине большинство. Борьбу за власть со сторонниками Б. Ефтича и П. Живковича правительство М. Стоядиновича демагогически изображало как борьбу против фашизма и реакции, утверждало, что начался «новый период» в истории страны, и обещало восстановить «демократические свободы» в Югославии¹².

Маскируясь под «демократов», столпы кабинета М. Стоядиновича усилили преследование всего подлинно прогрессивного. Рьяным борцом с «коммунистической опасностью» был министр внутренних дел А. Корошец. Вынужденный признать, что полиция бессильна воспрепятствовать растущему влиянию коммунистов, он призвал использовать против них все средства, но считал необходимым «противопоставить идею идее»¹³.

Усиливая репрессии против рабочего класса и особенно коммунистов, правительство Стоядиновича пошло в то же время на некоторые уступки буржуазным оппозиционным партиям. Не опасаясь более преследований со стороны властей, они развернули шумную агитационную деятельность.

Сразу же после выборов обнаружилось отсутствие единства среди буржуазной оппозиции. Мусульманская партия вошла в правительство Стоядиновича и стала его опорой. В Хорватии в этот период происходило сплочение различных буржуазных групп и течений вокруг хорватской крестьянской партии во главе с В. Мачеком. Оппозиционные партии в Сербии — демократическая, сербская земледельческая и присоединившаяся к ним немного позднее радикальная партия — действовали под названием «Объединенная оппозиция». Между партиями, входившими в каждую из этих групп, и между группами в целом господствовали отношения недоверия, конкуренции, так что о действительном единстве не могло быть и речи.

Выступления руководителей оппозиционных буржуазных партий, особенно сербских, были полны демагогии,

¹² «Nova Evropa», 1936, N 3, str. 65—69.

¹³ «Радничке новине», 13.III 1936.

некоторые из них пытались представить Объединенную оппозицию как «народный фронт»¹⁴. Особенно демагогическими были речи одного из лидеров сербской земледельческой партии — Драголюбa Ивановича, выступавшего за создание в Югославии единого «крестьянского фронта»¹⁵.

На определенное время буржуазным оппозиционным партиям удалось распространить свое влияние не только на городскую мелкую буржуазию и значительную часть крестьянства, но и, пользуясь слабостью КПЮ, на некоторые слои рабочего класса.

Но, нападая на правительство Стоядиновича, лидеры буржуазной оппозиции не делали ничего для действительной борьбы с ним. Они сдерживали размах народного движения и фактически помогали антинародному режиму укрепиться. По мере усиления революционного движения в стране они вынуждены были сбросить маску «защитников народных интересов» и обнажить свое истинное лицо. Дальнейшее развитие событий окончательно выявило характер буржуазной оппозиции.

Политическая борьба в Югославии в 1935—1936 гг. развилась на фоне улучшения экономического положения страны. В этот период ее народное хозяйство начало постепенно выходить из затяжного экономического кризиса¹⁶. Вместе с тем эти годы явились временем обострения классовой борьбы в Югославии. В 1935 г. большой размах приобрела стачечная борьба. В забастовках и движениях за пересмотр тарифных расценок участвовало более 30 тыс. рабочих различных отраслей промышленности¹⁷. Во время забастовок, как правило, устраивались митинги, а иногда и демонстрации, рабочие выдвигали не только экономические, но и политические требования.

В июле 1935 г. в Целе (Словения) состоялся слет рабочих культурно-художественных обществ «Свобода», на котором присутствовало свыше 10 тыс. человек. На слете

¹⁴ Б. Б о г и ћ. Народна демократија и хрватско питање. Бршац, 1936, стр. 39—40.

¹⁵ Там же, стр. 49.

¹⁶ См. «История Югославии», т. II. М., 1963, стр. 141—144.

¹⁷ М. С о к о л о с к и. Најамнина у старој Југославији. Београд, 1951, стр. 74; С. Д у р ђ е в и ћ. Положај акције радничке класе Југославије у периоду пред други светски рат. Београд, 1951, стр. 25—31; Ј. В о ж и ћ е в и ћ. Два штрајка текстилaca. Београд, 1953, стр. 6 и др.

подчеркивалась необходимость единства рабочего класса и создания самостоятельной политической рабочей партии, раздавались голоса против реакционного режима ¹⁸.

Но в 1935 г. стачечная борьба имела в основном экономический характер. В 1936 г. рабочее движение значительно активизировалось. Только в мае 1936 г. бастовало около 30 тыс. рабочих — больше, чем в любой другой месяц после 1920 г. ¹⁹ Рабочие требовали повышения заработной платы и заключения с ними трудовых договоров. Забастовки, как правило, были упорными и длительными.

В борьбу вступил и сельскохозяйственный пролетариат. Весной 1936 г. в одной лишь Воеводине бастовало свыше 8 тыс. человек ²⁰.

По неполным данным, за первые девять месяцев 1936 г. в Югославии было 359 выступлений за пересмотр тарифов, из них 275 сопровождалась забастовками. Всего в движении за пересмотр тарифов участвовало свыше 87 тыс. человек, или примерно 14% общего числа рабочих ²¹.

Рост рабочего движения серьезно обеспокоил буржуазию. Вопрос о борьбе с ним был главным на конференции предпринимателей, созванной центральным правлением промышленных корпораций Югославии в августе 1936 г. в Бледе (Словения). Ее участники высказывались за создание «фронта промышленников» против рабочих, требовали обуздать рабочий класс, обеспечить порядок, при котором «не было бы места классовой дифференциации между рабочими и предпринимателями» ²².

Благодаря стачечной борьбе рабочие добились в 1936 г. некоторого повышения заработной платы. Но вскоре буржуазия перешла в наступление. В феврале 1937 г. правительство Стоядиновича издало «Указ об установлении минимальной заработной платы, заключении коллективных договоров, примирении и арбитраже». Основные положения указа были направлены против ра-

¹⁸ С. D u r đ e v i ć. Указ. соч., стр. 24—25.

¹⁹ Там же, стр. 34.

²⁰ A. L e b l. Sindikalna borba agrarnog proletarijata. Beograd, 1954, str. 215.

²¹ Вычислено по данным кн.: В. К р е к и ć. Radničke štrajkovi 1936 g. Beograd, s. a., str. 35—50.

²² H. S i r o v a t k a. Privredni i socijalni odnosi u Jugoslaviji. Zagreb, 1937, str. 57—60.

бочего класса. Используя их, предприниматели постепенно свели к нулю все уступки, вырванные у них в 1936 г.

Стремясь расширить свою социальную базу, правительство Стоядиновича заигрывало с крестьянскими массами и не скупилось на демагогические жесты. В сентябре 1936 г. был издан «Указ о ликвидации земледельческих долгов»²³, имевший целью якобы защиту крестьянских интересов. Мораторий на крестьянские долги, объявленный в 1932 г., фактически был отменен. К этому времени крестьянская задолженность достигла 7 млрд. динаров. Полностью свои долги крестьянство было не в состоянии выплатить. Мораторий мешал укреплению югославских финансов и вызывал недовольство буржуазии. Именно это обстоятельство послужило причиной его отмены.

На практике сентябрьский указ привел не к ликвидации крестьянской задолженности, а к восстановлению системы капиталистического кредита и укреплению банков. После его осуществления в стране насчитывалось свыше 650 тыс. обремененных долгами крестьянских хозяйств, задолжавших в общей сложности 2816 млн. динаров — в среднем 4324 динара на хозяйство²⁴.

Однако правительству М. Стоядиновича не удалось создать себе сколько-нибудь прочную опору в крестьянских массах. Крестьянство в основном пошло за оппозиционными партиями. Буржуазная оппозиция располагала не только политическими, но и экономическими позициями в деревне, так как крестьянские кооперативы находились под влиянием буржуазных партий.

В период классовых боев 1935 и 1936 гг. Коммунистическая партия Югославии укрепила свое влияние среди рабочего класса. Однако фракционная борьба, продолжавшаяся в ее руководстве, не позволила добиться компартии более крупных успехов. Усилению связей партии с массами и повышению ее роли в общественной и политической жизни страны способствовала борьба за реализацию решений VII конгресса Коминтерна о создании широкого народного фронта для борьбы с фашизмом и реакцией, за единство рабочего класса. Проведение

²³ M. Mirković. *Ekonomska historija Jugoslavije*. Zagreb, 1958, стр. 381—382.

²⁴ «Народно благостане», 1937, № 3, стр. 631—632.

этой линии уже в 1935 г. принесло КПЮ значительные успехи.]

Большую роль в жизни партии сыграл пленум ЦК КПЮ, проходивший в июне 1935 г. в Сплите. Сам факт созыва пленума в стране после долгого периода работы ЦК за границей говорил о значительном организационном укреплении партии. На пленуме присутствовали секретарь ЦК КПЮ М. Горкич, Б. Парович и другие партийные руководители ²⁵. Пленум проходил под знаком подготовки к VII конгрессу Коминтерна. Пленум подверг критике ошибки, допущенные партией в период избирательной кампании весной 1935 г. Был рассмотрен вопрос о выполнении решения IV партийной конференции о создании Коммунистической партии Хорватии и Коммунистической партии Словении. Пленум отметил, что эти решения должны быть скорее проведены в жизнь. Центральное место в работе пленума занял доклад Б. Паровича «О фронте народной свободы». Доклад нацеливал КПЮ на борьбу против фашизма, который является «главным врагом не только рабочего класса, но и всех демократических слоев» ²⁶, отмечал необходимость сплочения всего народа для борьбы против господствовавшего в Югославии режима. Пленум подчеркнул необходимость избегать шаблонов в деятельности по созданию народного фронта в стране. «Чем меньше „революционных“ форм и крикливой „революционной“ фразеологии, чем больше перенимания у самих масс их лозунгов, их выражений, их форм борьбы и организации — тем шире и ближе к массам будет движение, тем сильнее и успешнее борьба» ²⁷.

КПЮ по-прежнему приходилось действовать в тяжелых условиях подполья и жестоких полицейских преследований. О свирепствовавшем в стране фашистском терроре красноречиво свидетельствовало большое число политических убийств в стране. По неполным данным, с 5 мая 1935 г. по январь 1936 г. в Югославии было совершено 253 политических убийства ²⁸. Значительное число убитых было коммунистами. В конце 1935 и начале 1936 г. КПЮ были нанесены новые тяжелые удары:

²⁵ «Znamenja revolucije». Sarajevo, 1959, str. 143.

²⁶ «Преглед историје Савеза Комуниста Југославије», стр. 216.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

в результате ряда провалов было арестовано свыше 500 коммунистов²⁹. В некоторых местах аресты привели к полному прекращению деятельности партийных организаций³⁰.

Разногласия в руководстве КПЮ вызвали в 1937 г. смену руководства партии. Во главе Центрального комитета был поставлен И. Броз Тито. Новое руководство КПЮ повело борьбу за консолидацию партии. ЦК партии после длительного перерыва был снова переведен в страну. Партия начала очищаться от фракционеров и антипартийных элементов, но все еще оставалась малочисленной: осенью 1937 г. в рядах КПЮ насчитывалось всего около 1500 человек³¹.

* * *

Обстоятельства прихода к власти правительства М. Стоядиновича и особенности внутреннего положения страны в 1935—1936 гг. необходимо иметь в виду для более правильного понимания внешней политики Югославии в этот период. Напряженность классовых противоречий, угрожавших самому существованию антинародного режима, заставляла правительство маневрировать и проявлять большую осторожность в международных делах. Вместе с тем внутривластная напряженность толкала югославские правящие круги к сотрудничеству с фашистскими государствами.

Внутривластная борьба в Югославии привлекала пристальное внимание ее союзников и великих держав. Всех их волновал вопрос о возможных последствиях этой борьбы для внешней политики страны. Как Франция, так и Германия и Англия стремились повлиять на ход политической борьбы в Югославии и придать ей выгодное для себя направление. Югославия все больше превращалась в объект борьбы между великими державами, в важный узел империалистических противоречий на Балканах.

В начале июня 1935 г. в Белград прибыл Г. Геринг. Его визиту, приуроченному к моменту резкого обостре-

²⁹ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 380.

³⁰ J. Čažić. Vukovar u klasnoj borbi. Zagreb, 1955, str. 325.

³¹ J. Marjanović. Potsetnik iz istorije KPJ (1919—1941). Beograd, 1953, str. 56.

ния политической борьбы в стране после прошедших в начале мая выборов в скупщину, предшествовала многозначительная дипломатическая подготовка. Югославский посланник в Берлине Ж. Балугджич сообщал, что Геринг во время визита в Белград делает по поручению фюрера «конкретные политические предложения»³².

Немецкие дипломатические документы также глухо упоминают о том, что Геринг получил лично от Гитлера какие-то специальные инструкции, которыми он должен был пользоваться при переговорах с государственными деятелями стран Юго-Восточной Европы. В Белграде известие о его предстоящем визите было встречено с удивлением, так как никакого предварительного приглашения Геринг не получал³³. Тем не менее югославские правящие круги оказали ему радушный прием. Однако, как писал Нейрату немецкий посланник в Югославии Герен, в Белграде опасались, как бы этот визит не вызвал «недоверия и политического давления с другой стороны»³⁴. Во время пребывания в Белграде 6—9 июня 1935 г. Геринг был принят принцем-регентом Павлом, имел продолжительную беседу с М. Стоядиновичем, занимавшим тогда пост министра финансов, а также встречи и беседы с премьер-министром Ефтичем, военным министром П. Живковичем и другими лицами. Документы о его пребывании в Белграде и имевших там место переговорах пока не обнаружены. Можно только предполагать, что сам Геринг и нацистское руководство придавали им очень большое значение: прямо из Белграда Геринг поспешил в Берхтесгаден, чтобы лично доложить Гитлеру о результатах своего визита³⁵.

Благоприятные комментарии немецкой прессы в связи с образованием нового правительства М. Стоядиновича позволяют предполагать, что происшедшие в Югославии перемены не были неожиданностью для Германии и что она связывала с ними определенные политические расчеты. Для итальянской же дипломатии смена правительства

³² Историко-дипломатический архив (далее — ИДА). Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадр 16 (письмо фон Герена Нейрату от 18 мая 1935 г.).

³³ DGFP, series C, vol. IV, doc. 91, p. 162—164; doc. 93, p. 166—167.

³⁴ ИДА, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадр 16.

³⁵ K.-D. Meiss. Указ. соч., стр. 42.

в Югославии явилась неприятной новостью. Она связывала с личностью Ефтича начавшееся итало-югославское сближение. Его отставка была воспринята в Риме как удар по планам создания Дунайского пакта. «Из-за падения Ефтича все пошло прахом», — заявил Сувич в беседе с австрийским посланником Фолльгрубером ³⁶.

Значительную активность проявляла в этот период английская дипломатия. В своих мемуарах английский посол в Белграде Н. Гендерсон не без основания писал о своем политическом влиянии в Югославии. Позиции Гендерсона как посла были, по его словам, «уникальными», особенно благодаря близким и давним отношениям с принцем-регентом Павлом. Он умалчивает о конкретных шагах, предпринятых им в этот переломный момент для внутренней политики Югославии. Однако у нас нет оснований ставить под сомнение заявление Гендерсона, что Стоядинович обязан ему «в большой мере успехом своей политической карьеры» ³⁷. Это признание несколько теряет своей ценности от того, что в дальнейшем Стоядинович не оправдал надежд, возлагавшихся на него английской дипломатией. В данном случае оно важно для нас как свидетельство активного участия английского посла во внутриполитической борьбе.

Политическая борьба и смена лишь в правящих кругах Югославии оказали непосредственное воздействие на внешнюю политику страны.

«В настоящее время, — писал немецкий посланник в Белграде весной 1935 г., — развитие событий идет в направлении превращения влияния принца-регента в области внешней политики в решающее» ³⁸. Он отмечал также, что ни сам принц-регент, ни его ближайшие советники — М. Стоядинович и П. Живкович не являются противниками политической ориентации на Германию. Однако все трое считали, что момент для поворота югославской внешней политики еще не наступил. «Они сделают все, чтобы вывести Югославию из антинемецких комбинаций, но они будут твердо держаться за существующие оборо-

³⁶ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 9, лл. 235—237 (письмо Фолльгрубера Хорнбостелю от 4 июля 1935 г.).

³⁷ N. Henderson. Water under the Bridges. London, 1945, p. 172.

³⁸ ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 16—18.

нительные союзы, пока в Европе идет борьба за ревизию мирных договоров», — подытоживал немецкий посланник свои наблюдения ³⁹.

Приход к власти правительства Стоядиновича породил новые надежды. Новый премьер-министр, писал фон Герен 3 июля 1935 г., является «убежденным сторонником экономического сотрудничества между Югославией и Германией» и приспособливает свои политические концепции к экономическим нуждам страны. Вообще Стоядинович, взявший на себя также и функции министра, «является человеком, который, несомненно, твердо намерен вести внешнюю политику своей страны, руководствуясь только югославскими интересами, и который сделает все от него зависящее, чтобы не допустить, чтобы его страна использовалась в чужих интересах... С немецкой точки зрения, мы можем только приветствовать эти политические склонности нового югославского премьер-министра» ⁴⁰.

Обострение международного положения и политической борьбы внутри страны усилили расхождения между отдельными группами югославской буржуазии и по вопросам внешней политики. Отсутствие единой внешнеполитической концепции у правящих кругов чрезвычайно осложняло обстановку в стране и открывало широкие возможности для интриг империалистических держав.

Значительная часть югославской буржуазии стояла за сохранение прочного «традиционного» союза с Францией и Малой Антантой. Таких взглядов придерживались оппозиционные демократическая и радикальная партии, а также югославская национальная партия и часть правящей партии «Югославский радикальный союз». В правительстве профранцузской ориентации придерживался генерал П. Живкович. С его устранением из правительства в марте 1936 г. это течение в правящих верхах несколько ослабло, но все же продолжало оставаться популярным среди чиновничества и в офицерских кругах.

В середине 30-х годов в Югославии заметно усилилось влияние Англии. Проанглийской ориентации придерживалось руководство сербской крестьянской партии во

³⁹ ИДА, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 16—18.

⁴⁰ DGFP, series C, vol. IV, doc. 191, p. 409.

главе с И. Ивановичем и М. Гавриловичем, а также влиятельное крыло Хорватской крестьянской партии во главе с Крневичем. Наличие сторонников проанглийской ориентации в двух массовых крестьянских партиях Югославии не было случайным совпадением. Английский империализм в межвоенный период последовательно проводил политику поддержки крестьянских партий в Восточной и Юго-Восточной Европе. Опираясь на них, он приобретал значительное влияние в этой части Европы.

По размеру капиталовложений Англия занимала первое место в югославской экономике ⁴¹. За сотрудничество с Англией и ориентацию на нее в области внешней политики выступали влиятельные капиталистические круги Югославии. Очень активно, например, действовала в этом направлении группа финансистов (Б. Банац, П. Бабурица и Миханович), контролировавшая многие предприятия югославской горнорудной и лесной промышленности и связанная с английским банком «Честер Бити». Приход к власти принца-регента Павла значительно усилил в Югославии политические течения, ориентировавшиеся на Англию. В его лице они получили твердую опору в высших правительственных сферах.

Начавшееся немецкое экономическое проникновение в Югославию также имело политические последствия. Оно обусловило заинтересованность определенных слоев югославской буржуазии, особенно связанных с экспортом сырья и сельскохозяйственных продуктов, в дальнейшем укреплении экономических и политических связей с Германией. Эти течения были представлены премьер-министром М. Стоядиновичем ⁴² и частью правящего Юго-

⁴¹ S. Dimitrijević. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, 1958, str. 161.

⁴² Позиция М. Стоядиновича в период его пребывания у власти не оставалась неизменной. Н. Миркович, например, так описывает эти изменения: «Характер режима Стоядиновича, как правило, не понимали за пределами Югославии. Поверхностные разговоры о его «успехах» и его «реализме», которые велись даже теми, кто обычно был хорошо знаком с югославскими проблемами, помогали скрыть основные тенденции его внешней политики. Полагали, что сам Стоядинович, когда он стал премьер-министром, был настроен либерально, проанглийски, просоветски и в пользу соглашения с хорватами. Его считали либеральным, потому что он оставался в оппозиции во время диктатуры короля Александра; проанглийским — потому что в течение десяти предшествовавших лет он был белградским корреспондентом лондонского журнала «Экономист»; просо-

славского радикального союза, а также такими открыто-фашистскими течениями, как летичевский «Збор» и т. п.

В то же время широкие народные массы, среди которых усиливалось влияние КПЮ, требовали установления дипломатических отношений с Советским Союзом и заключения с ним договора о дружбе. Среди народных масс в то время получили значительное распространение идеи создания системы коллективной безопасности против угрозы агрессии со стороны фашистских государств.

Наличие в стране столь разнородных политических течений, интересы которых находились в резком противоречии друг с другом, обусловило неустойчивость внешней политики Югославии.

* * *

В первое время пребывания у власти правительства М. Стоядиновича особенно чувствовалось влияние принца-регента Павла на внешнюю политику страны.

Проблемы внешней политики были обсуждены новым правительством на заседании совета министров Югославии 17 июля 1935 г. Одним из основных вопросов, разбиравшихся на этом заседании, был вопрос об отношениях с Италией. В противоположность правительству Б. Ефтича, новое правительство решило не идти на смягчение отношений с ней. Оно приняло также решение не оказывать никакой поддержки итальянским авантюрам в Эфиопии и высказало «готовность присоединиться к тем силам, которые поддержат Лигу Наций»⁴³. Такая позиция противоречила усилиям французской дипломатии добиться итало-югославского урегулирования. Более того, она была своеобразным ответом на визит генерала Гамелена в Рим в июне 1935 г., который вызвал в правящих кругах Югославии подозрения относительно характера

ветским — потому что незадолго до этого он опубликовал редакционную статью в белградской газете «Политика», требуя признания Советского Союза. Что касается соглашения с хорватами, то это было одной из основных целей предшествовавших правительств, в которых он участвовал.

В течение года Стоядинович занял отрицательную позицию почти по всем упомянутым выше политическим вопросам» (N. M i r s o v i c h. Jugoslavia's Choice. «Foreign Affairs», vol. 20, N 1, October, 1941, p. 133—134).

⁴³ J. B. H o p t n e r. Указ. соч., стр. 34.

французских уступок Италии в обмен на ее согласие защищать Австрию от германских стремлений к аншлюсу. Не зная о французском согласии на итальянские захваты в Африке, югославы опасались, как бы сделка двух держав не произошла за их счет. Поэтому они отклонили некоторые примирительные предложения, сделанные Италией в то время.

Заседание совета министров Югославии 17 июля 1935 г. вновь подтвердило ее приверженность Малой Антанте, Балканскому пакту и союзу с Францией⁴⁴. Эти столпы внешней политики страны остались незатронутыми. Однако в принятом решении впервые прозвучала нота, которая стала потом лейтмотивом внешней политики. Совет министров выдвинул тезис, что Югославия и ее союзники *«должны ориентироваться в своей внешней политике на внешнюю политику Англии в Европе»*⁴⁵ (курсив мой.— В. В.). Хотя внешняя политика Англии в тот период испытывала значительные колебания и подвергалась пересмотру в зависимости от соотношения политических сил внутри страны, решение югославского правительства было симптоматичным.

Основным проводником английского влияния на внешнюю политику Югославии был принц-регент Павел. Попытки некоторых югославских эмигрантских политиков поставить впоследствии под сомнение его проанглийскую ориентацию носят довольно откровенный характер конкурентной борьбы за английскую поддержку⁴⁶. Обнару-

⁴⁴ J. B. Hoptner. Указ. соч., стр. 34.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Примером может служить характеристика принца Павла, данная ему видным югославским буржуазным политиком, одним из лидеров демократической партии М. Гролом, который в одном из эмигрантских югославских правительств занимал пост министра иностранных дел. В предисловии к книге Р. Хогга «Югославия», вышедшей в Лондоне во время второй мировой войны, М. Грол отмечал болезненное тщеславие и самолюбие принца Павла. Его склад ума, по отзыву М. Грола, «был типичен скорее для джентри, чем для джентльмена». Грол пишет о двуличии внешней политики принца Павла, «которую, как он сам думал, он способен проводить с маклавеллевским мастерством». В целом его внешняя политика характеризуется как «враждебная Малой Антанте и западным демократиям». Связи принца Павла с Лондоном расценивались М. Гролом как призванные поддерживать иллюзию его англофильства». Внутреннюю политику принца Павла Грол считал роковой для судеб страны, особенно в вопросе сербо-

женные документы подтверждают, что он был тесно связан с английскими правящими кругами, особенно с теми течениями, которые были инициаторами и активными проводниками политики, получившей впоследствии название «мюнхенской».

Сын Арсения Карагеоргиевича и Авроры Павловны Демидовой, Павел родился в 1893 г. в Петербурге. Образование получил в Англии в Оксфордском университете. Среди его университетских знакомых был, например, А. Иден. Женитьбой на принцессе греческого королевского дома Павел установил родственные отношения с представителями дома Романовых и с английской королевской фамилией. Эти связи оказывали огромное влияние на его позицию в важнейших вопросах внутренней и внешней политики Югославии.

Новые документы позволяют по-иному подойти к оценке политической роли югославского правительства в международных отношениях того времени. Они, в частности, дают основание считать, что Белград являлся тогда одним из центров, где зарождавшаяся в реакционных кругах Запада политика, рассчитанная на сотрудничество с гитлеровской Германией на антисоветской основе, встречала одобрительный прием со стороны правящих кругов. Ряд фактов показывает также, что через Белград шли связи английских мюнхенцев с фашистской Германией. Ведущую роль в установлении этих связей играл принц-регент Павел, который в то время выступал как бы своего рода посредником между английским королем Эдуардом VIII и гитлеровской верхушкой. Первостепенное значение для раскрытия этой стороны югославской внешней политики имеет запись беседы принца-регента Павла с немецким посланником в Белграде Гереном, состоявшейся 27 февраля 1936 г. Сообщенные Павлом сведения настолько поразили Герена, что он побоялся передать их в Берлин обычной дипломатической почтой. Учитывая сугубо доверительный характер беседы, он довел ее содержание до сведения ми-

хорватских отношений, и отмечал «его драконовские меры против коммунистов» (R. D. Ho g g. Yugoslavia. London, s. a., Preface by M. Grol, p. XII — XIV). В этой характер: стике, весьма желчной и преследовавшей определенные политические цели, есть немало справедливых обвинений. Отметим лишь, что оценку внешней политики принца Павла как «враждебную западным демократиям» нельзя считать правильной.

нистра иностранных дел фон Нейрата в форме личного письма к нему, чтобы лучше сохранить тайну⁴⁷.

Основная тема беседы — визит Павла в Лондон в начале 1936 г. и его наблюдения над политической жизнью Англии. Он постарался рассеять опасения германской дипломатии относительно появившихся слухов о возможности сближения Англии с Россией. Свои сведения он черпал из первых рук, так как имел по этому вопросу подробные беседы с Иденом. «Совершенно ошибочно считать, что Иден в душе настроен русофильски», — подчеркивал принц-регент. Из своей поездки в Москву Иден вынес плохие впечатления, однако, как отмечал Павел, он не видит коммунистической опасности в ее настоящем значении и «в известной мере склонен считаться с нынешней Россией если не как с моральным, то как с реальным фактором мира»⁴⁸. Гораздо более опасным человеком, предупреждал Павел, является в этом отношении Ванситтарт. Но несмотря ни на какое антинемецкое («еврейское», как выразился Павел) влияние в английской политике, «Германия имеет в Англии одного большого друга. Это король Эдуард VIII. Он знает короля с юных лет и поэтому имел возможность вести с ним совершенно интимные разговоры. При этом он, к своей радости, мог установить, что король и ныне все еще питает очень сильные симпатии к Германии, которые, безусловно, когда-нибудь проявятся. Вначале, по-видимому, король должен быть чрезвычайно осторожным и направить свое внимание на то, чтобы обеспечить себе такое положение, которое дало бы ему возможность оказывать влияние на английскую внешнюю политику»⁴⁹. В этой записи, по-протокольному короткой и сухой, содержалась целая программа действий. Не удивительно, что германская дипломатия проявила огромный интерес к этому сообщению. Оно было одним из первых, если не первым вообще, свидетельством о желании короля Эдуарда, а вместе с ним и других английских мюнхенцев идти по пути установления непосредственных контактов с гитлеровской Германией.

⁴⁷ ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 11—14 (письмо фон Герена Нейрату от 28 февраля 1936 г.).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

Не исключено, что заявления принца-регента Павла были заранее согласованы с английским королем, а возможно, и с другими руководителями внешней политики Англии. Доказательством такого предположения служит другой вопрос, поднятый Павлом в беседе с Гереном, — о нежелательности смены немецкого посла в Лондоне фон Гёша, о чем в Англии ходили слухи. У него «необычайно хорошее положение в английских политических кругах» и дружеские отношения с королем, говорил Павел о фон Гёше, и смена посла нанесла бы ущерб немецким интересам ⁵⁰.

Обсуждение столь деликатного вопроса по меньшей мере свидетельствовало о желании югославских правящих верхов способствовать улучшению отношений между Германией и Англией и их готовности выполнять посреднические функции в этом деле.

Тема англо-германского сближения постоянно обсуждалась в беседах принца-регента Павла с немецкими государственными деятелями. Это была его «излюбленная идея», как отметил Нейрат после встречи с ним летом 1937 г., т. е. примерно полтора года спустя ⁵¹. Все это дает основание сделать вывод о том, что тогдашние правители Югославии принимали посильное участие в формировании мюнхенской политики.

Отличительной чертой внешней политики правительства Югославии в этот период была ее антисоветская направленность. Никогда еще за весь межвоенный период югославская политика не принимала такой яркой антисоветской окраски, как в середине 30-х годов под руководством принца-регента Павла и премьер-министра М. Стоядиновича. В рассматриваемый нами период югославские правители, вдохновляемые идеями антикоммунизма, противопоставили свои действия усилиям советской дипломатии создать систему коллективной безопасности в Европе.

После заключения чехословацко-советского пакта в мае 1935 г. создались благоприятные условия для вовлечения стран Малой Антанты в систему коллективной безопасности и для установления дружественных отношений между ними и Советским Союзом. Советская дипломатия

⁵⁰ ИДА, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 11—14.

⁵¹ ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 147—149 (запись Нейрата о беседе с принцем Павлом 8 июня 1937 г. RM-423).

прилагала значительные усилия для достижения этой цели. Одним из действенных шагов в этом направлении должно было послужить заключение советско-румынского договора, аналогичного по содержанию советско-чехословацкому договору о дружбе и взаимной помощи. Переговоры о заключении договора велись между Советским Союзом и Румынией во второй половине 1935 г. Они проходили в обстановке дипломатических интриг со стороны фашистских держав, препятствовавших достижению соглашения. Документы свидетельствуют об активном участии Югославии в этих интригах. Больше того, и принц-регент Павел, и М. Стоядинович были склонны преувеличивать свое влияние и считали, что именно они сыграли главную роль в срыве «в последний момент» заключения советско-румынского договора. В беседе с германским посланником Гереном 6 декабря 1935 г. принц Павел, недавно вернувшийся из Румынии, заявлял без обиняков, что «он думает, что на этот раз он открыл глаза королю Каролю на коммунистическую опасность»⁵². Павлу вторил Стоядинович. По его словам, «в русском вопросе король Кароль, а с недавнего времени Титулеску все больше приближаются к югославской точке зрения»⁵³.

И принц Павел, и Стоядинович резко возражали против внешнеполитической линии румынского министра иностранных дел Титулеску, выступавшего за сближение Малой Антанты с Советским Союзом. Проводившуюся им политику они считали «опасной». «Приходится вновь ставить себе вопрос,— говорил принц Павел в беседе с Гереном 27 февраля 1936 г.,— не следует ли смотреть на Титулеску как на агента Литвинова»⁵⁴. Белградские правители

⁵² ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадр 15 (письмо фон Герена Нейрату от 6 декабря 1935 г.)

⁵³ Там же.

⁵⁴ ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 11—14 (письмо фон Герена Нейрату от 28 февраля 1936 г.). Нападки принца Павла на Титулеску за его якобы просоветскую линию построены на непонимании его действительной политики. Выступая за сближение с СССР, Титулеску преследовал тактические цели, а именно старался добиться таким путем сохранения румынской оккупации Бессарабии. В буржуазной исторической литературе личность Титулеску и его политика часто идеализируются. На деле же он являлся реалистически мыслящим представителем интересов буржуазно-

питали к Титулеску также и личную неприязнь, считали его организатором кампании во французской и английской прессе против Югославии. Эта кампания — «настоящий поход», как назвал ее принц Павел, — представляла Югославию экономически и политически зависимой от Германии и ставила под сомнение ее союзническую верность⁵⁵. Политическая борьба, развернувшаяся в рамках Малой Антанты по вопросу об отношениях с Советским Союзом, подрывала единство ее рядов и ослабляла эту политическую группировку.

Антисоветская направленность внешней политики правительства Югославии была основой его сближения с фашистской Германией, в которой оно видело в этом вопросе своего естественного союзника. По мнению принца Павла, «Советский Союз представляет собой величайшую европейскую опасность, для отражения которой Европа должна сплотиться». «С этой точки зрения, — писал о его воззрениях германский посланник, — он считает политику фюрера и рейхсканцлера в ее воздействии на Европу имеющей решающее значение, а немецкую политику в отношении Польши — просто гениальной»⁵⁶. Готовность пойти на сближение с Германией ради борьбы с коммунизмом являлась такой чертой внешней политики Югославии, без учета которой невозможно понять многие действия югославской дипломатии того времени. К концу 1935 г. поворот Югославской политики в сторону сближения с Германией стал уже заметным явлением. О новой фазе в отношениях двух государств можно судить по заявлению, которое сделал по поручению принца Павла и Стоядиновича новый югославский посланник в Берлине А. Цинцар-Маркович во время своего первого визита к Нейрату 6 декабря 1935 г. Югославское правительство, говорил посланник, будет и впредь продолжать проводимую им политику политического и экономического сближения с Германией. Оно намерено постепенно ослаблять существующие связи, а пока что оно заверяет, что оно не даст своего согласия ни на какое решение, которое могло бы причинить ущерб Германии⁵⁷.

помещичьей верхушки Румынии (см. А. А. Я з ъ к о в а. Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963).

⁵⁵ ИДА, ф. 150, д. 44, легатив 7, позитив 3, кадры 11—14.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ DGFP, series C, vol. IV, doc. 447, p. 888.

Другой точкой соприкосновения Югославии с фашистской Германией был не уменьшавшийся страх правящих кругов страны перед реставрацией Габсбургов в Австрии.

Зная о чувствительности югославских правителей по отношению к этому вопросу, гитлеровская дипломатия делала все, чтобы усилить их опасения. Усилившиеся весной и летом слухи о предстоящей якобы реставрации Габсбургов или по крайней мере о провозглашении в Австрии регентства Штаремберга наподобие регентства Хорти в Венгрии неизменно доводились немецкими дипломатами до сведения Белграда⁵⁸. Принятие в Австрии 4 июля 1935 г. закона, снявшего запрет на возвращение Габсбургов в страну и возвратившего им часть конфискованной ранее собственности, подтверждало, казалось, самые мрачные югославские предположения. Не полагаясь на Малую Антанту, югославское правительство пыталось выяснить позицию Германии и достичь с ней определенного единства взглядов по этому вопросу, а если возможно, то и более определенной договоренности о конкретных мерах, которые могли бы быть приняты в случае реставрации⁵⁹.

В августе 1935 г. югославская дипломатия пошла еще дальше и предприняла даже зондаж через Папена. Югославское правительство интересовалось его мнением, нельзя ли «для этого особого случая» (реставрация Габсбургов) заключить секретное военное соглашение с германским правительством⁶⁰. Гитлеровская дипломатия заняла уклончивую позицию по отношению к югославскому предложению. При этом она ссылалась на изменившееся

⁵⁸ DGFP, series C, vol. IV, doc. 93, p. 166—167; doc. 138, p. 274.

⁵⁹ Там же, док. 198, стр. 423—424; док. 216, стр. 458—459; док. 228, стр. 485—486. Оценивая позицию Югославии в это время, немецкий посол в Австрии Папен писал Гитлеру 27 июля 1935 г., что если она и «проявляет заинтересованность сегодня в укреплении наших позиций в Австрии, то это, в конце концов, будет лишь до тех пор, пока она надеется использовать нас политически против Италии» (DGFP, series C, doc. 232, p. 498). Текст документа на немецком языке см.: «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal». Nürnberg, 1948, vol. XXX, doc. 2248, PS, p. 53—54).

⁶⁰ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt vor dem Wiener Volksgericht». Wien, 1947, S. 393 (письмо Папена Гитлеру от 21 августа 1935 г.).

положение в Европе, которое не позволяло Германии заключать пакты, могущие привести к образованию неблагоприятных для нее военных группировок. За этими словами скрывалось нежелание Германии идти на обострение отношений с Италией. В то же время Папен отмечал, что югославское предложение, хоть оно и касается частного случая, кажется ему в высшей степени многозначительным. Даже простое установление контактов по военной линии еще больше укрепило бы, по мнению Папена, существующие дружеские отношения между Германией и Югославией и ослабило бы связи Югославии со странами Малой Антанты⁶¹. Для Германии развитие событий в этом направлении было крайне выгодно.

Изменения во внешней политике Югославии вначале оставались в глубокой тайне. Однако постепенно они становились все более явными и стали довольно ощутимо проявляться в период итало-эфиопской войны и связанным с нею обострением международного положения.

Итало-эфиопская война принесла резкое усиление борьбы империалистических держав за влияние на Балканах. Связанным с войной ослаблением итальянского влияния в Европе воспользовались Англия и Германия. Экономические санкции Лиги Наций подорвали на Балканах позиции Италии. Планы и действия итальянского империализма в Африке чувствительно задевали интересы Англии и вызвали ряд ответных мер с ее стороны. Гитлеровская Германия вела сложную двойную игру: вытесняя Италию экономически и политически из Юго-Восточной Европы, она в то же время поддерживала ее империалистические замыслы и захватническую политику. Сближение между Италией и Германией в этот период заложило основы будущего политического союза агрессивных фашистских государств.

Стремясь подорвать политическое влияние Италии на Балканах и оказать на нее нажим с этой стороны, Англия предприняла попытку разрушить ее союз с Австрией и Венгрией и сколотить свой блок в Юго-Восточной Европе. Именно эти цели преследовала Англия, оказав в начале 1936 г. поддержку плану Годжи, который должен был одновременно служить и средством давления на Францию:

⁶¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt...», S. 394.

Дипломатическая активность Англии способствовала усилению ее влияния в Чехословакии и Югославии.

Позиция Югославии в период итало-эфиопской войны приобрела большое значение ввиду ее соседства с Италией. Югославия голосовала 14 октября 1935 г. в Лиге Наций за принятие экономических санкций против Италии.

Ухудшением итало-югославских отношений поспешила воспользоваться в своих интересах английская дипломатия. В начале декабря 1935 г. Англия поставила перед югославским правительством вопрос, какую военную помощь в соответствии с уставом Лиги Наций может оказать ей Югославия в случае нападения Италии на Англию⁶². Английский запрос был явно направлен на то, чтобы оказать давление на Италию, а с другой стороны — вызвать расхождение Югославии с Францией и создать затруднения для французской дипломатии, занимавшей двойственную позицию в итало-эфиопском конфликте. С подобными запросами Англия обратилась также к Греции и Турции.

Английская инициатива вызвала замешательство в правящих кругах Югославии. Югославское правительство заявило, что на поставленные вопросы оно не может ответить без предварительного обмена мнениями между югославским и английским генеральными штабами, а также без предварительной консультации со странами Балканского пакта. Опасаясь попасть в неблагоприятное положение, югославское правительство ставило свою позицию в зависимость также от позиции Франции.

Рассмотрение военных аспектов поднятых проблем в правящих кругах Югославии вскрыло недостаточную подготовленность страны к каким-либо военным действиям против Италии. Меморандум югославского генерального штаба в начале 1936 г. отмечал многие слабости югославской армии. Успешность ее сопротивления в случае итальянской агрессии генштаб ставил в зависимость от помощи Англии, Франции и союзников Югославии по Малой Антанте и Балканскому пакту. В заключение генштаб рекомендовал правительству избегать каких-либо вызывающих действий по отношению к Италии, так как Югославия могла подвергнуться ее нападению даже из-за

⁶² Z. A v r a m o v s k i. Pitanje učešća Jugoslavije u vojnim sankcijama protiv Italije za vreme italijanske agresije na Etiopiju (1935—1936). «Jugoslovenski istorijski časopis», 1964, N 1, str. 21.

участия в санкциях⁶³. Меморандум генерального штаба не только показывал действительное положение вещей, но и сам явился, по-видимому, результатом борьбы мнений и разных политических течений в тех кругах, которые имели отношение к руководству внешней политикой страны.

Югославская дипломатия развила в это время большую активность. М. Стоядинович от имени югославского правительства запросил Англию, какова будет ее позиция, если Югославия явится жертвой итальянского нападения⁶⁴. Англия заверила Югославию, а также Турцию и Грецию в своей поддержке в случае нападения на эти страны из-за их участия в санкциях Лиги Наций против Италии⁶⁵. Давая такие заверения, Англия на деле ничем не рисковала, так как отлично понимала малую вероятность подобного поворота событий. Достижение известного соглашения между этими странами было закреплено в нотах Англии, Франции и всех стран — участниц Малой Антанты и Балканского пакта, в том числе и Югославии, направленных 22 января 1936 г. в Координационный комитет Лиги Наций. В них сообщалось об имевшем место обмене мнениями по дипломатическим каналам и говорилось о готовности выполнить обязательства, лежащие на этих странах в силу статьи 16 статуса Лиги Наций. Характерно, что югославская нота была поддержана нотами Чехословакии и Румынии, которые тем самым демонстрировали свою союзническую верность как члены Малой Антанты, а Румыния, кроме того, и как участница Балканского пакта⁶⁶.

Выступив инициатором подобной дипломатической демонстрации, Англия не собиралась предпринимать никаких действительных шагов. Это ясно проявилось на состоявшемся 12 февраля 1936 г. совещании английских военных представителей с начальником югославского генерального штаба. Совещание носило чисто информационный

⁶³ J. В. Нортнер. Указ. соч., стр. 41—42.

⁶⁴ Циркулярное письмо М. Стоядиновича от 15.I 1936 (см. В. М. Турок. Подготовка аншлюса (январь — июнь 1936 г.) «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957, стр. 710—711.

⁶⁵ «Documents on International Affairs», 1935, vol. II, p. 304—307.

⁶⁶ Там же, стр. 309—310.

характер и показало, что Англия не думает о каких-либо серьезных военных санкциях против Италии и не намерена оказывать Югославии существенную помощь в случае итальянского нападения. Такое положение югославский генштаб расценил как крайне неблагоприятное для Югославии. В переданной Англии памятной записке вопрос об участии в военных санкциях ставился в зависимости от оказания Югославии финансовой и материальной помощи и от присоединения к ним Франции ⁸⁷.

Вскоре и эти переговоры были прерваны. После занятия Германией Рейнской области английское правительство сообщило Югославии 10 марта 1936 г., что хотя оно и готово оказать ему помощь в случае итальянского нападения, «в настоящее время преждевременно говорить об этом в связи с изменением обстановки в Европе, поскольку английское правительство не хотело бы предпринимать ничего, что могло бы вызвать недовольство Италии» ⁸⁸. Так окончился этот дипломатический эпизод, бросивший свет на двойственную политику Англии. Безрезультатный сам по себе, он имел, однако, большие последствия для дальнейших судеб Балканского пакта.

Возможность военных действий на Балканах, хотя бы даже и теоретическая, вызвала среди участников Балканской Антанты резкие противоречия. Под их влиянием в Греции в начале 1936 г. развернулась широкая кампания против Балканского пакта, а греческое правительство встало на путь отхода от общей согласованной политики его членов. Чтобы выяснить позицию Греции, югославское правительство вручило 10 января 1936 г. греческому посланнику в Белграде ноту от имени трех других участников пакта. В ней греческому правительству предлагалось уточнить его позицию в случае возможной агрессии Италии против одного из членов Балканского пакта, а также в случае чисто балканского конфликта и в случае войны Италии с Англией и Францией ⁸⁹.

Вопрос о военных обязательствах членов Балканской Антанты встал на Белградской сессии ее Постоянного совета в мае 1936 г. Греция в лице ее премьер-министра Ме-

⁸⁷ Z. Avramovski. Pitanje učesća Jugoslavije u vojnim sankcijama protiv Italije..., стр. 29—31.

⁸⁸ Z. Avramovski. Указ. соч., стр. 32.

⁸⁹ D. Alastos. The Balkans and Europe. London, 1937, p. 90—91.

таксаса потребовала ограничить ее военные обязательства и свести их лишь к возможности внутрибалканского конфликта. В случае же расширения конфликта и вмешательства в него небалканской страны (под которой подразумевалась Италия) ее обязательства теряли свою силу ⁷⁰.

Сложность и запутанность политической обстановки на Балканах в то время достаточно ясно проявились в том факте, что греческие требования по разным причинам встретили сочувствие и поддержку не только Италии, но и Англии. Они были одобрительно встречены также и гитлеровской Германией, так как еще больше подрывали французское влияние на Балканах. Принятие греческих требований значительно ослабило Балканскую Антанту и лишило ее действенности как орудия коллективной безопасности в Юго-Восточной Европе ⁷¹. Наиболее сильно были затронуты при этом интересы Югославии.

Между тем события ставили Югославию перед все новыми и новыми испытаниями. 7 марта 1936 г. Германия открыто нарушила Локарнский договор и оккупировала Рейнскую область. Протесты Франции, государств Малой Антанты и других стран остались без последствий. Престижу Франции был нанесен сильный удар. Обсуждение возможных мер, которые могли быть приняты против Германии, вскрыли новые противоречия среди стран Малой Антанты. Югославия решительно высказалась против французского предложения об экономических санкциях. М. Стоядинович оправдывал позицию югославского правительства, ссылаясь на сокращение торговли с Италией в результате санкций Лиги Наций и указывая на то зна-

⁷⁰ В беседах с членами дипломатического корпуса в Афинах Метаксас не скрывал, что наиболее вероятным объектом итальянской агрессии он считал Югославию. Все сделанные им оговорки сводились к тому, чтобы Греция не была связана Балканским пактом в случае нападения на Югославию со стороны Италии, Австрии или Венгрии. Согласно греческим понятиям, пояснял Метаксас, Балканский пакт направлен только против Болгарии (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 64, лл. 15—17. Запись беседы австрийского посланника в Афинах Виммера с Метаксасом 12 мая 1936 г.).

⁷¹ Близорукая политика греческих монархо-фашистов противоречила национальным интересам страны. Когда в октябре 1940 г. Италия напала на Грецию, ее союзники по Балканской Антанте воспользовались как формальным предлогом для уклонения от оказания ей помощи решениями, принятыми по ее же инициативе.

чение, которое приобрел немецкий рынок для Югославии. В создавшихся условиях экономические санкции против Германии, заявлял он, нанесли бы Югославии удар, который был бы для нее экономически смертоносным ⁷². Экономическая экспансия Германии на Балканах начала приносить политические плоды.

Ремилитаризация Германией Рейнской области в корне изменила военно-стратегическую обстановку в Европе и поставила страны Малой Антанты в невыгодное положение в случае германской агрессии. Франция потеряла все те преимущества, которые она до того времени имела. После объявления Бельгией в марте 1936 г. нейтралитета возможный фронт ее действий против Германии сократился до такой степени, что мог быть успешно защищен даже теми силами, которые уже имелись в распоряжении гитлеровцев. Отныне Франция лишалась возможности оказать действенную помощь своим союзникам в Юго-Восточной Европе, а средства ее давления на Германию были сведены до минимума.

Агрессивные действия Германии осложняли политическую обстановку на Балканах и усиливали в реакционных кругах Австрии, Венгрии и Болгарии требования ревизии мирных договоров. 2 апреля 1936 г. Австрия в нарушение условий Сен-Жерменского договора объявила о введении в стране всеобщей воинской повинности. Югославские правящие круги увидели в возрождении австрийской армии прелюдию к реставрации Габсбургов под эгидой Италии и заняли резко отрицательную позицию. По настоянию Югославии, поддержанной Румынией, страны Малой Антанты 6 апреля 1936 г. заявили решительный протест австрийскому правительству по поводу нарушения Сен-Жерменского мирного договора ⁷³. Однако дальше слов дело не пошло. Заявление Малой Антанты, сделанное ею год назад, в марте 1935 г., в связи с введением всеобщей воинской повинности в Германии, в котором страны Юго-Восточной Европы предостерегались от подражания немецкому примеру, оказалось пустым звуком. Австрийское правительство, заручившись поддержкой ряда

⁷² Z. A v r a m o v s k i. Sukob interesa Velike Britanije i Nemačke na Balkanu uoči drugog svetskog rata. «Istoria XX veka». Zbornik radova, t. II. Beograd, 1961, str. 18.

⁷³ «Documents on International Affairs», 1936, p. 316.

государств, в том числе и Франции ⁷⁴, фактически отвергло протест Малой Антанты. В день его получения оно опубликовало заявление о своем намерении не принимать во внимание совместный протест стран Малой Антанты ⁷⁵.

Демонстративные действия австрийского правительства вызвали раздражение в правящих кругах Югославии. Они особенно опасались возможного воздействия австрийского примера на Венгрию. В беседе с австрийским посланником в Белграде 2 апреля 1936 г. помощник югославского министра иностранных дел Мартинац угрожающе говорил, что в случае подобных действий со стороны Венгрии Югославия примет ответные меры. Он дал также понять, что эти меры будут заключаться в расторжении договоров и отразятся на положении национальных меньшинств, к чему Венгрия всегда проявляла большую чувствительность. Австрийский посланник поспешил довести эту часть беседы до сведения своего венгерского коллеги ⁷⁶.

Югославская дипломатия была склонна видеть в австрийских действиях проявление итальянского влияния, что вызывало у нее беспокойство. Эту тему подробно развивал перед австрийским посланником в конце апреля 1936 г. начальник политического отдела министерства иностранных дел Югославии И. Андрич. Он резко подчеркивал различие между фактическим и принципиальным значением австрийского шага для Югославии. Последняя, говорил он, конечно, не видит для себя угрозы во введении Австрией всеобщей воинской повинности и понимает значение этого шага. Однако дело заключается в другом, продолжал И. Андрич, Австрия находится в «орбите» Италии. Австрийский шаг последовал сразу же после встречи представителей стран Римских протоколов. В агрессивные намерения самой Австрии никто не верит. Но разве не может Австрия против своей воли стать орудием агрессивных намерений Италии? Кроме того, отмечал И. Андрич, выбранная для этого Австрией форма несколько не облегчает положения дел. Если Австрия не ответила на протест Малой Антанты, зачем надо было официально и демон-

⁷⁴ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 40, лл. 99—101. Запись беседы австрийского посланника в Белграде Шмида с помощником министра иностранных дел Югославии Мартинацем 2 апреля 1936 г.

⁷⁵ «Documents on International Affairs, 1936», p. 317.

⁷⁶ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 40, лл. 99—101.

стративно разглашать об этом повсюду? «Это язык сеньора Муссолини», — подводил итог своим рассуждениям И. Андрич ⁷⁷.

Намерение Югославии передать вопрос о нарушении Австрией Сен-Жерменского договора в Лигу Наций не было поддержано ее союзниками по Малой Антанте и осталось без последствий.

Под влиянием непрерывно возрастающих противоречий среди своих членов Малая Антанта вступила с весны 1936 г. в период разложения. Было совершенно очевидно, что «единство» ее политической ориентации все больше становилось лишь пропагандистским лозунгом, за которым на деле стояли различные интересы. Каждая из входивших в Малую Антанту стран хотела видеть в ней свою опору. Для Чехословакии это была в первую очередь защита от угрозы со стороны Германии, для Югославии — со стороны Италии. Чехословакия была не прочь опереться на Италию, в то время как Югославия искала дополнительной поддержки против итальянской политики со стороны Германии. Их подход к отношениям с Советским Союзом был различным. Чехословацко-югославские противоречия в вопросе о политической линии Малой Антанты были определяющими для дальнейшей судьбы этого блока. Особенно остро их противоречия сказались в борьбе обеих стран за третьего союзника по Малой Антанте — Румынию, за влияние на ее внешнюю политику.

В самой Румынии в этот период шла острая борьба по вопросам внешней политики. В политической жизни страны в начале 30-х годов возникло сильное течение, стремившееся к укреплению Малой Антанты и выступавшее за тесный союз с Францией и сближение с Советским Союзом. Во главе этого течения стоял Н. Титулеску, против которого уже давно вели интриги гитлеровцы ⁷⁸. В то же время влиятельная группа либералов во главе с Г. Брагиану, а также фашистская агентура, представленная «Железной гвардией», и некоторые другие партии и группы активно выступали за сближение с гитлеровской Германией. Значительное влияние имели также приверженцы «нейтралистской» политики, симпатии которых разделя-

⁷⁷ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 40, лл. 115—116 (запись беседы австрийского посланника в Белграде Шмида с И. Андричем 30 апреля 1936 г.).

⁷⁸ «Das politische Tagebuch A. Rosenberg...», S. 52—56.

лись и королем Каролом⁷⁹. На внешнюю политику Румынии значительное влияние оказывал ее союз с Польшей, построенный на антисоветской основе, а также ее желание во что бы то ни стало удержать Бессарабию, захваченную у Советского Союза. Первое осложняло ее отношения с Чехословакией, а второе подогревало антисоветские настроения в правящих кругах страны. Политическая борьба внутри страны вела к тому, что в большинстве спорных вопросов среди стран Малой Антанты Румыния была склонна поддерживать Югославию, с которой у нее было больше общих интересов и точек соприкосновения, чем с Чехословакией.

Создавшаяся ситуация вынудила руководителей внешней политики Чехословакии искать выхода из тупика, в который зашла Малая Антанта. По предложению Чехословакии в июне 1936 г. в Бухаресте состоялась встреча глав государств Малой Антанты: президента Бенеша, короля Кароля и принца-регента Павла. По своему значению в истории международных отношений Юго-Восточной Европы в 30-е годы и в дальнейших судьбах Малой Антанты эта встреча занимает выдающееся место⁸⁰.

Бухарестской встрече глав государств Малой Антанты предшествовала острая дипломатическая борьба, в которой приняли участие не только страны Восточной Европы, но и великие державы. По сути дела именно в этот период решался вопрос о том, встанет или нет Малая Антанта на путь противодействия гитлеровской агрессивной политике. Объектом разыгравшейся дипломатической борьбы стал сложный комплекс советско-чешско-румынских отношений. Ведшиеся весной 1936 г. между этими сторонами переговоры охватывали вопросы о заключении советско-румынского договора о взаимной помощи и соглашения о

⁷⁹ И. Н. Чемпалов. Германская экспансия на Балканах в 1933—1938 гг. «Ученые записки Уральского ун-та», вып. 25, Свердловск, 1958, стр. 73.

⁸⁰ Необходимо отметить, что в исторической литературе бухарестской встрече уделялось совершенно недостаточное внимание. Такое положение можно объяснить лишь плохой изученностью международных отношений на Балканах в этот период и неудовлетворительным положением с источниками. Только после второй мировой войны часть документальных материалов стала достоянием исследователей. Уже известные документы дают право считать, что мы имеем дело с событием, значение которого выходит далеко за балканские рамки и которое может претендовать на видное место в истории европейской дипломатии.

пропуске через румынскую территорию, в случае возникновения угрозы для независимости Чехословакии, советских войск во исполнение условий советско-чехословацкого договора⁸¹. Переговоры продвигались с трудом. В Румынии влиятельные придворные и военные круги решительно выступили против возможности предоставления советским войскам права прохода через Буковину для помощи Чехословакии⁸².

От позиции Румынии в тот период в значительной мере зависело развитие дальнейших событий на Балканах. Поэтому усилия внутренней и международной реакции были направлены на то, чтобы сорвать достижение договора между Советским Союзом и Румынией и соглашения о пропуске войск. В качестве непосредственных исполнителей планов фашистских держав и международной реакции активную роль сыграли Польша⁸³ и Югославия⁸⁴.

Югославия оказала сильный нажим на Румынию. Незадолго до бухарестской встречи глав государств Малой

⁸¹ В этих целях между Чехословакией и Румынией в 1936 г. было достигнуто соглашение о строительстве железной дороги Висаул — Ватра — Дорней, которая связала бы Чехословакию с Советским Союзом и имела бы большое стратегическое значение (см. А. О r t. *Malá dohoda a Mnichov*. «Československý časopis historický», 1954, roč. II, N 2, str. 236—237).

⁸² ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, л. 253 (документы австрийского посольства в Риме).

⁸³ В конце мая 1936 г. в Белград прибыл польский министр иностранных дел Бек. Его визит вызвал некоторое удивление в дипломатических кругах, поскольку в отношениях Югославии с Польшей в тот период не было вопросов, которые требовали бы этого визита. Единственным объединявшим их звеном была анти-советская позиция обеих стран. Судя по сообщениям прессы того времени, Беку удалось достичь взаимопонимания со Стоядиновичем. В связи с румыно-советскими переговорами весной 1936 г. Польша через своего посланника в Бухаресте запросила румынское правительство, признает ли оно договор о дружбе с Польшей, а также соглашение генеральных штабов обеих стран. Понять смысл такого запроса можно лишь с учетом антисоветской направленности румыно-польского договора. ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 248—252 (документы австрийского посольства в Риме).

⁸⁴ Интересный материал о борьбе, развернувшейся в Румынии, а также о дипломатическом нажиме на нее с целью изменить направление румынской внешней политики, собран в обстоятельной статье югославского исследователя Ж. Аврамовского (см. Z. A v r a m o v s k i. *Pitanje Sovjetsko-rumunskog pakta, pad Tituleskua i posledice za Rumunsku spoljopolitičku orijentaciju*. «Istorija XX veka». Zbornik radova, knj. VII. Beograd, 1965, str. 7—92).

Антанты в Белграде стало известно, что румынское правительство намерено приурочить к ней достижение соглашения с Советским Союзом ⁸⁵. В правящих кругах Югославии это вызвало резкие возражения. Принц Павел по договоренности с М. Стоядиновичем заявил, что Югославия в таком случае окажется в стороне от бухарестской встречи ⁸⁶. Позиция Югославии была по сути дела прямой угрозой пойти на раскол Малой Антанты в случае заключения советско-румынского договора.

Испытывая давление с разных сторон, Румыния пошла на уступки Югославии, Польше и тем, кто стоял за ними. Советско-румынские переговоры вновь были приостановлены. Накануне Бухарестского совещания, которое оказалось под угрозой, Титулеску неожиданно нанес визит в Белград. Состоявшиеся здесь переговоры увенчались компромиссным решением. Югославия дала ясно понять, что она не желает участия Советского Союза в делах Центральной Европы. Только при этом условии она согласилась участвовать в Бухарестской встрече. Было решено, что Югославию в Бухаресте будет представлять только принц-регент Павел ⁸⁷. Стоядинович, являвшийся также и министром иностранных дел, демонстративно отсутствовал.

Встреча глав государств Малой Антанты в Бухаресте состоялась 6—9 июня 1936 г. Естественно, что основным вопросом, обсуждавшимся на совещании, был вопрос о необходимости укрепления союза входивших в Малую Антанту стран. Чехословакия выдвинула на этом совещании проект нового пакта Малой Антанты, дававшего гарантию против агрессии с любой стороны. Чехословацкое предложение встретило возражения со стороны Югославии. Высказываясь против него, принц-регент Павел говорил, что в случае заключения пакта «мы восстановили бы против себя Германию» ⁸⁸. Проект не был отвергнут на этом совещании, и было решено продолжить консультации

⁸⁵ По сообщениям прессы, сразу же вслед за Бухарестским совещанием Малой Антанты должен был последовать визит Титулеску в Москву, который откладывался уже несколько раз.

⁸⁶ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 248—252 (информационный циркуляр австрийского МИД от 4 июня 1936 г. о предстоящей в Бухаресте встрече глав государств Малой Антанты).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939». Пер. с чешск. М., 1959, стр. 414.

между странами Малой Антанты, а также с Францией. Однако было ясно, что принятие его маловероятно. Соединение стран Малой Антанты «на высшем уровне» окончилось в итоге безрезультатно.

Бухарестское совещание явилось тем переломным моментом, с которого разложение Малой Антанты пошло более быстрыми темпами. Подготовка и проведение этого совещания показывали, что Югославия играла в тот период ведущую роль в ослаблении связей стран Малой Антанты и подрыве их союза. В основе отхода Югославии от Малой Антанты лежали многочисленные факторы, главным из которых была антисоветская направленность внешней политики югославских правящих кругов. Их политика вызывала одобрение фашистских государств. В этом отношении весьма показательна беседа М. Стоядиновича с австрийским посланником Шмидом, состоявшаяся 3 июля 1936 г., т. е. вскоре после Бухарестского совещания. Коснувшись отношения Югославии к Советскому Союзу, Шмид заметил, что «большая часть Европы относится с искренней симпатией к отрицательной позиции Югославии по отношению к стремлениям Советской республики укрепиться в Центральной Европе при помощи Малой Антанты»⁸⁹. Стоядинович ответил, что он знает об этом, а также «верит, что европейский фронт против большевизма необходим и что он должен образоваться»⁹⁰. При этом Стоядинович как бы мимоходом упомянул, что составными частями такого фронта могут в будущем явиться Германия, Польша, Венгрия и Югославия⁹¹. Упоминание Югославии в таком сочетании было весьма многозначительным.

Летом 1936 г. в Румынии обострилась борьба по вопросам дальнейшего развития ее внешней политики. В эту борьбу активно вмешивались как гитлеровцы, так и союзники Румынии, в частности Югославия, которая в лице принца-регента Павла и премьер-министра М. Стоядиновича плела интриги против Н. Титулеску⁹². Борьба окон-

⁸⁹ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 40, лл. 2—3 (запись беседы Шмида со Стоядиновичем 3 июля 1936 г.).

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Об участии принца Павла в течение долгого времени в интригах с целью добиться отставки Титулеску писал, в частности, фон Папен, ссылаясь при этом на информацию, полученную от югославского посланника в Вене. «В результате этой отставки (Титулеску.— В. В.),— отмечал Папен,— напряженность в центрально-

чилась отставкой Титулеску 30 августа 1936 г. На пост министра иностранных дел был назначен В. Антонеску, являвшийся сторонником «нейтралистского» курса. «Отставка Титулеску останется отмеченной в будущих исторических книгах как большой политический поворотный пункт», — писала в те дни Женевьева Табуи⁹³. Она считала, что последовавшее после этого преобразование румынского правительства «было самой большой победой, которую до настоящего времени Германия одержала на Балканах»⁹⁴.

Уже в сентябре 1936 г. на сессии Постоянного совета Малой Антанты в Братиславе, где обсуждался предложенный летом в Бухаресте проект пакта Малой Антанты, Чехословакия оказалась перед лицом общего фронта Югославии и Румынии⁹⁵. Наиболее заметно это отразилось в вопросе об отношениях Малой Антанты с Советским Союзом. Все важные и принципиальные вопросы, подлежащие рассмотрению на Братиславской сессии, были в основном разрешены на состоявшейся накануне встрече Стоядиновича и В. Антонеску с Бенешем в его летней резиденции Топольчанке. Румынская газета «Курентул» в номере от 15 сентября 1936 г. так подытожила результаты этого совещания: «Произошла неожиданная эволюция. Все политические проблемы, касающиеся взаимоотношений Малой Антанты и Советской России, были просто-напросто сняты с повестки дня конференции по соображениям политического оппортунизма, а равно и по тем соображениям, что в первую очередь необходимо произвести

европейской политике чрезвычайно разряжается, так как тем самым будет положен конец «дуэту Бенеш — Титулеску» («Trial of the Major War Criminals...», vol. XXX, doc. 2246 — PS, p. 45 (письмо Папена Гитлеру от 1 сентября 1936 г. о положении в Дунайском бассейне).

⁹³ «Europäische Stimmen», 15.XI 1936, N 1, S. 3.

⁹⁴ Z. A v r a m o v s k i. Pitanje Sovjetsko-rumunskog pakta..., str. 68.

⁹⁵ Накануне сессии Малой Антанты в Братиславе М. Стоядинович отправился со специальным визитом в Румынию. По поводу этого визита в статье «Прелюдия к Братиславе» реакционный румынский журналист П. Шейкару так писал в газете «Курентул» от 12 сентября 1936 г.: «Приезд Стоядиновича в Бухарест перед конференцией Малой Антанты в Братиславе объясняется желанием Югославии установить общую точку зрения с Румынией». Далее в статье говорилось о сближении Чехословакии с Советским Союзом и нежелании Румынии следовать этой линии (см. АВП СССР, ф. 56 (обзор прессы), оп. 25, д. 6, п. 267, лл. 111—112).

срочную работу по внутренней консолидации... Малой Антанты. Выяснилось, что Малая Антанта не желает проявлять никакой инициативы в отношении общеевропейского положения, прежде чем по этим вопросам выскажутся великие державы. Три государства Малой Антанты готовы присоединиться к международным усилиям других государств по обеспечению мира, но что касается собственного положения трех государств Малой Антанты, то необходимо произвести новые усилия, чтобы установить определенное равновесие сил в отношении положения, существующего вне границ Малой Антанты»⁹⁶.

Не внесли никаких изменений в позицию Румынии и переговоры Бенеша с королем Каролом в Праге в конце октября 1936 г.

К концу 1936 г. в Малой Антанте накопились значительные центробежные силы. Ее политические связи с Францией были ослаблены. Внешняя политика Югославии и Румынии нарушала сложившуюся систему международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Значительную роль в происшедших переменах сыграла Югославия. Антисоветская позиция ее правящих верхов была тем исходным моментом, с которого начался отход Югославии от союза с Францией и Чехословакией. В этот период Югославия выступила как активная антисоветская сила в рамках Малой Антанты и открыла своей политикой широкие возможности для вмешательства гитлеровской Германии в дела балканских государств.

Германское экономическое проникновение в Югославию

Основным орудием экспансии германского империализма в Юго-Восточной Европе первоначально было экономическое проникновение, установление внешнеторговой зависимости балканских и дунайских стран от немецкого рынка. Чтобы понять причины быстрых успехов Германии, необходимо представить себе положение этих стран в системе мирового капиталистического хозяйства в начале 30-х годов.

Кризис поставил страны Юго-Восточной Европы в чрезвычайно тяжелое положение. Их отсталая аграрная экономика в огромной степени зависела от внешней торговли

⁹⁶ АВП СССР, ф. 56 (Обзор прессы), оп. 25, д. 7, п. 267, л. 112.

с развитыми капиталистическими странами. Однако уже с конца 20-х годов сельское хозяйство балканских стран испытывало большие трудности из-за конкуренции заокеанских стран — США, Канады и др., продукция которых, более высокая по качеству, стоила дешевле. В годы кризиса цены на продовольствие и сырье в течение 1930—1934 гг. упали на мировом рынке на 50—60%. Введение аграрного протекционизма в Германии, Италии и Чехословакии, являвшихся основными потребителями сельскохозяйственной продукции балканских стран, в еще большей степени усугубило разорительное действие кризиса на экономику последних. Их экспорт резко сократился, вызвав острые финансовые затруднения. Попытки аграрных стран Восточной и Юго-Восточной Европы найти рынки сбыта для продукции своего сельского хозяйства превратились из экономической в первостепенную политическую проблему. Она обсуждалась на созывавшихся в начале 30-х годов аграрных конференциях ⁹⁷, которые, однако, не привели ни к какому результату.

Экономические трудности стран Юго-Восточной Европы были умело использованы гитлеровской Германией. Милитаризация немецкой экономики после прихода фашистов к власти требовала приобретения различного стратегического сырья, однако золотые и валютные резервы Германии в результате кризиса оказались исчерпанными ⁹⁸. Это вынуждало ее сокращать свой экспорт из заокеанских стран и искать новых рынков, где стратегическое сырье, а также продовольствие можно было получить в обмен на немецкие промышленные товары. Таким рынком могли быть и действительно стали страны Юго-Восточной Европы. Еще большее значение приобретали они для Германии в связи с ее стремлением создать автаркическое хозяйство, которое не зависело бы от мирового рынка и могло бы выдерживать экономическую блокаду в случае новой мировой войны. Эти идеи нашли свое концентрированное выражение в «новом плане», провозглашенном гитлеровской Германией в сентябре 1934 г., и сопутствовавшей ему внешнеторговой политике ⁹⁹.

⁹⁷ «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. II. М., 1932, стр. 83—129.

⁹⁸ И. Н. Ч е м п а л о в. Указ. соч., стр. 53.

⁹⁹ A. B a s c h. The Danube Basin and the German Economic Sphere. New York, 1943, p. 171.

Германская торговая политика в Юго-Восточной Европе была тесно связана с задачами ее внешней политики в этом районе. На первых порах торговой экспансии пришлось столкнуться со значительными препятствиями, созданными существованием экономической Малой Антанты и «римского треугольника». К тому же Италия, чувствуя угрозу своим позициям со стороны Германии, принимала соответствующие меры. В этих целях она вела переговоры с Францией о проведении общей экономической политики в Дунайском бассейне. Перспектива сотрудничества Италии и Франции в Юго-Восточной Европе вызывала беспокойство гитлеровской Германии. Некоторые опубликованные документы германского МИД дают основание думать, что указанные выше вопросы явились предметом специального рассмотрения в немецких правящих кругах на самом высоком уровне и германское правительство в начале 1934 г. приняло по ним соответствующие решения¹⁰⁰.

Германская экономическая политика в Юго-Восточной Европе исходила из следующего: в Дунайском бассейне сложились две экономические сферы — итало-венгро-австрийская, руководимая из Рима, и экономическая сфера Малой Антанты, которая направляется главным образом из Праги. Поэтому важнейшей задачей германской политики является обеспечение собственной твердой экономической опоры в Дунайском бассейне. В отношении «римского треугольника» такой опорой вскоре стала Венгрия, с которой 1 февраля 1934 г. был заключен торговый договор. Этот договор, как отмечается в немецких документах, помог сорвать далеко идущие итальянские замыслы получить для себя исключительные экономические позиции¹⁰¹.

С Малой Антантой дело обстояло сложнее. Попытки Германии завоевать твердые экономические позиции в Румынии, предпринимавшиеся в течение ряда лет, оказались неудачными. Поэтому гитлеровская Германия решила отказаться от них как от бесполезных, «во всяком случае до тех пор, пока румынской внешней политикой руководит Титулеску...»¹⁰². Все внимание было перенесено на Югославию. В результате переговоров, проходивших в Белграде, 1 мая 1934 г. был подписан германо-югослав-

¹⁰⁰ DGFP, series C, vol. II, doc. 318, p. 592—596.

¹⁰¹ Там же, стр. 593.

¹⁰² Там же.

ский торговый договор, определивший на последующие годы экономические отношения обеих стран.

Торговые договоры с Венгрией и Югославией немецкие документы рассматривают обычно вместе и проводят известную параллель между ними. Их называли «договорами особого рода», «политическое значение которых превосходит их действительное экономическое содержание»¹⁰³. Основной политический смысл этих договоров заключался в противодействии французской и итальянской политике в Дунайском бассейне и создании точек опоры для германской политики. Германия сознательно пошла на известные экономические уступки Венгрии и Югославии. В торговые договоры с этими странами была включена система секретных финансовых привилегий, которая предоставляла им льготные условия для экспорта в Германию. «Такой образ действий оправдывался только особыми соображениями в пользу заключения обоих договоров, — говорилось в секретном циркуляре германского МИД, — ...применение этих методов в торговой политике вообще не могло бы рассматриваться иначе, как с учетом проистекающего отсюда тяжелого бремени для имперских финансов»¹⁰⁴.

Заключая торговый договор с Югославией, Германия намеревалась торговлю между обеими странами поставить на такую основу, которая предотвратила бы или по крайней мере затруднила экономические связи Югославии с другими странами вопреки немецким желаниям. Информировав посла в Италии Хасселя о заключенном договоре, германский МИД сообщал ему, что «различные возможности ограничения соглашения ставят нас в позицию, которая дает возможность в случае необходимости оказать соответствующий нажим на Югославию»¹⁰⁵.

Германское экономическое проникновение в страны Юго-Восточной Европы получило свое конкретное воплощение в практике заключения клиринговых соглашений, по которым расчеты велись не в валюте, а компенсировались поставками товаров. Принятые меры вскоре сказались в быстром увеличении объема немецкой торговли с дунайскими и балканскими странами. В течение 1934—1935 гг. их товарооборот возрос в такой мере, что обратил на себя внимание мировой общественности, тем более что

¹⁰³ DGFP, series C, vol. III, doc. 13, p. 36.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ DGFP, series C, vol. III, doc. 23, p. 55.

его рост происходил на фоне дальнейшего сокращения внешней торговли Германии. От наиболее проникательных наблюдателей не укрылось то обстоятельство, что клиринговые соглашения особенно усиленно и успешно применялись Германией в торговле с экономически отсталыми странами, которые являлись для нее поставщиками сырья. Кроме того, сам характер немецкой торговой политики приводил к тому, что усиленный импорт Германии заставлял страны, торговавшие с ней на основе клиринговых соглашений, закупать больше немецких товаров и ставил их таким образом в зависимое от нее положение¹⁰⁶.

Начавшееся проникновение Германии в Юго-Восточную Европу проходило под лозунгами создания немецкого «великого экономического пространства» (*Grosswirtschaftsraum*), запестрившими на страницах фашистских газет, научных журналов, в экономической литературе. За ними скрывались далеко идущие замыслы. Экономика стран Юго-Восточной Европы должна была, согласно им, стать «естественным» дополнением германской экономики и образовать вместе с нею единый хозяйственный организм, раскинувшийся на пространствах «Средней Европы» от Северного моря до Черного¹⁰⁷. Лозунги «великого экономического пространства» выражали гитлеровские планы борьбы за завоевание «жизненного пространства».

Экономические санкции Лиги Наций против Италии в период итало-эфиопской войны были умело использованы гитлеровской Германией в своих интересах. Не лишив Италию возможности вести разбойничью войну, они тем не менее сильно ослабили ее экономическое влияние в тех государствах Юго-Восточной Европы, которые присоединились к санкциям. Во внешней торговле Югославии, например, Италия с первого места в 1934 и второго — в 1935 г. отошла на пятое место в 1936 г., а по стоимости их внешней торговля сократилась в четыре раза¹⁰⁸.

Экспорт Германии в страны Юго-Восточной Европы увеличился за тот же период с 47,5 млн. марок в первом полугодии 1934 г. до 174,2 млн. марок в первом полугодии

¹⁰⁶ K. Ritter. Germany's Experience with Clearing Agreements. «Foreign Affairs», vol. 14, N 3, April 1936, p. 472—475.

¹⁰⁷ R. Krugmann. Südosteuropa und Grossdeutschland. Breslau, 1939, S. 16—17.

¹⁰⁸ «Статистика сполне трговине Краљевине Југославије за 1939. годину». Београд, 1940, стр. XIX.

1936 г.¹⁰⁹, т. е. в четыре раза. Оттеснив Италию, Германия прочно заняла первое место во внешней торговле этих стран. Соответственно вырос и их удельный вес во внешней торговле Германии. В 1936 г. на них приходилось 7,9% всего объема немецкого экспорта и 9,2% импорта¹¹⁰.

Наиболее сильным орудием экономической политики Германии была проводимая ею политика цен. Пользуясь условиями клиринговых соглашений, Германия предлагала более высокие цены за покупаемые товары, чем те, которые можно было получить на мировом рынке в свободной валюте. Такая политика вела к быстрому росту немецких закупок на рынках балканских стран.

В торговле со странами Юго-Восточной Европы Германия руководствовалась не только и даже не столько экономическими, сколько политическими соображениями. В результате такого подхода экономическая целесообразность и рентабельность нередко отступали на второй план. Для завоевания югославского рынка, например, Германия производила по повышенным ценам закупки зерна в количествах, превосходивших ее потребности. Образовавшиеся излишки продавались затем на биржах Роттердама и Лондона по ценам мирового рынка. При этом Германия несла определенные убытки, но зато она получала свободную валюту, которую употребляла для закупок дефицитного сырья, и вытесняла другие страны с балканских рынков. «Западные державы,—писал по этому поводу западно-германский ученый В. Тройе,—обыгрывались таким образом дважды»¹¹¹.

В том же направлении, что и политика цен, действовал паритет немецкой марки в отношении национальной валюты балканских стран. Стремясь заинтересовать их в торговле по клиринговым соглашениям, Германия устанавливала благоприятный для них обменный курс валют. Для Югославии этот курс равнялся 17,6 динара за 1 марку, для Румынии — 37,5 лей за 1 марку¹¹². В то же время Германия ввела высокие экспортные премии для немецких фирм, чтобы они могли в создавшихся условиях оставаться достаточно конкурентоспособными и компенсировать поге-

¹⁰⁹ W. Treue. Das Dritte Reich und die Westmächte auf dem Balkan. «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1953, N 1, S. 52.

¹¹⁰ A. Basch. Указ. соч., стр. 181.

¹¹¹ W. Treue. Указ. соч., стр. 49.

¹¹² A. Basch. Указ. соч., стр. 177.

ри от искусственно вздутых цен. Немалую роль в экономическом проникновении Германии в Юго-Восточную Европу играли предоставляемые ею гарантии закупок определенных контингентов товаров.

Все эти с внешней стороны благоприятные для стран Юго-Восточной Европы условия торговли с Германией на деле оказались кабальными. Усиленные закупки Германии уже в 1934—1935 гг. привели к образованию у нее огромной задолженности по клиринговым соглашениям. Торговый баланс был нарушен, и для его восстановления балканские страны были вынуждены увеличивать импорт из Германии часто за счет товаров, которые не являлись для них предметами первой необходимости. Однако германский долг продолжал расти. К началу мая 1936 г. немецкая задолженность по клирингу Греции достигала почти 40 млн. марок, Югославии — примерно 25 млн. марок, столько же Венгрии, около 18 млн. марок — Румынии и более 10 млн. марок — Болгарии ¹¹³.

Немецкая задолженность легла всей тяжестью на народное хозяйство этих стран. Образовавшийся дефицит покрывался их национальными банками. Создание резервов немецких марок, не имевших за собой товарного обеспечения, привело к падению их реального курса, в то время как торговые расчеты велись по номинальному. В 1936 г. немецкая клиринговая марка котировалась в Бухаресте по курсу 33—34 лей за марку, а в Белграде — 12,4—14,5 динара за марку ¹¹⁴. Создавшееся положение фактически влекло за собой скрытую девальвацию валют этих государств. Сумма же задолженности Германии по клирингам становилась как бы торговым кредитом, предоставленным ей отсталыми странами Юго-Восточной Европы.

Рост немецкой задолженности вызвал недовольство буржуазии балканских стран и привлек к себе внимание их общественности. В начале 1936 г. поднялась шумная кампания в греческой прессе. Вскрывая подоплеку возникшей ситуации, газета «Элефтерон Антропос» в статье «Скандал вокруг 1600 млн. драхм греко-германского клиринга» писала 15 марта 1936 г.: «Мы располагаем достоверными сведениями, полученными от торговой палаты, о некоей комбинации фирмы Отто — Вольф — Ауэр, которая яв-

¹¹³ A. B a s c h. Указ. соч., стр. 178.

¹¹⁴ Там же, стр. 177.

ляется ответственной за образование этого сальдо.. Многие ответственные лица утверждают, что создание активного сальдо Греции было умышленно подстроено немцами и греками, стремящимися поставить греческий народ перед следующей неразрешимой дилеммой: или вы купите все ваши военные материалы в Германии, или же вы останетесь без военных материалов, ибо у вас нечем будет платить ввиду того, что ваши 1600 млн. заморожены в Германии. И дело сейчас обстоит именно так»¹¹⁵.

Такой же неблагоприятный для Германии резонанс получала ее задолженность в Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии. Хотя здесь эти настроения не вылились, как в Греции, в шумную газетную кампанию, в прессе этих стран также раздавались голоса, указывавшие на неблагоприятное для них развитие торговых отношений с Германией и призывавшие к изменению направления внешней торговли. Эти настроения получили, несомненно, определенное распространение и в правящих кругах балканских стран. Ряд фактов конца 1935 — начала 1936 г. показывал, что германская экономическая экспансия на Юго-Востоке Европы натолкнулась на серьезные трудности и вступила в полосу кризиса. События принимали крайне нежелательное и опасное для Германии направление. Все это вызвало большое беспокойство фашистского руководства, так как нарушало осуществление его планов на Балканах. Положение было достаточно серьезным, чтобы Папен решил провести пасху в 1936 г. в Югославии.

Летом 1936 г. на Балканы отправился министр хозяйства Германии и президент рейхсбанка Я. Шахт. В течение июня он побывал в Югославии, Греции, Болгарии и Венгрии. Его поездка, сопровождавшаяся всевозможными политическими интригами и слухами, была тщательно подготовлена и хорошо организована. На самолете «Юнкерс-52», что было новинкой в те времена, Шахт перелетал из одной столицы в другую, встречался с монархами, премьер-министрами и другими ведущими политическими деятелями. Стараясь привлечь на свою сторону их симпатии, он везде выступал с речами, в которых рисовал им радужные перспективы экономических связей с Германией.

Выступления Шахта отражали новую тактику немецкого экономического наступления на Балканах. Выступая

¹¹⁵ АВП СССР, ф. 84 (обзор прессы), оп. 18, д. 4, п. 13, лл. 4—5.

в Белграде, Шахт утверждал, будто Германия считала естественным и понятным стремление аграрных стран к развитию своей промышленности. Больше того, она была готова помогать им. Однако, подчеркивал Шахт, надо начинать с простейших отраслей промышленности. Таким развитием они не нанесут ущерба индустриальным странам и создадут предпосылки для дальнейшего увеличения торговых связей между ними. М. Стоядинович ответил на эти слова Шахта демонстративными аплодисментами¹¹⁶.

Но более важными, чем эти туманные посулы, были попытки Шахта оказать влияние на направление развития народного хозяйства балканских стран. В беседах с государственными деятелями и в заявлениях печати он указывал на заинтересованность Германии в том, чтобы балканские страны производили больше сельскохозяйственных технических культур — масличных, льна, конопли и т. д., а также увеличивали добычу полезных ископаемых, в первую очередь руд цветных металлов¹¹⁷. В развитии этих отраслей Германия обещала свою помощь. Тем самым лишний раз выяснилось, что она была заинтересована в балканских странах как в источнике сырья для своей промышленности.

В течение трех дней пребывания в Белграде Шахт неизменно подчеркивал, что немцы будут «полностью учитывать законные интересы югославского государства». Как сообщал немецкий посланник в Белграде, Стоядинович следил за мыслями Шахта «с живейшим интересом»¹¹⁸. Во время пребывания Шахта в Белграде было подписано соглашение об участии Германии в реконструкции металлургического завода в Зенице. Техническую помощь и капиталовложения должен был предоставить концерн Круппа.

¹¹⁶ H. Schacht. 76 Jahre meines Leben. Bad Wörishofen, 1953, S. 418.

¹¹⁷ Накануне поездки Шахта на Балканы вопрос о стратегическом сырье, в особенности о цветных металлах, несколько раз обсуждался на заседаниях Совета министров под председательством Геринга. На заседании 27 мая 1936 г. Геринг обратился к Шахту с просьбой договориться об этом вопросе с Югославией во время визита в Белград. В ответ Шахт заметил, что закупки меди в Югославии могут последовать немедленно при условии устранения французов, которые продают медь только за девицы («Trial of the Major War Criminals...», vol. XXVII, doc. 1301—PS, p. 148).

¹¹⁸ «Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland». Berlin, 1941, Dok. 21, S. 62—63 (донесение фон Герена от 16 июня 1936 г.).

Показательно, что под немецким давлением Югославия отказалась от аналогичных предложений чешских заводов Шкода, хотя их условия были для нее выгоднее.

Шахт стремился рассеять опасения в связи с немецкой задолженностью по клирингам и уверял, что курс немецкой марки устойчив. При переговорах основным средством погашения задолженности выступала поставка военных материалов, а также дальнейшее увеличение экспорта из Германии. В этом отношении Шахту удалось добиться определенных успехов и не допустить сокращения торговли со странами Юго-Восточной Европы.

«Начиная с этого времени,— записал Стоядинович в очень кратких заметках о переговорах с Шахтом,— мы будем закупать у них наши военные материалы: самолеты, тяжелое оружие, небольшие подводные лодки и дальнобойную береговую артиллерию»¹¹⁹. Поездка Шахта по балканским странам сыграла крупную роль в усилении немецкого проникновения в этот район Европы. Некоторые публицисты писали в то время о процессе «ошахтивания» (*Verschachtelung*) балканских государств¹²⁰. Все же Шахту не удалось устранить всех трудностей, связанных с экономическими отношениями Германии с этими странами.

Несмотря на значительные успехи в завоевании рынков балканских стран, положение Германии не было устойчивым. Возникший в начале 1936 г. платежный кризис по клиринговой задолженности породил стремление в странах Юго-Восточной Европы ослабить их внешнеторговую зависимость от Германии. Это нашло отражение в их попытках найти новые рынки для своих товаров, а также решении продавать наиболее дефицитные виды сырья за свободную валюту. Так, Югославия запретила экспорт меди по клиринговым соглашениям. Румыния с 1937 г. ограничила вывоз нефти в Германию: впредь он не должен был превышать 20% всего ее экспорта по клирингу¹²¹. Венгрия, так же как и другие страны, старалась найти новые рынки сбыта для своих продуктов, особенно в Англии.

¹¹⁹ J. B. H o p t n e r. Указ. соч., стр. 101.

¹²⁰ R. B i c á n i ć. Pogled iz svjetske perspektive i naša ekonomska orijentacija. Zagreb, 1939, стр. 81.

¹²¹ A. B a s c h. Указ. соч., стр. 179.

Насколько шаткими были в тот период позиции Германии, показывает история ее экономических отношений с Югославией. Вскоре после визита Шахта они вступили в новый период кризиса. В сентябре 1936 г. югославское правительство потребовало от Германии оплаты в свободной валюте поставок не только меди, но и свинца, цинка, а также кожи и некоторых других товаров ¹²². Основанием для такого решения послужили сведения, что Германия после соответствующей обработки перепродает эти товары на мировом рынке за свободную валюту с большой для себя выгодой. На югославское требование Германия ответила угрозой денонсировать торговый договор и прекратила выдачу лицензий на импорт из Югославии. Торговля с Германией, которая в тот период достигала примерно трети всей внешней торговли Югославии, в конце сентября 1936 г. резко сократилась ¹²³.

Немецкая угроза возымела действие. В октябре 1936 г. в Дрездене собралась внеочередная конференция германо-югославской комиссии. Под давлением Германии Югославия вынуждена была пойти на уступки и снять свои требования. В подписанном 20 октября протоколе подтверждались прежние условия торговых расчетов и намечались меры по дальнейшему увеличению товарообмена. В частности, предполагалось увеличить число немецких туристов в Югославию, а также выделялись дополнительные товары для экспорта в Германию ¹²⁴. Немецкая торговля с Югославией продолжала возрастать. Но недовольство в Югославии характером ее отношений с Германией продолжало существовать. Оно подогревалось, в частности, продолжавшимся ростом немецкой задолженности по клиринговым соглашениям. Югославское активное сальдо выросло с 15,25 млн. марок в декабре 1936 г. до 35,4 млн. в марте 1937 г., т. е. более чем вдвое на протяжении трех месяцев ¹²⁵. Немецкая экономика была явно не в состоянии покрыть свой ввоз соответствующим экспортом товаров. В результате с конца 1936 г. курс марки в Югославии стал резко падать и достиг в марте 1937 г. самого низкого уров-

¹²² K.-D. Meiss. Указ. соч., стр. 110.

¹²³ Там же, стр. 110—111; D. Alastos. Указ. соч., стр. 121.

¹²⁴ B. Dordević. Pregled ugovorne trgovinske politike Jugoslavije do 1941 godine. Zagreb, 1960, str. 153—155.

¹²⁵ Там же, стр. 155.

ня — 11,9 динара за марку ¹²⁶, что вызвало беспокойство на бирже и в правящих кругах.

Недовольство в Югославии характером ее экономических отношений с Германией нашло отражение и на страницах прессы. Показательной в этом отношении явилась статья в газете «Политика», в которой подчеркивалась безусловная необходимость ограничить югославский вывоз в Германию. Статья была явно инспирирована правительством и привлекла к себе большое внимание. В результате образования сальдо по клиринговым расчетам, говорилось в ней, Югославия была вынуждена покровительствовать ввозу из Германии за счет торговли с другими странами, чтобы сбалансировать свою внешнюю торговлю. Газета требовала не допускать впредь такого положения и предлагала ввести ограничения на югославский вывоз в Германию ¹²⁷.

В середине февраля 1937 г. между Югославией и Германией было подписано соглашение о порядке ликвидации немецкой задолженности. Впредь до ее ликвидации югославский вывоз должен был составлять не более 90% германского ввоза в Югославию. Разница в 10% должна была идти на покрытие немецкой задолженности ¹²⁸. Однако на практике это соглашение не получило применения. Попытки югославского государственного банка ограничить вывоз в Германию пшеницы, за которую можно было получить свободную валюту на международном рынке, а не немецкие клиринговые марки, которые котиrowались на 20—30% ниже номинального курса, вызвали резкие протесты с германской стороны. В результате Югославия должна была пойти на уступки. Сообщая об этих фактах, югославская газета «Политика» вновь указывала на необходимость положить конец непрерывному росту вывоза в Германию, который в свою очередь заставляет Югославию увеличивать свой ввоз из Германии даже на невыгодных для себя условиях. Газета, в частности, рекомендовала обратить больше внимания на торговлю с другими странами, например с Италией, а также добиться пересмотра клирингового соглашения 1934 г. с Германией ¹²⁹. Эти и другие неблагоприятные для Германии комментарии

¹²⁶ Dorđević. Указ. соч., стр. 155.

¹²⁷ «Политика», 29.XII 1936.

¹²⁸ «Политика», 20.III 1937.

¹²⁹ «Политика», 20.III 1937.

в югославской печати и настроения в политических кругах не остались не замеченными немецкой дипломатией и составляли ее маневрировать. В меморандуме, составленном в январе 1938 г. помощником директора департамента экономической политики германского МИД Клодиусом, последний не рекомендовал даже в беседах со Стоядиновичем затрагивать щекотливый вопрос о связи между экономическими отношениями и политическим развитием страны. «В Югославии,— писал Клодиус,— так же как и в других странах Юго-Востока, уже высказывались опасения, что Югославия в результате экономического сотрудничества может стать слишком зависимой от Германии политически»¹³⁰.

Несмотря на испытываемые трудности, Германия продолжала неуклонно увеличивать свою торговлю на Юго-Востоке Европы. В 1937 г. ее товарооборот с балканскими странами достиг (по стоимости) докризисного уровня. Характерно, что вся немецкая внешняя торговля составляла в это время не более 40% ее уровня в 1929 г. Торговля со странами юго-Восточной Европы приобрела такой удельный вес во внешней торговле Германии, какого она никогда не имела в прошлом. На рынках балканских стран Германия добилась доминирующего положения. И, что самое важное, немецкая торговля с балканскими странами продолжала расти из года в год, опрокидывая все экономические прогнозы и оказывая все большее и большее воздействие не только на экономику, но и на политику связанных с нею стран.

Экономическая экспансия Германии на Юго-Востоке Европы по своему значению и последствиям далеко превзошла региональные рамки и превратилась в один из важнейших вопросов «большой» политики. Она подрывала позиции западных держав на Балканах, ослабляла связи балканских стран между собой и снижала их готовность сопротивляться немецкому проникновению. Экономическая экспансия Германии расчищала путь политическому влиянию. Ее пагубные последствия не были секретом для общественности балканских стран и западных держав. Однако правящие круги этих государств сознательно закрывали глаза на грозящую им опасность и тешили себя иллюзиями. В Англии, например, было широко распро-

¹³⁰ DGFP, series D, vol. V, doc. 159, p. 218.

странено мнение, что немецкое экономическое проникновение на Балканы носит кратковременный и преходящий характер. В качестве доказательства приводились факты отдельных колебаний и напряженности в торговых отношениях Германии с Югославией и другими странами ¹³¹. Приведенные взгляды, как показали дальнейшие события, служили лишь пирмой для прикрытия определенной политической линии западных держав.

Временными и преходящими оказались на деле попытки стран Юго-Восточной Европы ослабить свою экономическую зависимость от Германии. Неравноправные условия торговых отношений с нею заставляли эти страны, помимо односторонних действий и поисков новых рынков, прибегать также к формам многостороннего сотрудничества. Одной из них была экономическая Малая Антанта, созданная еще в 1933 г., когда был образован Экономический совет для координации экономических интересов Чехословакии, Румынии и Югославии. Родившись под влиянием мирового экономического кризиса, она должна была содействовать тесному экономическому сотрудничеству трех государств и их сплочению в единый хозяйственный организм.

Однако планы дальнейшего сотрудничества столкнулись с многочисленными трудностями. Прежде всего сказалась разница в уровне экономического развития самих стран Малой Антанты. Торговля между ними в значительной степени строилась на предоставлении Чехословакией преференций на ввоз зерна и продуктов животноводства из Югославии и Румынии. Экономическая политика всех трех государств создавала крупные препятствия для значительного развития торговли между ними. Чехословакия проводила политику аграрного протекционизма, и отход от нее, даже в интересах усиления торговли со странами Малой Антанты, вызвал недовольство внутри страны. В то же время Югославия и Румыния придерживались курса на индустриальный протекционизм, что не устраивало Чехословакию.

В начале 1936 г. Чехословакия выступила с так называемым «планом Годжи», предлагавшим «объединение всех придунайских государств в экономический блок. В основе этого плана лежала идея совместного сбыта

¹³¹ W. T r e u e. Указ. соч., стр. 51.

странами Юго-Восточной Европы излишков производства своего сельского хозяйства промышленным странам, в первую очередь Англии. Главный его замысел заключался в создании автаркического хозяйства в Юго-Восточной Европе¹³². В случае осуществления плана Годжи германские позиции на Балканах были бы подорваны. Поэтому он встретил резко отрицательный прием в Германии и был расценен как антинемецкий.

Реальный смысл плана Годжи неоднократно изменялся в зависимости от перемен в международной обстановке. Выдвинутый в начале 1936 г., в период итало-абиссинской войны, он был поддержан английской дипломатией и из средства борьбы с немецким экономическим проникновением на Балканы превратился в орудие политического давления на Италию. Поскольку план предусматривал создание единого блока Малой Антанты и стран, подписавших Римские протоколы (Австрия и Венгрия), он создавал прямую угрозу позициям Италии в Европе. В тех конкретных условиях антинемецкая направленность плана Годжи утратила свое значение. План был очень сдержанно встречен союзниками Чехословакии по Малой Антанте, в частности Югославией¹³³.

Говоря о причинах отрицательного отношения Югославии к плану Годжи, принц-регент Павел в беседе с немецким посланником 27 февраля 1936 г. указал на нежелание портить экономические отношения с Германией. Югославия, заявил он, «твердо придерживается той точки зрения, что ее экономические отношения с Германией не должны быть поставлены под угрозу»¹³⁴.

В конечном итоге успех плана Годжи зависел от его поддержки такой страной, которая могла компенсировать балканским странам потерю немецкого рынка. Ею могла стать Англия. Действительно, ее позиции на Балканах в этот период значительно укрепились. В течение 1936 г. она заключила ряд договоров и соглашений с балканскими странами. Так, 1 февраля было подписано торговое

¹³² «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 396—397; В. Н. Шихов. План Годжи. «Из новейшей истории зарубежных стран». Сб. статей. Свердловск, 1963, стр. 3—36.

¹³³ DGFP, series C, vol. IV, doc. 593, p. 1204—1207.

¹³⁴ ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 11—17 (письмо фон Герена Нейрату от 28 февраля 1936 г.).

соглашение с Венгрией, 2 мая — соглашение о платежах с Румынией, 2 сентября — торговое и клиринговое соглашение с Турцией. В течение 1936 г. экспорт стран Юго-Восточной Европы в Англию вырос примерно на треть — с 9,3 млн. фунтов стерлингов в 1935 г. до 12,3 млн., а импорт — почти наполовину и увеличился с 6,9 млн. до 9,7 млн.¹³⁵ В течение 1936—1938 гг. доля Англии в их экспорте составляла около 8,5—9% и в импорте — около 7,5—8%¹³⁶. Увеличение торговли со странами Юго-Восточной Европы превратило Англию во второго по значению их торгового партнера. В 1937 г. объединенная доля Англии, Чехословакии и Австралии в торговле с балканскими странами была больше доли Германии¹³⁷.

Однако Англия не собиралась использовать своих экономических позиций против немецкого проникновения. Это не входило в планы английского империализма. В его глазах немецкая экспансия в Юго-Восточной Европе была чем-то вроде отводного канала, который уводил германские интересы в сторону от британских колониальных владений. Предоставление в распоряжение Германии балканских рынков должно было, по мнению империалистических кругов, компенсировать ей потерю колоний. Это была экономическая сторона политики попустительства, проводившейся международным капиталом, которая шла параллельно с мюнхенской политикой и в ряде случаев предшествовала ей.

Можно с полной уверенностью сказать, что в конечном итоге причины успеха немецкой экономической экспансии на Балканах коренились не только в благоприятно сложившихся для Германии экономических условиях в этой части Европы, но в значительной степени объяснялись политическим курсом западных держав.

Болгаро-югославский «Пакт о вечной дружбе» [январь 1937 г.] и его место в системе международных отношений на Балканах

23 октября 1936 г. в Берлине было подписано соглашение между Германией и Италией, оформившее политичес-

¹³⁵ Н. B ö t t n e r. England greift nach Südosteuropa. Wien, 1939, S. 98—99.

¹³⁶ А. В а с с и. Указ. соч., стр. 212.

¹³⁷ Там же, стр. 199.

кий союз двух фашистских государств¹³⁸. Ось Берлин — Рим стала свершившимся фактом. Два империалистических хищника наряду с решением других вопросов делили сферы влияния на Балканах и договаривались о разграничении экономической деятельности. При обсуждении положения в Дунайском бассейне они специально остановились на Югославии. Во время беседы с Чиано Нейрат одобрил намерение Италии в ближайшее время улучшить отношения с Югославией как по соображениям борьбы с коммунизмом, так и по соображениям ослабления английского влияния в Белграде. Он добавил, что германское правительство располагает достоверными сведениями о стремлении англичан путем укрепления дружбы с Югославией обеспечить себе далматические базы на случай конфликта, а также завершить тем самым попытки создания анти-итальянского окружения. Что же касается Румынии, заметил Нейрат, то поворот, который будет совершен в результате соглашения с Белградом, заставит ее сблизиться с Германией и Италией¹³⁹. Таким образом, Германия связывала с образованием «оси» далеко идущие планы подрыва Малой Антанты и явно желала изолировать Чехословакию.

Образование оси Берлин — Рим оказало огромное влияние на политическую обстановку в Юго-Восточной Европе. Хотя противоречия между Германией и Италией по вопросам о влиянии на Балканах продолжали сохраняться, обе страны выступали теперь единым фронтом против английского и французского влияния в этом районе и стремилась к развалу малой Антанты и Балканского пакта. Попытки стран Малой Антанты, особенно Чехословакии и Югославии, играть на их противоречиях по австрийскому вопросу потерпели неудачу. Стремление Чехословакии опереться на Италию в борьбе против планов аншлюса в новых условиях не могло иметь шансов на успех. Югославия же видела в итало-германском союзе известную гарантию против итальянского влияния в Австрии и планов реставрации Габсбургов. Поэтому ее отношение к образованию оси Берлин — Рим не было отрицательным.

¹³⁸ В. Б. У п а к о в. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961, стр. 71.

¹³⁹ G. C i a n o. L'Europa verso la catastrofe. Verona, 1948, p. 90—91.

Однако в правящих кругах Югославии чувствовалось большое беспокойство. Как отмечал австрийский посланник в Белграде, их мучил вопрос: «Что даст в сумме сложение старого врага плюс нового друга?»¹⁴⁰. Впервые он встал перед ними во весь рост еще летом 1936 г. Спокойная реакция Италии на заключение австрогерманского соглашения от 11 июля 1936 г. показывала, что итальянская «вахта на Бреннере» окончилась. Австрия перестала быть объектом борьбы между двумя странами. Впереди довольно ясно обозначались перспективы сотрудничества фашистской Италии и гитлеровской Германии, что ставило перед внешней политикой Югославии новые проблемы, по которым мнения в Белграде расходились. Уже летом 1936 г. в политических кругах Югославии считали, что итало-германское сотрудничество будет направлено на юго-восток, и задавали вопрос, сможет ли Югославия проводить при таких обстоятельствах свою прежнюю политическую линию¹⁴¹.

Вслед за визитом Чиано в Германию Риббентроп прибыл в Италию для дальнейшего уточнения планов сотрудничества двух государств. Их переговоры нашли свое отражение в нагумевшей речи Муссолини, произнесенной им 1 ноября 1936 г. в Милане в присутствии Риббентропа. Речь Муссолини свидетельствовала о новой тактике фашистских держав в Юго-Восточной Европе. Муссолини выступил с решительной поддержкой венгерских требований ревизии мирных договоров и пересмотра границ в пользу Венгрии. В то же время дружественный тон речи в отношении Югославии давал понять, что удовлетворение венгерских претензий должно быть произведено только за счет Румынии и Чехословакии и насколько не затронет Югославию. Речь Муссолини получила широкий резонанс на Балканах. Она была крайне отрицательно встречена политическими кругами и прессой Чехословакии и Румынии. В Югославии, наоборот, она была благоприятно принята и расценена как новое доказа-

¹⁴⁰ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 40, л. 8—9 (донесение австрийского посланника в Белграде Шмида от 15 июля 1936 г.).

¹⁴¹ Там же. Первыми на Юго-Востоке Европы откликнулись на происшедшие изменения правящие круги Венгрии и Болгарии. Визиты Хорти и царя Бориса в Берлин в августе 1936 г. имели, несомненно, одной из важнейших целей выяснение политических перспектив и возможных последствий для их стран наметившегося германо-итальянского сближения.

тельство желания Италии сблизиться с Югославией. Действительно, такие жесты уже были осенью 1936 г. Так, в октябре газета «Пикколо ди Триесте», занимавшая ранее резко антиюгославскую позицию, выступила с серией явно инспирированных статей, в которых призывала к улучшению итало-югославских отношений¹⁴². Знаки внимания со стороны Италии не остались без ответа. 7 ноября 1936 г. новый итальянский посланник в Белграде М. Инделли вручил свои аккредитивные грамоты принцу-регенту Павлу. Однако обычного в таких случаях обмена речами не последовало. Молчание было красноречивее слов. Дело заключалось в том, что грамоты были выданы от имени «короля Италии и императора Эфиопии», и это не встретило возражений со стороны Югославии.

Во внешней политике Югославии намечался заметный поворот. К концу 1936 г. он получил уже довольно ясные очертания и проходил под лозунгами проведения «самостоятельной» и «независимой» линии. В начале ноября 1936 г. в интервью премьер-министра М. Стоядиновича английской газете «Санди диспеч» впервые прозвучало заявление, ставшее затем лейтмотивом многих его выступлений: «Югославия, — сказал он, — не желает входить ни в один из обрисовывающихся в последнее время в Европе соперничающих блоков»¹⁴³. Такая реакция на образование оси Берлин — Рим была, бесспорно, выгодна фашистским державам, ибо предвещала отход Югославии от Франции и Малой Антанты¹⁴⁴.

Германия и Италия пристально следили за колебаниями внешней политики Югославии. Понимая, что она представляет самое слабое звено в сложившейся системе международных отношений на Балканах, они сосредоточили на ней основное свое внимание. При этом Италия сама

¹⁴² D. A l a s t o s. Указ. соч., стр. 241.

¹⁴³ «Политика», 9.XI 1936.

¹⁴⁴ По некоторым сведениям, в ноябре 1936 г. принц Павел, проезжая через Германию по пути в Англию, имел секретную встречу в Оберзальцберге с Гитлером. Однако никаких данных об имевших там место переговорах нет. Единственное упоминание в литературе об этой встрече содержится в кн.: Н. B a u e r. Ein Vielvölkerstaat zerbricht. Werden und Vergehen Jugoslawiens. Leipzig — Berlin, 1941, S. 90. Тем не менее К. Мейсс считает это известие достоверным и даже предполагает, что принц Павел не хотел отставать от других глав государств, «чтобы не поставить свою страну в невыгодное положение» (К.-Д. М e i s s. Указ. соч., стр. 71).

добивалась сближения с Югославией, а Германия, предпочитавшая пока действовать чужими руками, прилагала усилия к тому, чтобы с ее помощью расколоть Малую Антанту. Для этого Германия поддерживала идеи сближения Югославии с Болгарией и Венгрией, а в качестве более отдаленной перспективы лелеяла надежды создать свой блок на Балканах из этих трех стран.

Попав в фокус совместного воздействия Германии и Италии, внешняя политика Югославии начала быстро эволюционировать в сторону сближения с фашистскими государствами и отходить от Франции, Малой Антанты и Балканского пакта. Определенное своеобразие новой югославской политике «равновесия» между Францией и «осью» придавала личность М. Стоядиновича, державшего в своих руках помимо поста премьер-министра также портфель министра иностранных дел.

Начиная со второй половины 1936 г. его влияние все больше и больше чувствовалось в руководстве внешней политикой Югославии. В некоторые периоды М. Стоядиновичу удавалось даже отодвинуть на второй план принца-регента Павла, хотя тот продолжал руководить внешней политикой страны.

Крупный денежный воротила, председатель белградской фондовой биржи, Стоядинович участвовал в многочисленных акционерных и банковских предприятиях и не останавливался перед тем, чтобы использовать свое официальное положение в личных интересах. Еще в 20-х годах, будучи министром финансов, он проявил себя крупным аферистом. Став премьер-министром, он продолжал проводить различные махинации. Так, в 1937 г. только в результате одной финансовой аферы он переложил в свой карман около 70 млн. динаров¹⁴⁵. Стоядинович отличался безудержным карьеризмом и, придя к власти, стал откровенно проявлять фюрерские наклонности. «Стоядинович — фашист, — писал в 1937 г. Чиапо, хорошо знавший его. — И если он не принадлежит открыто к партии, то он определенно является таковым по своим взглядам на власть, государство и жизнь»¹⁴⁶. Не лишенный ума и проницательности, он умел, когда ему было нужно,

¹⁴⁵ По курсу того времени — около 2 млн. долларов (см. «Афере др. М. Стоядиновича». Београд, 1940).

¹⁴⁶ G. C i a n o. Указ. соч., стр. 160.

производить благоприятное впечатление на людей. Будучи человеком беспринципным, он не брезговал никакими средствами для достижения своих целей. Пребывание такой личности у руля внешней политики Югославии безусловно устраивало фашистские государства и открывало им широкое поле для интриг.

В качестве первого шага к перемене курса внешней политики Югославии была использована идея ее сближения с Болгарией. Если в свое время эта идея выдвигалась Францией для укрепления Балканской Антанты, то в новой обстановке она получала совсем иной смысл.

Толчок, данный французской дипломатией идее болгаро-югославского сближения в самом начале 1936 г., не остался без последствий. Ряд шагов, предпринятых правительствами обоих государств, свидетельствовал об их желании улучшить свои взаимоотношения, хотя они преследовали при этом другие цели, чем это мыслилось французской дипломатии. В своих действиях оба правительства старались демонстративно подчеркнуть взаимное уважение. Так, в конце февраля 1936 г. в Софию после долгого периода отсутствия югославского посла прибыл вновь назначенный на эту должность М. Юришич. На вокзале его торжественно встречали представители премьер-министра и министра иностранных дел. Этот эпизод вызвал многочисленные толки в среде дипломатического корпуса в Софии, так как выходил за рамки обычного дипломатического протокола. Поскольку по болгарскому протоколу новых посланников при их первом прибытии в Софию официальные представители никогда не встречали, исключение из общего правила, сделанное для М. Юришича, было истолковано как доказательство происходящего сближения между Болгарией и Югославией. Об этом свидетельствовал также и выбор самого посла, который до назначения в Софию занимал пост товарища министра иностранных дел в Белграде.

В марте 1936 г. в Югославии вновь стали распространять болгарские газеты. Разрешение югославских властей относилось к двум газетам — «Мир» и «Утро». Это были первые болгарские газеты, которые появились в Югославии после мировой войны. О значительной нормализации отношений между двумя странами говорило также открытие болгаро-югославской границы, отсутствие погранич-

ных инцидентов и значительная свобода передвижения приграничного населения с той и другой стороны.

Болгарское правительство также принимало ряд мер, которые говорили о его желании если не смягчать, то во всяком случае не обострять отношений со своими соседями, в том числе с Югославией. К числу таких мер относилось, например, распоряжение министерства внутренних дел, изданное в конце февраля 1936 г., о роспуске центральных комитетов эмигрантских организаций фракийцев, добруджанцев и беженцев из присоединенных к Югославии после мировой войны областей¹⁴⁷. Помещения центральных комитетов всех трех организаций были опечатаны, а архивы переданы в дирекцию полиции. Впредь допускалось существование только местных отделений этих организаций, без связи между ними, как это было сделано ранее в отношении македонской организации. Деятельность этих организаций до того времени значительно осложняла отношения Болгарии с Югославией, Грецией и Румынией. Хотя роспуск их центральных комитетов произошел на основании закона о роспуске политических партий в стране, эта мера была расценена как относящаяся к области внешней политики и вызвала благоприятные отклики в соседних странах. Тем не менее было бы ошибкой рассматривать этот шаг болгарского правительства как отказ от стремлений к ревизии Нейиского договора. Он показывал только новую тактику болгарских правящих кругов и их более гибкий подход к постоянно изменявшимся отношениям между балканскими странами.

Начавшееся сближение между Болгарией и Югославией вызвало живой интерес со стороны великих держав. Они старались воздействовать в своих целях на происходившие сдвиги в болгаро-югославских отношениях. В это время значительно активизировалась балканская политика Англии. Ее интересы в этом районе Европы нередко представляли полуофициальные организации, тесно связанные с Форин офис. Направляя их деятельность, английская дипломатия достигала сразу двух результатов: добивалась нужного воздействия на политику отдельных стран и в то же время сама оставалась как бы в стороне. Именно такой характер носил визит в Софию президента лондон-

¹⁴⁷ АВП СССР, ф. 74, (обзор прессы), оп. 16, д. 4, п. 5, лл. 352—353.

ского Балканского комитета Э. Бойля в конце мая 1936 г.¹⁴⁸ Во время своего двухнедельного пребывания в Болгарии Э. Бойль имел многочисленные встречи с политическими деятелями различных направлений, с представителями македонских и болгарских эмигрантских организаций, с болгарским духовенством и т. д. Он был принят царем Борисом, который наградил его орденом Гражданской заслуги первой степени.

О характере и результатах визита Э. Бойля в Болгарию определенное представление дает его деятельность по возвращении в Англию. В июле 1936 г. он выступил в Лондоне на заседании общества Ближнего и Среднего Востока с речью о путях, которые могли привести к умиротворению Балканского полуострова. Судя по сообщениям прессы, центральное место в своем выступлении Бойль уделил Болгарии. Он горячо рекомендовал соседям Болгарии пойти ей на уступки, в том числе и территориального характера. Он предлагал, чтобы Румыния уступила ей Южную Добруджу, а Греция обеспечила бы Болгарии территориальный выход к Эгейскому морю. В отношении Югославии Бойль ограничился предложениями улучшить администрацию и уважать культурно-национальные права македонского населения. Соседям Болгарии нужно сказать, чтобы они не верили больше так слепо в неприкосновенность мирных договоров, говорил в своем выступлении Э. Бойль. Лучше сделать своевременно Болгарии нужные уступки, приобретя этой ценой ее искреннюю дружбу¹⁴⁹. Эти заявления были благоприятно встречены болгарской прессой и политическими кругами.

Сдержанность высказываний Э. Бойля по поводу болгаро-югославских отношений свидетельствовала, по нашему мнению, о желании английской дипломатии всячески способствовать сближению обеих стран и отводила болгарские требования в другую сторону.

Идею болгаро-югославского сближения поддерживала из других балканских стран только Турция, где стало заметно усиливаться английское влияние. Определенное отношение к деятельности английской дипломатии имел, видимо, также визит на Балканы английского короля

¹⁴⁸ АВП СССР, ф. 74. (обзор прессы), оп. 16, д. 4, п. 5, лл. 597, 612, 628.

¹⁴⁹ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 16, д. 5, п. 5, л. 118.

Эдуарда VIII, который в конце лета 1936 г. посетил Югославию, Грецию и Турцию. Подробными сведениями о его визите мы не располагаем. Имеющиеся же сведения дают основание считать, что английская дипломатия активно способствовала болгаро-югославскому сближению¹⁵⁰.

Другой страной, заинтересованной в болгаро-югославском сближении и способствовавшей ему, была гитлеровская Германия. Во время пребывания царя Бориса в Германии в конце августа — начале сентября 1936 г. Нейрат прямо советовал ему «продолжить свою политику дружеской ориентации на Югославию»¹⁵¹. Германия рассчитывала, что такое развитие событий усилит колебания во внешней политике Югославии и ускорит ее отход от союза с Францией. В изменившихся условиях конца 1936 г. идея болгаро-югославского сближения действительно стала бумерангом, бьющим по интересам Франции, первоначально выдвинувшей ее.

Непосредственная инициатива заключения болгаро-югославского пакта исходила со стороны Болгарии. После пребывания в Женеве в первой половине октября 1936 г. на сессии Лиги Наций болгарский премьер-министр и министр иностранных дел Киосеиванов 12 октября прибыл в Белград. Во время своего однодневного визита Киосеиванов сделал предложение о заключении двустороннего

¹⁵⁰ Болгарский исследователь П. Арсов полагает, что определенное воздействие со стороны английского правительства на болгарского царя Бориса было оказано во время его визита в Лондон осенью 1936 г. Здесь, как думает П. Арсов, Борису дали понять, что болгаро-югославский договор в той или иной форме со всеми его последствиями будет благоприятно встречен в Англии. «К такому выводу Арсов приходит на основании анализа позднейшей реакции английских правящих кругов на заключение болгаро-югославского пакта (П. Арсов. *Българо-югославският пакт от 1937 г.* — балкански Мюнхен. «Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс». София, 1961, кн. 1, стр. 351). Такое же впечатление сложилось и у австрийского посланника в Афинах Виммера. В своем донесении он писал, что хотя английская дипломатия и уклонилась от югославской попытки заручиться ее поддержкой, чтобы добиться греческого согласия на болгаро-югославский пакт, «все же фактически британское правительство поощряло югославо-болгарское сближение и делало принцу Павлу соответствующие намеки». Эти сведения, сообщал посол, получены им из «надежного источника» (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 27—30. Донесение австрийского посланника Виммера из Афин от 1 января 1937 г.).

¹⁵¹ А. Арсов. Указ. соч., стр. 343.

болгаро-югославского договора о дружбе, которое было принято югославским правительством ¹⁵².

План двустороннего болгаро-югославского соглашения затрагивал интерес всех стран, объединенных в Балканский пакт. Условия последнего требовали согласия всех его участников на заключение такого соглашения. Получить же их согласие оказалось весьма трудным делом и потребовало значительного напряжения сил со стороны югославской дипломатии. Первым ее шагом был визит М. Стоядиновича в конце октября 1936 г. в Турцию, которая поддерживала идею болгаро-югославского сближения. Переговоры Стоядиновича в Анкаре вызвали многочисленные слухи и газетные толки о позициях Турции и Югославии в балканских вопросах, о разногласиях среди членов Балканского пакта и т. п. Французская газета «Эвр» высказывала даже предположение, что югославский и турецкий премьеры склоняются к мысли о замене Балканского пакта новым соглашением между Югославией, Турцией и Болгарией ¹⁵³. Все это весьма красноречиво свидетельствовало об обстановке всеобщей неуверенности и подозрений, которая была характерна для международных отношений на Балканах в то время.

На обратном пути из Анкары М. Стоядинович остановился на один день в Болгарии. 3 ноября 1936 г. он был принят болгарским царем Борисом в Кричимском дворце близ Пловдива. В состоявшихся между ними переговорах приняли участие Киосеиванов и югославский посланник М. Юришич. Достоверных сведений об этих переговорах

¹⁵² Г. Киосеиванов так описывал реакцию югославских правящих кругов на его предложение: «По прибытии я говорил со Стоядиновичем, но он не одобрил меня. После этого я говорил с принцем Павлом, и во второй половине дня, когда я уже думал, что ничего не выйдет, Павел поговорил наедине со Стоядиновичем и затем скавал мне, что они согласны» (А. П. Арсов. Указ. соч., стр. 353). П. Арсов справедливо отмечает, что первоначальная позиция Стоядиновича не означала, что он был против такого предложения; впоследствии именно он энергично добивался заключения болгаро-югославского пакта. Однако попытка П. Арсова объяснить его первоначальную реакцию «чисто дипломатическими причинами» (см. П. Арсов. Указ. соч., стр. 343—344) вряд ли можно признать правильной. По нашему мнению, она скорее отражала соотношение сил в правящих кругах Югославии в то время и лишь подчеркивала то обстоятельство, что в области внешней политики руководящим лицом являлся принц Павел.

¹⁵³ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 16, д. 6, п. 5, лл. 216—217.

нет. В дипломатических кругах в Софии утверждали, что одним из обсуждавшихся вопросов было выяснение возможности присоединения Болгарии к Балканскому пакту, что приветствовалось бы как Югославией, так и Турцией. Однако позиция болгарского правительства в этом вопросе была постоянно отрицательной. Характерно, что, говоря о несогласии болгарской стороны на вступление в Балканский пакт, Киосеиванов якобы мотивировал это внутренней оппозицией, которую встретил бы в стране такой шаг правительства. Что касается непосредственно болгаро-югославских отношений, то здесь, вероятно, был достигнут значительный прогресс. Во всяком случае в заявлении представителям печати перед отъездом из Кричимского дворца Стоядинович говорил, что отношения двух стран «развиваются при отличных условиях. Никогда еще они не были такими добрыми и дружественными, как теперь»¹⁵⁴.

Начавшиеся переговоры с Болгарией вызвали большую тревогу среди союзников Югославии. Об этом свидетельствовала, в частности, беседа Стоядиновича с посланниками стран Балканского пакта на софийском вокзале, где он задержался по пути из Пловдива в Белград. Во время этой беседы греческий посланник задал Стоядиновичу вопрос, что нужно думать о слухах и сообщениях относительно проектируемого якобы соглашения между Югославией, Турцией и Болгарией. На это Стоядинович ответил жестом, который означал, что подобные сообщения — всего лишь «газетные утки». Этот эпизод говорил не столько о наивности греческого посланника, сколько о той обстановке строгой секретности, в которой проходили переговоры. Даже союзники Югославии знали о них больше из газет, чем из предоставляемой им югославским правительством информации. Такая обстановка порождала у них подозрения, как бы их собственные интересы не стали объектом болгаро-югославского соглашения. Эти настроения тревоги и неуверенности были особенно сильны среди правящих кругов Румынии и Греции, у которых были серьезные противоречия с Болгарией по территориальным вопросам¹⁵⁵.

¹⁵⁴ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 16, д. 6, п. 5, лл. 227—228.

¹⁵⁵ О дипломатической подготовке пакта и его влиянии на отношения между странами Балканской Антанты см.: Z. A v g a -

Чтобы успокоить своих союзников, Югославия приняла ряд дипломатических маневров. Она заверяла их, что болгаро-югославский договор должен явиться первым из серии договоров Болгарии с другими государствами Балканского пакта. Если Болгария не хочет прямо вступить в пакт, то пусть она будет связана с ним косвенно таким путем.

Характерно, что сама Болгария из тактических соображений поддерживала эти заявления. Она старалась также подкрепить их некоторыми внутриполитическими мероприятиями. Так, болгарское правительство запретило проведение всякого рода митингов и манифестаций протеста в связи с годовщиной подписания Нейиского договора, которые ежегодно проводились 27 ноября. Правда, такие манифестации все же состоялись. В них приняла участие главным образом студенческая и школьная молодежь. Борьбу против Нейиского договора вели в Болгарии не только националистические элементы, но и левые организации, которые связывали борьбу против его несправедливых положений с борьбой за сохранение мира и мирных отношений с соседями. Переплетение разнообразных идеологических течений придавало борьбе против Нейиского договора сложный характер. Манифестации и митинги протеста 27 ноября 1936 г. проходили под преобладающим влиянием левых молодежных организаций. В выпущенной накануне национальным студенческим союзом листовке отсутствовали, например, требования территориальной ревизии. Листовка требовала освобождения страны от финансового контроля и подчеркивала необходимость мирной ревизии договора. Она заканчивалась словами: «Через мир и соглашение между всеми народами к свободной, независимой и благоденствующей Болгарии!».

Под руководством Национального студенческого союза 27 ноября 1936 г. студенчество провело забастовку. Накануне этой годовщины на факультетах Софийского университета прошли массовые сходки. В Софии в этот день состоялось несколько демонстраций. Полиция разгоняла их, было арестовано свыше 100 человек учащихся. Гораздо более терпимо отнеслась полиция к фашистским и националистическим элементам. Им была предоставлена

mo v s k i. Uticaj jugoslovensko-bugarskog pakta od 24. Januara 1937. godine na odnose između članica Balkanskog sporazuma. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, N 2, str. 3—20.

возможность беспрепятственно выступать с речами с балкона Офицерского собрания и требовать разрыва Нейтского договора и присоединения к Болгарии Фракии, Добруджи и других земель.

Обо всех этих демонстрациях и митингах болгарские власти запретили даже упоминать в газетах¹⁵⁶.

В конце декабря 1936 г. в Румынию выехал М. Стоядинович. Ему предстояла трудная задача убедить румынские правящие круги в том, что болгаро-югославское сближение не затронет их интересов. В результате сложных дипломатических интриг Стоядиновичу удалось добиться согласия Румынии на заключение договора о дружбе между Болгарией и Югославией. Как отмечал болгарский посланник в Бухаресте в своем отчете в Софию, румынское правительство дало свое согласие «совсем неохотно и с большими колебаниями»¹⁵⁷. Для получения согласия Греции была использована помощь турецкой дипломатии: почти одновременно с визитом Стоядиновича в Румынию турецкий министр иностранных дел Р. Арас нанес визит в Афины, который увенчался подобными же результатами¹⁵⁸.

Таким образом, Югославии потребовалось более двух месяцев, чтобы добиться от своих союзников формального согласия на заключение договора с Болгарией.

Колеблющаяся, неопределенная позиция как Румынии, так и Греции заставляла торопиться Болгарию и Югославию с заключением договора. 31 декабря 1936 г., сразу же после получения согласия своих союзников, Югославия опубликовала официальное сообщение о предложении Болгарии относительно заключения пакта о дружбе. После консультации со своими союзниками, гласило сообщение, Югославия ответила болгарскому правительству, что «принимает сделанное предложение с величайшим удовлетворением». В Болгарии о предстоящем подписании

¹⁵⁶ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 16, д. 6, п. 5, л. 273, 305—306.

¹⁵⁷ П. А р с о в. Указ. соч., стр. 357.

¹⁵⁸ Сообщая об этом визите, австрийский посланник в Афинах Виммер писал, что югославы искусно использовали при этом тщеславие Рюшти Араса. «Несмотря на все отрицания, — писал Виммер, — югославо-болгарский пакт произвел на греческое правительство впечатление разорвавшейся бомбы» (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 27—30 (донесение Виммера от 1 января 1937 г.).

пакта было объявлено 1 января 1937 г. в новогодней речи Киосеиванова по радио ¹⁵⁹. Предстоящее заключение болгаро-югославского пакта о дружбе было, наконец, после нескольких месяцев секретных переговоров доведено до сведения общественности обеих стран.

Дальнейшие события развивались в ускоренном темпе. 23 января 1937 г. болгарский премьер-министр и министр иностранных дел Г. Киосеиванов прибыл в Белград. Югославские власти устроили ему торжественную встречу. При участии «патриотических» организаций власти старались придать этой встрече характер всенародной манифестации. По распоряжению правительства, в Белграде были отпущены с работы все государственные и общинные служащие, все магазины и частные мастерские закрыты на два часа. Таким путем удалось собрать перед вокзалом многотысячную толпу для оваций Киосеиванову. На улицах были выстроены шпалеры. На вокзале болгарского премьера встречали все члены югославского правительства, представители двора, церкви, высшие государственные служащие, дипломатический корпус и представители «общественности». Программа пребывания Киосеиванова в Югославии включала поклонение у гроба короля Александра, посещение памятника Неизвестному солдату на горе Авала, ряд приемов и банкетов, аудиенцию и обед у принца-регента Павла. Короче говоря, официальный Белград сделал все, что было в его силах, чтобы придать визиту Киосеиванова самый торжественный и помпезный характер.

24 января 1937 г. в Белграде между Болгарией и Югославией был подписан «Пакт о вечной дружбе». По лаконичности содержания этот пакт установил своеобразный рекорд в истории дипломатии. Единственная его статья, несшая смысловую нагрузку, гласила, что между Болгарией и Югославией «будет существовать нерушимый мир и искренняя и вечная дружба». Краткость содержания пакта вызвала оторопь у дипломатических наблюдателей, не посвященных в детали болгаро-югославских переговоров. Отсутствие в тексте пакта каких-либо условий и договорных начал породили у союзников Югославии подозрения насчет существования секретных дополнений к нему. В кругах широкой общественности обеих стран деклара-

¹⁵⁹ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 16, д. 9, п. 7, л. 25.

тивный характер пакта вызывал даже вопрос о серьезности и продуманности этого дипломатического шага.

Что же на деле представлял собой этот «договор о вечной дружбе», вызвавший недоумения у одних, подозрения у других и шумное одобрение у трегьих?

За краткостью текста скрывался весьма широкий смысл, который вкладывала в пакт каждая из подписавших его сторон. Югославские правящие круги восприняли его как отказ Болгарии от всех ее территориальных претензий к Югославии¹⁶⁰.

Не меньшее значение пакт имел для Югославии и как средство обеспечения болгарского нейтралитета в случае конфликта с Италией, к которой в Белграде продолжали относиться с опаской. Поэтому в глазах югославской правящей верхушки и военных кругов дружественные отношения с Болгарией имели не меньшую ценность, чем Балканский пакт, ослабленный в результате недавних греческих требований. Эти настроения подогревались также существовавшими в югославских шовинистических кругах надеждами получить выход к Эгейскому морю. В этом случае Югославии потребовался бы союзник на Балканах, а им могла оказаться только Болгария. В Белграде хорошо знали о желании болгарских правящих кругов также получить выход в Эгейское море и учитывали эти настроения. Эти вопросы были особо обсуждены при подписании болгаро-югославского пакта. Обе стороны как бы заранее делили шкуру с убитого медведя и сошлись на формуле: Салоники — Югославии, Дедеагач — Болгарии¹⁶¹. В свете этих фактов, ставших известными только в сравнительно недавнее время, особенно лицемерными представляются заверения Стоядиновича и Киосеянова, что болгаро-югославский пакт является «вкладом в дело общевосточного мира».

Не менее, если не более важными при заключении пакта были для Югославии соображения общеполитического порядка. Они были более расплывчаты и не так просто поддавались четкому определению, как другие расчеты.

¹⁶⁰ П. А р с о в. Указ. соч., стр. 329, 345.

¹⁶¹ Z. A v g a s t o v s k i. Sukob interesa..., str. 107. Позднее, во время свидания со Стоядиновичем в Нишка Баня в октябре 1938 г., Киосеянов говорил, что «только дружба Болгарии с Югославией может гарантировать известные исправления болгарских границ (Добруджа и Эгейское море)».

Их суть сводилась к тому, что пакт с Болгарией должен был облегчить поворот во внешней политике Югославии и ее отход от союза с Францией и Малой Антантой. Сложность этих расчетов заключалась в том, что для югославской дипломатии было затруднительно найти предлог для решительного отклонения предложений Франции об укреплении ее политического союза со странами Малой Антанты. Одним из французских аргументов было указание на необходимость укрепить национальную безопасность стран Малой Антанты. Заключение болгаро-югославского пакта помогало парировать именно этот аргумент и выбивало его из арсенала защитников линии на сближение с Францией внутри самой Югославии. Поэтому пакт с Болгарией являлся для югославской дипломатии определенной альтернативой политике укрепления Малой Антанты, щитом, ограждавшим ее от нажима Франции, ширмой, за которой происходило изменение всей внешней политики страны. Пакт с Болгарией способствовал эмансипации югославской внешней политики от Франции и Малой Антанты. В этом коренилось его основное антифранцузское острие, которое, однако, не сразу бросалось в глаза. Болгаро-югославский пакт был направлен также против политики коллективной безопасности. С международноправовой точки зрения он следовал практике заключения двусторонних соглашений, которую усиленно пропагандировала гитлеровская Германия.

Для Болгарии заключение пакта с Югославией также диктовалось рядом соображений¹⁶². Он явился делом рук той части болгарской реваншистской буржуазии, которая поняла невозможность осуществления «национальных идеалов» сразу во всех направлениях и против всех соседей. Эта разновидность болгарского реваншизма считала полезным и нужным соглашение с самым сильным из своих соседей — с Югославией, чтобы открыть себе дорогу для экспансии против других соседей, в основном в направлении Эгейского моря. Заключение болгаро-югославского Пакта о вечной дружбе означало, таким образом, пере-

¹⁶² Мы не согласны с П. Арсовым, который утверждает, что болгарское правительство и буржуазия были меньше всех заинтересованы в болгаро-югославском пакте. «С болгарской стороны,— пишет он,— пакт был фактически «жертвой» на алтарь германского фашизма» (П. А р с о в. Указ. соч., стр. 345). Такая оценка является, по нашему мнению, крайне упрощенной.

смотр внешнеполитической тактики Болгарии. В обмен на отказ, пусть даже неискренний и временный, от всех претензий к Югославии Болгария могла отныне рассчитывать на ее нейтралитет и даже поддержку в случае конфликта с одной из стран — участниц Балканского пакта. Тем самым Болгария открывала себе возможность для ревизии Нейского договора, в первую очередь за счет Греции и Румынии. В отношении Греции она достигла даже, как мы видели выше, определенного соглашения с Югославией.

Пакт с Югославией разрывал кольцо враждебных государств вокруг Болгарии и в значительной степени притуплял антиболгарское острие Балканского пакта. Улучшая военно-стратегическое положение страны, пакт создавал также реальные предпосылки для начала перевооружения болгарской армии. Раньше Болгария была лишена возможности ввозить оружие из-за границы. Теперь, при заключении пакта, она достигла устной договоренности с Югославией, что последняя не будет препятствовать транзиту через ее территорию оружия, закупленного Болгарией в Германии ¹⁶³. Практическое значение этого соглашения было очень велико. Оно означало также косвенное признание Югославией болгарских вооружений и ее молчаливый отказ от поддержки тех статей Нейского договора, которые запрещали подобные действия.

«Пакт заключен со Стоядиновичем, а не с Сербией», — говорил Г. Киосеянов ¹⁶⁴ в минуту откровенности, подчеркивая верхушечный, династический характер сближения обеих стран. Именно в таком сближении были заинтересованы болгарские и югославские правители. Эти круги использовали в своих интересах широко распространенные в народных массах Югославии и Болгарии стремления к взаимному сближению и пытались нажить себе на этом политический капитал. Восторженные статьи в течение ряда недель не сходили со страниц югославских газет. Правительство М. Стоядиновича пыталось представить себя поборником идеи дружбы двух славянских народов. Оппозиционные же круги в Югославии встретили заключение договора довольно сдержанно. Аналогичным было положение и в Болгарии.

¹⁶³ П. А р с о в. Указ. соч., стр. 345.

¹⁶⁴ Там же.

В феврале 1937 г. со специальной декларацией о договоре выступили центральные комитеты компартий Югославии и Болгарии. Рабочий класс обеих стран, отмечалось в ней, всегда стремился к дружбе и сотрудничеству всех балканских народов. Декларация выражала законное сомнение в том, что реакционные правительства в Белграде и Софии на деле будут проводить искреннюю политику мирного сотрудничества на Балканах. «Заклученный правительствами пакт может быть инструментом мира, если им не преследуются замаскированные цели против других народов, если правительства честно стремятся к достижению общего соглашения всех балканских народов, опирающихся на сотрудничество государств, которые совместно с СССР ведут политику сохранения международного мира на основе коллективной безопасности. Но пакт может стать инструментом войны и реакции, если правительства будут помогать фашистским поджигателям войны во главе с Гитлером»¹⁶⁶. История подтвердила правильность высказанных компартиями опасений. Дальнейшее развитие событий показало, что в конечном итоге болгаро-югославский Пакт о вечной дружбе был направлен против мирного сотрудничества и коллективной безопасности на Балканах.

О значении болгаро-югославского пакта для международных отношений на Балканах свидетельствовала реакция союзников Югославии. Вопрос о пакте явился предметом серьезного обсуждения на сессии Совета Балканской Антанты в середине февраля 1937 г. в Афинах. Заключение этого пакта греческие политические круги рассматривали как провал политики правительства Метаксаса. В Румынии также усилились нервозность и тревога. Все же Стоядиновичу, пустившему в ход всевозможные обещания и посулы и опиравшемуся на поддержку Турции, удалось успокоить участников Балканской Антанты. Чтобы получить их официальное одобрение, Стоядинович секретно дал письменное обязательство, что в случае нападения Болгарии на одну из стран Балканского пакта обязательства Югославии по Балканскому пакту получают преимущественное значение по сравнению с обязательствами, вытекающими из болгаро-югославского Пакта о вечной дружбе¹⁶⁸. Но даже несмотря на все эти заверения, вряд

¹⁶⁶ «История Болгарии», т. II. М., 1955, стр. 226.

¹⁶⁸ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 17, д. 9, п. 7, л. 165.

ли кто из участников сессии разделял мнение, что этот договор представляет собой ценный вклад в дело достижения дружественных отношений между балканскими народами, как о том говорилось в заключительном коммюнике ¹⁶⁷.

Болгаро-югославский пакт затрагивал не только Балканскую Антанту. Ставя под сомнение югославо-румынские отношения, он порождал новые противоречия и среди государств Малой Антанты. Таким образом, его заключение подрывало всю систему безопасности в Юго-Восточной Европе, что было на руку гитлеровской Германии и фашистской Италии. После заключения болгаро-югославского договора Балканский пакт сохранил свое значение в весьма ограниченном виде. Практически он значил не более чем своего рода коллективный договор о ненападении.

Болгаро-югославский пакт был конкретным доказательством глубоких изменений, происшедших во внешней политике Югославии. Некоторые стороны нового направления югославской политики проявились в выступлении М. Стоядиновича в скупщине 4 февраля 1937 г. В своей речи по внешнеполитическим вопросам премьер-министр Югославии совершенно не упомянул о Франции, что, конечно, не было случайным. Заявление Стоядиновича о верности старым союзам на фоне его восхвалений болгаро-югославского договора выглядело неубедительно. Но наибольший интерес представляла трактовка вопроса о взаимоотношениях с Англией и Италией. За последние два года, отмечал Стоядинович под аплодисменты депутатов, наряду со старыми связями «мы приобрели и дружбу Великобритании. Наши отношения с этим королевством никогда не были так хороши и сердечны, как теперь» ¹⁶⁸. Особенно высокую оценку получило в его речи англо-итальянское соглашение о сохранении статус-кво на Средиземном море, подписанное в Риме 2 января 1937 г. Стоядинович приветствовал это соглашение как фактор мира в Европе. «Югославское правительство, — подчеркнул он, — получило официальное извещение о том, что это соглашение о границах охватывает и Югославию. Две

¹⁶⁷ Z. A v r a m o v s k i. Uticaj jugoslovensko-bugarskog pakta..., str. 17.

¹⁶⁸ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 17, д. 9, п. 7, лл. 121—123.

великие державы гарантируют нам, таким образом, наши границы на Адриатическом море»¹⁶⁹. Тем самым Стоядинович связывал с этим соглашением дальнейшую судьбу итало-югославских отношений. Он отметил, что еще в речи, произнесенной в Милане, Муссолини протянул Югославии руку дружбы. «Мы будем ждать, — сказал М. Стоядинович, — чтобы за этими словами последовали дела»¹⁷⁰.

Последовавшие вскоре дела оказались вторым крупным шагом Югославии по пути пересмотра внешней политики. Они нашли свое конкретное воплощение в сближении с фашистской Италией.

**Итало-югославский договор
о нейтралитете [25 марта 1937 г.] и его значение.
Подрыв Малой Антанты.
Визит Фон Нейрата в Белград**

Итало-германское «сотрудничество» на Балканах за личиной показного единства партнеров по оси скрывало их глубокие противоречия. Они проявлялись как в политических, так и в экономических вопросах. Недаром австрийский посланник в Риме с некоторым удивлением доносил в Вену в конце ноября 1936 г., что у него создалось впечатление, будто он затронул больной вопрос, когда заметил в беседе с генеральным директором итальянского МИД Бути, что, как ему кажется, Рим и Берлин хотят превратить Дунайский бассейн в объект торга¹⁷¹. Каждая из сторон стремилась укрепить свое политическое и экономическое влияние в этой части Европы в противовес своему союзнику. Даже в тех вопросах, по которым они сходились во мнении и предпринимали совместные действия, они преследовали свои особые цели. К числу таких вопросов относился вопрос о сближении с Югославией.

Предпринятые итальянской и немецкой дипломатией шаги показывали согласованность их действий. После речи Муссолини в Милане 1 ноября 1936 г. немецкий посланник в Белграде рекомендовал югославскому правительству не отвергать итальянских предложений и заверял, что Германия верит в их искренность. Он довел до сведения

¹⁶⁹ Там же, см. также АВП СССР, ф. 144, оп. 1, л. 42, п. 1, л. 14.

¹⁷⁰ Там же, ф. 74 (обзор прессы), оп. 17, д. 9, п. 7, лл. 121—123.

¹⁷¹ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, л. 275 (донесение австрийского посланника в Риме Бергера от 23 ноября 1936 г.).

Стоядиновича намерения Чиапо улучшить отношения Италии с Югославией¹⁷². Для югославского правительства было ясно, что урегулирование югославо-итальянских отношений хотят как Италия, так и Германия.

Первые контакты по дипломатическим каналам между Италией и Югославией были установлены еще в декабре 1936 г.¹⁷³ Переговоры о заключении соглашения и урегулировании всех спорных вопросов начались в конце февраля 1937 г. Для ведения их в Рим был послан югославский представитель И. Субботич, пользовавшийся доверием принца-регента Павла и М. Стоядиновича. Ход и характер переговоров держались в строгой тайне. Франции югославское правительство сообщило лишь о желании Италии ликвидировать свои противоречия с Югославией¹⁷⁴, а позднее — о начале переговоров. Еще меньше знали о них другие страны Малой Антанты — Чехословакия и Румыния. Они полагали, что в ходе переговоров между Италией и Югославией обсуждаются только торговые дела, и не верили в возможность достижения политического соглашения между ними¹⁷⁵. Их неосведомленность и заблуждения сознательно поддерживались югославской дипломатией, боявшейся помех со стороны Франции и Малой Антанты.

Единственным государством, находившимся в курсе проходивших переговоров, была гитлеровская Германия. «Пусть вам будет известно, что мы не стояли в стороне от этого развития», — писал фон Нейрат германскому посланнику в Софии в конце марта 1937 г., т. е. уже после завершения переговоров¹⁷⁶. Судя по позднейшей реакции, известную информацию о югославо-итальянских переговорах получала также Англия. В целом же переговоры проходили в обстановке большой секретности.

За долгие годы напряженных отношений между Югославией и Италией накопилось большое количество сложных нерешенных проблем. К числу наиболее важных от-

¹⁷² J. B. H o p t n e r. Указ. соч., стр. 62.

¹⁷³ G. C i a n o. Указ. соч., стр. 114—115.

¹⁷⁴ J. B. H o p t n e r. Указ. соч., стр. 58.

¹⁷⁵ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 290—291 (донесение австрийского посланника в Риме Бергера от 25 марта 1937 г.).

¹⁷⁶ ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 42, негатив 7, позитив 2, кадры 89—91 (письмо Нейрата немецкому посланнику в Софии Рюмелину от 31 марта 1937 г.).

носились такие вопросы, как поддержка Италией усташских террористов, угнетенное положение славянских меньшинств в Италии, итало-югославские противоречия в Албании. Вместе с вопросами о заключении политического и экономического соглашений они явились объектом подробного обсуждения при переговорах в Риме.

Поддержка Италией усташских террористов задевала самые чувствительные струны Югославии. Югославская сторона подчеркивала в ходе переговоров, что база для новых, дружественных отношений с Италией может быть создана лишь в том случае, если в будущем не будет существовать даже малейшей неуверенности относительно прекращения Италией всякой поддержки усташей. И весь мир должен знать, что с этим покончено, настаивал И. Субботич в беседе с Чиано. Итальянская сторона соглашалась в принципе с югославскими доводами, но ставила вопрос в зависимость от достижения общего политического соглашения с Югославией. Тогда это будет делом, с которым можно будет покончить «несколькими распоряжениями, отданными по телефону», говорил Чиано¹⁷⁷. Однако Италия отказывалась выдать усташских лидеров и сообщить полный список усташей, скрывавшихся на ее территории.

Тем не менее в ходе переговоров Италия пошла на значительные уступки Югославии. Их договоренность была закреплена секретной итальянской нотой, врученной И. Субботичу 11 марта 1937 г. Независимо от результатов нынешних переговоров, говорилось в ноте, в Италии запрещается и не будет допускаться в будущем «существование любых организаций, а также деятельность отдельных лиц, направленная против территориальной целостности и общественного порядка югославского государства». Италия брала обязательство интернировать Павелича, Кватерника и других лидеров усташей. Часть усташей должна быть отправлена в колонии небольшими группами или поодиночке, а сведения о них переданы югославской полиции. Италия должна была сообщить Югославии имена

¹⁷⁷ J. B. Porter. Указ. соч., стр. 67. В книге Гоптнера помещены многочисленные отрывки из донесений Субботича и некоторых других документов о переговорах с Италией. При дальнейшем изложении хода переговоров автор опирался на эти данные, являющиеся первоисточником и нигде больше не публиковавшиеся.

тех лиц, которые пожелают возвратиться в страну. В связи с этим югославская полиция должна была направить офицера для установления связей с итальянской полицией¹⁷⁸. Текст этой ноты должен был храниться в тайне. Было решено, однако, что при подписании итало-югославского договора, в котором достигнутое соглашение фиксировалось в статье 4, итальянская сторона сделает подобное заявление в вербальной форме¹⁷⁹.

При обсуждении вопроса о положении словенского и хорватского нацменьшинств в Италии Югославия стремилась к тому, чтобы им были предоставлены права, данные немецкому меньшинству в Южном Тироле. В инструкции И. Субботичу по этому вопросу М. Стоядинович подчеркивал необходимость иметь в виду «крайнюю чувствительность фашистского режима в Италии ко внутренним вопросам». В то же время он указывал, что достижение соглашения о национальных меньшинствах явится наглядным доказательством улучшения отношений между двумя странами. Стоядинович вынужден был уделять большое внимание этому вопросу из-за позиции А. Корошеца, влиятельного члена его кабинета, который проявлял особый интерес к положению словенского нацменьшинства в Юлийской Крайне. В ходе переговоров Италия согласилась пойти на некоторые уступки югославянским нацменьшинствам в деле преподавания на родном языке, печатания книг и газет, совершения богослужения, а также предоставления амнистии ряду лиц. Договоренность по этому вопросу не вошла в текст политического соглашения между Италией и Югославией. Она была зафиксирована в форме личного письма Чиано к Стоядиновичу, в котором сообщалось о соответствующих решениях итальянского правительства¹⁸⁰. В то же время итальянцы недвусмысленно давали понять, что применение этих решений

¹⁷⁸ Полный текст итальянской ноты см.: J. B. Hoptner. Указ. соч., стр. 73.

¹⁷⁹ В целом Италия выполнила это соглашение. Однако основа усташской организации сохранилась. Сами усташки позднее называли период, последовавший за заключением итало-югославского соглашения, временем «великого молчания». Усташская организация вновь ожила, когда итало-югославские отношения стали портиться в начале второй мировой войны. Позднее фашистские государства использовали усташей как орудие для внутреннего раскола Югославии.

¹⁸⁰ J. B. Hoptner. Указ. соч., стр. 76.

на практике будет зависеть от состояния политических отношений между двумя странами.

Большие споры вызвало обсуждение вопросов, связанных с итало-югославскими противоречиями в Албании. Италия не собиралась идти здесь ни на какие уступки и рассматривала свои позиции в Албании как неприкосновенные. В ходе переговоров обе стороны высказали намерения уважать целостность и независимость Албании, что звучало как насмешка, если учесть ее полуколонияльную зависимость от Италии. Фактически речь шла о признании Югославией итальянских позиций в Албании¹⁸¹. Ничего не изменив в существовавшем положении, обе стороны записали в секретном протоколе, что в своей будущей политике в отношении Албании они не будут стремиться приобрести никаких особых преимуществ политического или экономического характера, которые могли бы прямо или косвенно создать угрозу независимости Албании. В случае же возникновения такой угрозы они совместно изучат создавшееся положение¹⁸².

Ряд трудностей в ходе переговоров возник в связи с подготовкой текста политического соглашения между Югославией и Италией. Попытки Италии придать ему характер союза двух государств были отклонены Югославией¹⁸³. В то же время Италией не был принят югославский проект соглашения, который Чиано охарактеризовал как «тощий» и «бледный». Со своей стороны Югославия возражала против итальянского проекта, который откровенно стремился изолировать ее от Франции и Малой Антанты. Первоначально Италия предлагала включить в проект обязательство сторон «не вступать ни в какие

¹⁸¹ Z. Avramovski. Problem Albanije u jugoslovensko-italijanskom sporazumu od 25.III 1937 god. «Historijski pregled», god. IX. Zagreb, 1963, N 1, str. 19—31.

¹⁸² J. B. Hoptner. Указ. соч., стр. 80.

¹⁸³ Летом 1937 г. в беседе с Нейратом Стоядинович прямо упоминал о таких попытках Италии. Сейчас, говорил он, «Рим отрицает, что Италия пыталась заключить союз с Югославией. У него в руках есть, однако, письменное доказательство и в свое время он отклонил такое связывающее предложение» (ИДА, микрофильм документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 141—146. Запись беседы Нейрата со Стоядиновичем 7 июля 1937 г.). О намерении Италии заключить с Югославией оборонительный военный союз говорил в начале апреля 1937 г. югославский посланник в Париже Б. Пурич в беседе с американским поверенным в делах Вильсоном (FRUS, 1937, vol. I, p. 71).

соглашения с третьими странами, которые могли бы быть направлены против безопасности одной из них»¹⁸⁴. Так далеко Югославия, однако, не собиралась заходить. По настоянию Югославии в договор после долгих препирательств было включено положение, гласившее, что итало-югославский договор не должен рассматриваться как противоречащий существующим международным обязательствам двух сторон (ст. 6).

Италия стремилась придать соглашению с Югославией сугубо двусторонний характер. Она решительно возражала против включения в преамбулу соглашения даже упоминание о Лиге Наций. Не соглашалась она и с упоминанием пакта Келлога, ибо не собиралась отказываться от войны как средства своей политики. В конечном итоге Италии удалось настоять на своей точке зрения и исключить из соглашения ссылки на многосторонние договоры и международные организации. Все же и здесь она должна была пойти на известный компромисс и дать согласие на то, чтобы Стоядинович упомянул пакт Келлога и другие международные договоры в речи при подписании итало-югославского соглашения.

Переговоры между Югославией и Италией закончились 22 марта 1937 г. Большую роль в успехе переговоров сыграла довольно уступчивая позиция Италии. Ее стремление побыстрее заключить соглашение и готовность идти на уступки вызывали удивление югославского представителя И. Субботича. Итальянская поспешность имела ряд причин. Одной из них было желание Италии, а также Германии прийти к соглашению с Югославией до сессии Постоянного совета Малой Антанты, которая должна была дать окончательный ответ на предложение Франции об оборонительном союзе против всех случаев агрессии. Страны оси не без основания полагали, что соглашение Италии с Югославией предопределил позицию последней в этом вопросе и окончательно похоронит французское предложение. Обе стороны отлично понимали друг друга. Еще в начале марта Стоядинович просил Субботича сообщить Чиано, что сессия Малой Антанты откроется в Белграде 1 апреля, а визит Бенеша в Югославию начнется 5 апреля 1937 г. Подняв в связи с этим вопрос о желаемых сроках окончания переговоров и прибытия Чиано в Белград для

¹⁸⁴ J. B. H o p t n e r. Указ. соч., р. 70.

подписания итало-югославского соглашения, Стоядинович давал Субботичу такую инструкцию: «Не делайте никаких конкретных предложений... сообщите факты и предоставьте итальянцам самим выбрать дату»¹⁸⁵. Югославский намек был понят. Сразу же по завершении переговоров Чиано сообщил Стоядиновичу, что прибудет в Белград 25 марта 1937 г.

Югославское правительство держало переговоры с Италией в секрете не только от общественности своей страны, но и от своих союзников, снабжая их скудной и сбивающей с толку информацией¹⁸⁶. Число лиц, посвященных в ход переговоров, было очень невелико. Поэтому приезд в Белград министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано для подписания договора с Югославией носил характер дипломатической сенсации.

Сближение с Италией, особенно быстрота, с которой происходила перемена в отношениях с ней, вызывали большое недоверие в Югославии. Дело, конечно, заключалось не в том, что визиту Чиано не предшествовала обычная в таких случаях подготовка почвы и обработка общественного мнения прессой, как это пытались объяснить некоторые наблюдатели. «Массы не могут еще осознать во вчерашнем враге хорошего соседа, а может быть и друга», — писал, например, австрийский поверенный в делах в Белграде¹⁸⁷.

Причины недоверия коренились гораздо глубже. Значительная часть буржуазных кругов Югославии скептически смотрела на сближение с Италией. Характерно, что недоверие к Италии было одинаково распространено как в Сербии, так и в Хорватии и в Словении, причем в последних оно было особенно сильным. Даже в самом правительстве не было полного единства по этому вопросу. Иностранным наблюдателям, например, бросилось в глаза

¹⁸⁵ J. B. N o r t n e r. Указ. соч., стр. 69.

¹⁸⁶ Так, всего лишь за неделю до окончания переговоров югославское правительство таким образом информировало Францию о их ходе, что в Париже сложилось впечатление, что в переговорах не произошло никакого прогресса. Поэтому, как сообщал из Парижа американский поверенный в делах Вильсон 24 марта 1937 г., известие о визите Чиано в Белград явилось неожиданным для французского правительства (FRUS, 1937, vol. I, p. 259—260).

¹⁸⁷ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 99—104 (донесение австрийского поверенного в делах Люрца от 1 апреля 1937 г. о визите Чиано в Белград).

то обстоятельство, что лидер словенских клерикалов А. Корошек, занимавший пост министра внутренних дел, как раз во время визита Чиано взял кратковременный отпуск и постарался остаться в стороне от всех торжеств, связанных с визитом итальянского министра в Белграде¹⁸⁸.

Гораздо более широким и массовым было недовольство сближением с фашистской Италией по причинам социально-политическим. Оно охватывало значительные слои прогрессивной интеллигенции и трудящихся масс. Большую активность проявили в эти дни югославские коммунисты, указывавшие на антинародный характер внешней политики монархо-фашистского правительства. Под их руководством во время пребывания Чиано в Белграде и в течение двух дней после его отъезда, несмотря на строгие меры столичной полиции, неоднократно возникали демонстрации. Они состоялись, в частности, перед зданием рабочей камеры, около университета и на улице Кнеза Михаила¹⁸⁹. Однако полиция быстро их разгоняла.

25 марта 1937 г. в Белграде между Италией и Югославией были подписаны «Политическое соглашение», вошедшее в историю дипломатии как договор о нейтралитете, и дополнительное соглашение о торговле и мореплавании. Итало-югославский договор¹⁹⁰ охватывал широкий круг вопросов, интересовавших обе стороны. Он предусматривал взаимное уважение границ обоих государств и сохранение нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой, причем в случае неспровоцированной агрессии другая сторона обязалась воздерживаться от любых действий, могущих оказаться полезными для агрессора (ст. 1). Во взаимных отношениях обе стороны провозглашали отказ от войны как орудия национальной политики и применение мирных средств для разрешения могущих возникнуть разногласий (ст. 3). Обе стороны обязались не допускать на своей территории и не помогать никаким другим путем деятельности, направленной против территориальной целостности и существующего порядка одной из подписавших соглашение сторон, а также не допускать деятельности, могущей нанести ущерб дружественным отношениям двух стран (ст. 4). Договор заклю-

¹⁸⁸ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 99—104.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Текст договора см.: «Documents on International Affairs, 1937». London, 1939, p. 302—303.

чался сроком на 5 лет и подлежал ратификации. Одна из статей договора предусматривала возможность политической консультации обоих государств в случае международных осложнений (ст. 2). Тем самым договор предусматривал возможность дальнейшего сближения Югославии и Италии.

В целом договор приносил Югославии ряд выгод. Отказ от территориальных претензий к Югославии, обязательство прекратить поддержку усташской организации А. Павелича, а тем самым и вмешательство во внутренние дела Югославии, некоторое улучшение положения югославского национального меньшинства в Италии, возможности для расширения торговли с Италией на выгодных для Югославии условиях — таковы были непосредственные уступки Италии в пользу Югославии. Со своей стороны Югославия обязалась признать аннексию Абиссинии, а также до известной степени признавала итальянские «права» в Албании. Кроме того, она обязалась провести частичную ремилитаризацию югославо-итальянской границы и далматинского побережья, где должны были быть убраны батареи морских орудий¹⁹¹.

Но значение итало-югославского договора определялось не теми преимуществами, которые получала Югославия, а его местом в международной политике того времени. Заключение договора явилось новым крупным ударом по системе коллективной безопасности. Договор означал дальнейшее ослабление Малой Антанты и французского влияния в Юго-Восточной Европе. Под его воздействием Югославия сближалась с осью Рим — Берлин. Именно в этих внешнеполитических соображениях заключалась та основная цель, которой добивалась Италия, подписывая этот договор. В обмен на небольшие уступки в пользу Югославии она получала вполне реальный выигрыш как великая держава, усиливая свои позиции на мировой арене прежде всего за счет Франции и Малой Антанты. Недаром по возвращении из Белграда Чиано в характерной для него форме заявил венгерскому послу в

¹⁹¹ Однако уже летом 1937 г., через два с небольшим месяца после заключения договора, Стоядинович заявил в беседе с Нейратом, что «артиллерийские орудия на побережье Адриатического моря с сербской стороны не будут убраны» (ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 141—146. Запись беседы Нейрата со Стоядиновичем 7 июня 1937 г.).

Риме, что он «подложил динамитный заряд под Малую Антанту»¹⁹².

Но у Италии были, кроме того, свои особые соображения, побуждавшие ее искать сближения с Югославией. Соглашением с ней Италия старалась улучшить и укрепить свои позиции в отношениях с Германией. В дипломатических кругах в Белграде еще в конце 1936 г. ходили слухи, что итальянский посланник Инделли указывал на ненадежность Германии как союзника и опасность, которую несет сотрудничество с ней, и делал отсюда прямой вывод о необходимости итало-югославского сотрудничества¹⁹³. Происходившее сближение Югославии с Германией вызывало в Италии большее беспокойство, чем английское влияние в Белграде. Югославский уполномоченный по ведению переговоров с Италией И. Субботич именно этим объяснял большую уступчивость итальянской стороны и ее желание поскорее достигнуть соглашения. Италия явно стремилась опередить Германию в сближении с Югославией, чтобы лишить немецкую дипломатию возможности оказывать на нее давление с этой стороны.

Недоверие к Германии накладывало отпечаток на весь ход переговоров Италии с Югославией и придавало заключенному договору своеобразный оттенок в глазах итальянцев. Сама итальянская дипломатия не скрывала от югославов этого аспекта своей политической линии. Еще во время переговоров в Риме, в беседе с Субботичем 3 марта 1937 г., Чиано так аргументировал позицию Италии в этом вопросе: «Я друг Германии, но, говоря между нами и конфиденциально, Германия не только опасный противник для своих врагов, но и трудный друг для своих союзников. Я, конечно, не думаю, что мы должны сплотиться против Германии, но все же следует иметь в виду, что как наши, так и ваши позиции в отношении Германии будут улучшены, если мы будем держаться вместе. Наши 42 миллиона и ваши 15 миллионов будут значить вместе больше, чем порознь. Не поймите меня неправильно. Я не предлагаю, чтобы мы повернулись против Германии, но мы должны между собой координировать наше сотрудничество с ней»¹⁹⁴.

¹⁹² «Ciano's Diary. 1937—1938», р. 147.

¹⁹³ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 99—104 (донесение австрийского поверенного в делах в Белграде Люрца от 1 апреля 1937 г.).

¹⁹⁴ J. B. H o r p n e r. Указ. соч., стр. 67.

Еще более откровенно высказывался Чиано в беседе с принцем Павлом в Белграде 25 марта 1937 г. Характерно, что уже в это время исходным пунктом его рассуждений являлась возможность захвата Австрии Германией. Аншлюс неизбежен, говорил Чиано принцу Павлу, и поэтому итало-югославский союз является необходимостью для будущих отношений обеих стран с Германией. Кроме того, итало-югославское сотрудничество привлечет к ним другие страны. В этом смысле Чиано указывал на желательность соглашения с Венгрией. «Когда Вена станет второй немецкой столицей, Будапешт будет наш», — рассуждал он ¹⁹⁵. Таким образом, итальянская дипломатия вместо «римского треугольника» в составе Италии, Австрии и Венгрии, которому аншлюс угрожал распадом, готовила почву для создания нового блока, охватывавшего Италию, Югославию и Венгрию.

Для самой Югославии заключение договора с Италией имело значение решительного шага, выведившего ее из сферы влияния Франции. В чрезвычайно откровенной беседе с Чиано в Белграде Стоядинович обосновывал политику отхода Югославии от Франции разнообразными соображениями. Экономически, рассуждал он, Франция ничего не может предложить Югославии, как она ничего не могла предложить ей до сих пор. Французскую финансовую помощь Югославия должна оплачивать ростовщическими процентами. Внешнеполитическое и военное положение Франции не таково, чтобы могло представлять для Югославии особую ценность. В то же время, указывал Стоядинович, с точки зрения внутренней политики дружба с Францией может иметь скорее нежелательные последствия, так как французские связи ведут главным образом к левым, масонским и подрывным элементам. Исходя из этого, Стоядинович делал вывод, что «Югославия должна потерять всякий дальнейший интерес к Франции» ¹⁹⁶.

Югославская дипломатия уже в течение продолжительного времени оказывала сопротивление предложению Франции о заключении военного союза с Малой Антантой. Она исходила при этом из антисоветских установок. Югославский посол во Франции Пурич в беседе с амери-

¹⁹⁵ Там же, стр. 88.

¹⁹⁶ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 292—295 (запись беседы австрийского посланника в Риме Бергера с Чиано 31 марта 1937 г.).

канским поверенным в делах в Париже в начале апреля 1937 г. прямо говорил, что Югославия отказывается вступать в любую систему договоров, связывающую Чехословакию и Францию с Советским Союзом ¹⁹⁷.

Заключение итало-югославского договора дало в руки югославской дипломатии дополнительные аргументы для решительного отклонения французского предложения. Против кого может быть направлен военно-политический союз Франции с Малой Антантой? Как объяснить его цели Германии и Италии? Существование договора с Италией не оставляло для Югославии никакого иного пути, кроме отказа от принятия предложения Франции как не совместимого с ним. В беседе с Чиано Стоядинович обосновывал отрицательное отношение к французскому плану также и следующими рассуждениями военного порядка ¹⁹⁸. Если такой союз будет заключен, говорил он, то военное вмешательство Югославии предполагается в том случае, когда Германия нападет на Чехословакию. Тогда Югославия должна будет поспешить ей на помощь. Однако между нею и Чехословакией лежит Венгрия, находящаяся, несомненно, на стороне Германии. Поэтому, пока югославские полки дойдут до чехословацкой границы, немецкая армия уже оккупирует страну. Австрийского посланника в Риме, которому Чиано сообщил об этих рассуждениях Стоядиновича, особенно поразил тот факт, что член Малой Антанты с таким холодным расчетом говорит о судьбе своего союзника и не только говорит, но и действует в соответствии с этим ¹⁹⁹.

Политические последствия заключения итало-югославского договора были очень выгодны для стран оси, стремившихся к развалу Малой Антанты. Поэтому известия об успешном исходе переговоров Югославии и Италии и подписании соглашения между ними вызвали самые бл

¹⁹⁷ FRUS, 1937, vol. I, p. 69—71.

¹⁹⁸ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 292—295 (запись беседы австрийского посланника в Риме Бергера с Чиано 31 марта 1937 г.).

¹⁹⁹ Там же. Франция пожинала теперь плоды свей близорукости политики попустительства гитлеровской агрессии. Начальник политического отдела югославского МИД И. Андрич говорил в декабре 1937 г., что «нельзя, сложив руки, наблюдать за оккупацией Рейнской области и одновременно требовать югославской мобилизации против Германии» (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, лл. 214—215. Донесение австрийского посланника Виммера из Белграда от 18 декабря 1937 г.).

гоприятные отзывы в гитлеровской Германии, хотя немецкой дипломатии были известны и тайные помыслы Италии.

Несколько неожиданным для многих наблюдателей явился благожелательный тон откликов на итало-югославский договор в Англии. Английское правительство считало, что договор придает более реальное содержание англо-итальянскому джентльменскому соглашению о сохранении статус-кво в районе Средиземного моря. В то же время, зная о немецко-итальянских противоречиях на Балканах и переоценивая их значение, Англия рассчитывала на их дальнейшее обострение и была не прочь сыграть на них. Все это создавало весьма сложную ситуацию, которая сбивала с толку даже осведомленных людей. «Не могу точно объяснить, почему англичане постоянно утверждают, что в результате итало-югославского договора джентльменское соглашение расширяется и приобретает более реальное содержание, — писал в своем отчете 2 апреля 1937 г. болгарский посол в Париже. — А немцы, напротив, считают Белградское соглашение важным успехом совместной политики Рима — Берлина»²⁰⁰.

То, что подметил, но не мог объяснить болгарский дипломат, хорошо понимали немцы. Один из ведущих работников германского МИД, Макензен, так характеризовал политику Англии в то время: «В результате освобождения Югославии от французской опеки Англия может рассчитывать еще больше и теснее привязать Францию к себе»²⁰¹. Таким образом, интересы Англии и Германии в Юго-Восточной Европе в это время в значительной мере совпадали. Их внешняя политика была направлена к единой цели — ослабить и подорвать французскую систему союзов в лице Малой Антанты и Балканского пакта. Поэтому они приветствовали итало-югославский договор.

Подавляющая часть мирового общественного мнения, в том числе и большинство французских газет, расценили заключение итало-югославского договора как крупное поражение французской дипломатии. Однако само французское министерство иностранных дел постаралось сделать вид, что ничего существенного не произошло. В этом духе его сотрудники вели беседы с иностранными дипломатами, наносившими визиты на Ке д'Орсэ. Так, в част-

²⁰⁰ П. А р с о в. Указ. соч.; стр. 352—353.

²⁰¹ Там же, стр. 352.

ности, пытался представлять дело австрийскому посланнику в Париже Фолльгруберу во время беседы 5 апреля 1937 г. один из ведущих сотрудников французского МИД Роше. По его словам, речь шла просто о политической эволюции, вызванной в Европе немецким перевооружением. Теперь ее воздействие распространялось также и на Югославию. Последняя, видимо, хочет достигнуть такого же положения, какое занимает уже несколько лет Польша и к которому в несколько ином смысле стремится также Бельгия ²⁰².

В том же духе вел беседу с американским поверенным в делах в Париже Вильсоном генеральный секретарь французского МИД А. Леже. Для Италии, говорил он, соглашение с Югославией является прежде всего вопросом престижа. Леже считал, что итало-югославское соглашение не затронет обязательств Югославии перед Малой Антантой, Францией и Лигой Наций. Однако его рассуждения не убедили Вильсона. Последний сообщил, что после бесед на Ке д'Орсе у него сложилось впечатление, что французское правительство далеко не в восторге от заключения итало-югославского соглашения, хотя и пытается делать довольное лицо ²⁰³.

Вопрос о договоре между Италией и Югославией и в связи с этим об общем направлении югославской внешней политики встал на сессии Совета Малой Антанты, которая состоялась 1—2 апреля 1937 г. в Белграде. Сессия показала, насколько далеко отошла Югославия от Франции. Еще в январе 1937 г. Франция разослала правительствам Чехословакии, Югославии и Румынии проект пакта о взаимопомощи между нею и Малой Антантой против всех случаев агрессии. На Белградской сессии Малая Антанта обсудила и отклонила это предложение. Основной при-

²⁰² ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, л. 105 (донесение австрийского посланника в Париже Фолльгрубера от 5 апреля 1937 г.).

²⁰³ FRUS, 1937, vol. I, p. 266—267; см. также стр. 66—68, 69—71. В югославских правящих верхах не было сомнений по поводу истинного отношения Франции к итало-югославскому договору. Затронув эту тему в беседе с Нейратом летом 1937 г., Стоядинович говорил, что «в результате соглашения он получил известную свободу действий, особенно в отношении Франции. Из Парижа старались всеми средствами удержать его от заключения этого соглашения и поэтому восприняли последовавшее несмотря ни на что его подписание как политическое поражение» (ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 141—146. Запись беседы Нейрата со Стоядиновичем 7 июня 1937 г.).

чиной его отклонения была позиция Югославии, которая, по словам чехословацкого министра иностранных дел Крофты, опасалась, что «при современных условиях это вызвало бы излишнее раздражение Германии и Италии»²⁰⁴. Это решение свидетельствовало о том, что Малая Антанта не могла больше служить защитой даже для ее членов от агрессивной политики фашистских государств. Значительная доля ответственности за это падала на Югославию и реакционное правительство М. Стоядиновича. Отныне Малая Антанта продолжала сохранять свое значение только как гарантия против попыток пересмотра границ со стороны Венгрии. Но и здесь позиции ее членов расходились.

Белградская сессия Малой Антанты в официальном коммюнике одобрила заключение итало-югославского договора. Это было сделано в интересах сохранения единства ее членов. Но союзники Югославии оказали сильный нажим, добиваясь от нее гарантий, чтобы впредь Югославия не ставила их перед совершившимися фактами. Этим же целям служил также визит в Белград президента Чехословакии Бенеша в начале апреля 1937 г.²⁰⁵ Однако новый курс югославской политики остался неизменным. Единственное, чего удалось добиться от Югославии ее союзникам, — это замедлить ее сближение с фашистскими государствами. Так, Югославия должна была прекратить

²⁰⁴ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 443.

Подробнее о планах превращения Малой Антанты в универсальный оборонительный пакт, отношении к ним югославского правительства и переговорах по данному вопросу, длившихся с декабря 1936 г. по апрель 1937 г., см. статью: *Z. Avramovski. Jugoslávská vláda a návrhy na přetvoření Malé dohody v univerzální obranný pakt. «Slovanský přehled» Praha, 1965, № 5.*

²⁰⁵ В конце марта 1937 г. Нейрат так писал о предстоящем визите Бенеша: «В ближайшее время Бенеш придет в Белград как агент Франции. Как дал мне знать г. Стоядинович, он уедет оттуда со своими желаниями» (ИДА, Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 42, негатив 7, позитив 2, кадры 89—91. Письмо Нейрата немецкому посланнику в Софии Рюмелину от 31 марта 1937 г.)

О планах, которые строила чехословацкая дипломатия в связи с визитом Бенеша в Белград, и вынесенном им оттуда впечатлении, что впредь нельзя рассчитывать на сотрудничество с Югославией, за исключением общей линии стран Малой Антанты по отношению к Венгрии, см. статью чехословацкого историка Ладислава Деака (L. Deák. *Cesta prezidenta Benesa do Juhoslávie roku 1937. «Slovanský přehled», Praha, 1965, № 4.*

переговоры, которые она вела в это время с Венгрией, и на время отказаться от заключения с ней договора, аналогичного договорам с Болгарией и Италией.

Новый курс югославской внешней политики вызвал большое недовольство внутри страны. Против него выступали все оппозиционные буржуазные партии, а также широкие народные массы. 3 апреля 1937 г. лидеры сербской «Объединенной оппозиции» опубликовали совместное заявление, в котором резко критиковали внешнюю политику правительства М. Стоядиновича и осуждали заключение договора с Италией ²⁰⁶. Настроения народных масс ярко проявились во время визита в Югославию президента Чехословакии Бенеша. В день его приезда в Белград в городе состоялись антифашистские демонстрации. В то же время многочисленные проявления дружеских чувств в адрес чехословацкого президента показывали, на чьей стороне находились симпатии югославского народа. На всем пути следования Бенеша от границы до Белграда и обратно его встречали многочисленные толпы населения, устраивавшие оvation в честь Чехословацкой республики ²⁰⁷. Тепло был встречен Бенеш также и в Загребе, где накануне его приезда студенты устроили враждебную демонстрацию перед зданием итальянского консульства ²⁰⁸.

Политика сближения с фашистскими государствами, и в частности с Италией, была очень непопулярна в Югославии. Поэтому правительство М. Стоядиновича должно было лавировать и скрывать свои действительные намерения.

События на Балканах и изменение внешнеполитического курса Югославии привлекли к себе пристальное внимание международной общественности. Активность фашистских государств в этом районе Европы вызывала тревогу во всех миролюбивых странах. Она вызывала озабоченность и в Советском Союзе. «Чего добивается ось Берлин — Рим в Центральной Европе?», — такой вопрос ставила газета «Известия» в редакционной статье о подрывной деятельности фашистских государств на Балканах и в Дунайском бассейне. — Германия и Италия, хотя и по

²⁰⁶ АВП СССР, ф. 144, оп. 1, д. 42, п. 1, л. 13.

²⁰⁷ АВП СССР, ф. 74 (обзор прессы), оп. 17, д. 9, п. 7, лл. 316—317.

²⁰⁸ «The Great Britain and the East», 15.IV 1937, p. 548.

различным мотивам и соображениям, добиваются распада Малой Антанты как составной части французской системы безопасности, как определенной гарантии стабильности положения не только в Центральной Европе, но и в Европе вообще»²⁰⁹. Штурм Малой Антанты, говорилось в статье, ось начала со стороны Югославии и Румынии. Маневр фашистских государств был рассчитан на изоляцию Чехословакии от ее союзников, на обеспечение «нейтралитета» со стороны Югославии и Румынии, что практически означало взрыв Малой Антанты. «Для того чтобы привить Югославии «нейтралитет», нужно было устранить причины, которые заставляли Югославию держаться Малой Антанты», — отмечали «Известия». Эти задачи были выполнены договорами Югославии с Болгарией и Италией. Те же цели преследуют и переговоры с Венгрией, которые ведутся при посредничестве Рима.

В то же время, писала газета «Известия», раскрывая смысл дипломатических маневров Югославии, «югославские политики не идут слишком далеко и не закрывают дверей для продолжения игры на два фронта. Отход от Малой Антанты и Франции выдал бы Югославию с головой фашистским поджигателям войны, и цена Югославии как партнера оси сразу бы резко пала»²¹⁰. Поэтому она маневрирует, скрывает свои истинные цели и старается не раскрывать до конца своей игры на два фронта. Позиция Югославии, а также Румынии сказалась на итогах сессии Совета Малой Антанты 1—2 апреля 1937 г. Эти итоги показывают, какие последствия для дела мира «может повлечь за собой политика, отклоняющаяся от принципов коллективной безопасности и коллективной гарантии мира»²¹¹.

* * *

Политика Югославии вызывала глубокое беспокойство у всех ее союзников и в то же время стимулировала желание фашистских государств продолжать их усилия по расколу Малой и Балканской Антант. Это сделало Белград на некоторое время центром значительной дипломатической активности. Даже простое перечисление дипломатических визитов в Белград показывало большой инте-

²⁰⁹ «Известия», 4.IV 1937.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

рес, проявлявшийся к Югославии различными странами. Так, в декабре 1936 г. Югославию посетил французский министр торговли Бастид, а в январе 1937 г. — болгарский премьер-министр Киосеиванов. В марте здесь был Чияно, а в апреле 1937 г. вслед за Бенешем Белград посетил премьер-министр Турции Исмет Иненю в сопровождении министра иностранных дел. Особенно оживленную деятельность развила немецкая дипломатия. В мае 1937 г. Югославию проездом из Рима посетил Г. Геринг, который встретился в Блеме с принцем-регентом Павлом и М. Стоядиновичем.

Немецкая дипломатия решила, что наступил благоприятный момент для того, чтобы показать, кто на деле скрывается за поворотом внешней политики Югославии в сторону «оси». Таким демонстративным шагом, который еще теснее связал бы ее с фашистской Германией, должен был явиться визит фон Нейрата в Белград.

Идея такого визита исходила лично от Гитлера и была доведена до сведения югославского правительства в начале февраля 1937 г., т. е. еще до начала итало-югославских переговоров. Делая такое предложение, немецкая дипломатия, несомненно, знала о подготовке к предстоящим переговорам Югославии и Италии. Предложение Германии было сразу же принято югославским правительством. Однако Стоядинович, выражая в ответном письме от себя и принца Павла удовлетворение в связи с предполагавшимся визитом, просил отсрочить его на несколько недель. Необходимость отсрочки, замечал Нейрат в записи о беседе с югославским посланником, передавшим ему письмо Стоядиновича, он мотивировал тем, чтобы «дать время их (югославским. — В. В.) прежним друзьям переварить болгаро-югославский договор, отклонение французского предложения о заключении пакта о взаимной помощи и некоторые другие вещи»²¹², намекая на переговоры с Италией. Нейрат согласился с доводами Стоядиновича. Его визит был отложен до второй половины апреля. Одновременно Нейрат сообщил югославскому посланнику в Берлине А. Цинцар-Марковичу, что из Белграда он отправится

²¹² ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадр 31 (запись беседы Нейрата с югославским посланником в Берлине А. Цинцар-Марковичем 13 февраля 1937 г. RM-106).

далее в Будапешт, а затем, по-видимому, и в Софию ²¹³. Как видно, планы немецкой дипломатии разрастались. С позицией Югославии и результатами поездки Нейрата в Белград, Будапешт и Софию она связывала далеко идущие замыслы подготовить почву для создания своего блока в Юго-Восточной Европе. Именно в это время такие планы начали созреть в головах немецких дипломатов.

Желание Югославии отсрочить визит Нейрата объяснялось не только дипломатическими соображениями. В Югославии в это время произошел инцидент, показавший вмешательство Германии в ее внутренние дела. Речь идет о вскрывшихся в это время фактах поддержки немецкой фирмой «Технише Унион», за которой стояла внешнеполитическая служба нацистской партии, фашистской и откровенно пронемецкой группы Д. Летича «Збор» ²¹⁴. Этот случай получил широкий резонанс в Югославии и, бесспорно, осложнил отношения Югославии с Германией ²¹⁵.

Политический нажим на Югославию со стороны ее союзников и необходимость учитывать внутриполитическое положение в стране привели к новой югославской просьбе об отсрочке визита Нейрата еще на месяц. Лишь в конце апреля 1937 г. было решено, что Нейрат прибудет в Белград 7 июня. Германия и Югославия условились, что никакой предварительной публикации сообщений о предстоящей поездке не должно было быть. Ее подготовка проходила в обстановке строгой секретности. Немецкий посланник в Белграде Герен был оповещен о ней только в середине апреля 1937 г. Сообщая ему об этом, Нейрат просил держать все дело в строгом секрете и говорить о предстоящем визите только со Стоядиновичем или принцем-регентом Павлом ²¹⁶. Желание Германии и Югославии

²¹³ Там же.

²¹⁴ См. Н. Миловановић. Војни пучи 27 март 1941. Београд, 1960, стр. 224—229.

²¹⁵ Этот случай явился поводом для жалоб Стоядиновича Герингу (через Нейхаузена), а также немецкому посланнику в Белграде Герену, что вызывало беспокойство в германском МИД, особенно в связи с подготовкой визита Нейрата на Балканы (письмо Нейрата Герену от 16 марта 1937 г. ИДА, ф. 150, д. 42, негатив 7, позитив 2, кадры 64—65).

²¹⁶ ИДА микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 42, негатив 7, позитив 2, кадры 93—94 (письмо Нейрата Герену от 13 апреля 1937 г.): «До сих пор я ничего не писал вам об этом обсуждении, так как это казалось мне преждевременным, — писал Ней-

сохранить тайпу не было случайным. Германия не желала преждевременного оглашения из-за опасений, как бы это не вызвало нового нажима на Югославию со стороны западных держав. Можно полагать, что значительный нажим на Югославию был оказан Англией во время пребывания в Лондоне принца-регента Павла весной 1937 г. на коронационных торжествах. В конце мая 1937 г. на обратном пути из Лондона принц Павел остановился в Париже, где имел встречи и беседы с Лебреном, Блюмом и Дельбосом²¹⁷. Несомненно, эти встречи возымели свое действие и сказались на замедлении темпов сближения Югославии с гитлеровской Германией. Без учета их влияния невозможно понять позицию Югославии во время переговоров с Нейратом в Белграде.

7 июня 1937 г. министр иностранных дел гитлеровской Германии фон Нейрат прибыл с официальным визитом в Белград, который, бесспорно, являлся основной целью его поездки по балканским странам. Официальные круги встретили Нейрата с большими почестями, но народные массы отметили его приезд антифашистскими демонстрациями. Демонстрации, состоявшиеся в Белграде 8 июня 1937 г., во второй день пребывания Нейрата в Югославии, носили массовый характер и возобновлялись несколько раз. Демонстранты пытались пробиться к германскому посольству, но полиция не допустила этого. Среди демонстрантов распространялись листовки против «дружбы» с гитлеровской Германией, за сохранение верности старым союзам. Югославские власти приняли чрезвычайные меры для разгона демонстраций, в которых участвовали в основном рабочие и студенты. Полицейские разгоняли демонстрантов плетью и стреляли в воздух. Среди демонстрантов было много раненых. Правительство запретило даже упоминать обо всем этом в газетах²¹⁸.

рат. — Здесь в министерстве также ничего не знают об этих переговорах, которые велись только между мною и югославским посланником. Правда, некоторое время назад я уже писал господину Рюмедиу в Софию, так как с югославской стороны было выражено пожелание, которое, впрочем, отвечало моим намерениям, связать посещение Белграда с визитом в Софию».

²¹⁷ АВП СССР, ф. 144, оп. 1, д. 42, п. 1, л. 12.

²¹⁸ «The Great Britain and the East», 10.VI 1937, стр. 841. Об антифашистских демонстрациях в Белграде во время визита Нейрата сообщал также в своих донесениях в Софию болгарский посол (см. П. А р с о в. Указ. соч., стр. 364).

Документы о переговорах Нейрата со Стоядиновичем и принцем Павлом показывают, что в Белграде обсуждался очень широкий круг проблем²¹⁹. Обе стороны вновь констатировали совпадение взглядов относительно Австрии, особенно в вопросе о возможной реставрации Габсбургов.

Большой интерес представляла позиция Югославии по отношению к Италии, как осветил ее Стоядинович в беседе с Нейратом. Зная о германо-итальянских противоречиях, он явно желал сыграть на них. Стоядинович в восторженных тонах говорил об уважении, которым Германия пользуется в Сербии, и тут же добавлял, что «к Италии питают мало доверия»²²⁰. К соглашению с Италией, заявлял Стоядинович, в Югославии «относились без всяких иллюзий», а поэтому не пережили никаких разочарований в связи с поражением итальянцев на Гвадарамском фронте в Испании. Военный престиж Италии потерпел в связи с этим значительный урон. Все же соглашение с Италией предоставило Югославии известную свободу действий, особенно в отношении Франции. Со своей стороны Нейрат поспешил заверить Стоядиновича, что у Германии нет никаких далеко идущих обязательств в отношении Италии, однако во многих случаях у них существует далеко идущая общность интересов, не считая одинаковой идеологии. Она, например, проявилась на практике в Испании,

²¹⁹ К сожалению, мы не располагаем полной подборкой немецких документов о переговорах Нейрата в Белграде. Имевшиеся в нашем распоряжении микрофильмы документов из архива Нейрата страдают пробелами. Так, запись беседы Нейрата со Стоядиновичем во второй половине дня 7 июня 1937 г. носит номер RM-418, а запись беседы с принцем Павлом (в полдень следующего дня) — RM-423. Следовательно, отсутствуют четыре документа, которые Нейрат составил в Белграде в течение вечера 7 июня и утром 8 июня до беседы с Павлом, которая состоялась в 12 часов дня. Поэтому для создания полной их картины необходимо привлечение дополнительных источников. Наряду с прессой особую ценность представляют в данном случае допесения из Белграда послов других стран, упоминания о которых мы находим в ряде монографий. Сопоставление этих сведений с помощными документами показывает, что в ряде случаев в Белграде имела место значительная утечка достоверной информации. Часть ее была опубликована в выходивших в то время периодических изданиях.

²²⁰ ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 141—146 (запись беседы Нейрата со Стоядиновичем 7 июня 1937 г.).

где обе стороны были заинтересованы в том, чтобы не дать возникнуть новому большевистскому центру ²²¹.

Говоря об отношениях с Францией, Стоядинович вновь напомнил об отклонении Югославией французского предложения о заключении договора с Малой Антантой и расширении последней до всестороннего союза. В связи с этим он остановился также на положении Чехословакии. Чехи, заявил Стоядинович Нейрату, испытывают глубокий страх перед Германией. Они убеждены, что в один прекрасный день немцы нападут на них. Он, Стоядинович, заявил чехам, что даже в этом случае Югославия не сможет им помочь и не поможет. Они должны постараться договориться с немцами ²²². Нейрат ни в чем не стал разубеждать Стоядиновича и лишь заявил, что предпосылками для улучшения чешско-немецких отношений должны быть улучшение положения судетских немцев и отход Чехословакии от большевистской России ²²³. Стоядинович выразил свое удовлетворение развитием югославских отношений с Болгарией и Румынией. Соглашение с Болгарией, говорил он, оправдало себя ²²⁴.

В целом беседа Стоядиновича с Нейратом носила очень откровенный характер. Однако, когда дело коснулось конкретных предложений с немецкой стороны, Стоядинович проявил большую сдержанность. Она сказалась, в частности, при обсуждении венгеро-югославских отношений. В этом вопросе позиции как Германии, так и Югославии отличались большой сложностью. Выдвигая идею сближения Югославии с Венгрией, Германия хотела исключить всякое участие Италии в этом процессе, чтобы не сыграть на руку Муссолини и не облегчить ему задачу создания итальянского блока в Юго-Восточной Европе. Югославия готова была пойти на такой шаг, но упорно отстаивала свою точку зрения, что венгерское правительство не имеет никаких прав представлять интересы венгерского национального меньшинства в Югославии. Кроме того, Югославия имела определенные обязательства по Малой Антанте в отношении венгерских требований, и, несмотря на многочисленные пренебрежительные высказывания Стоядиновича по адресу Малой Антанты, не желала брать на

²²¹ ИДА, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 141—146.

²²² Там же.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

себя ответственность за их нарушение. Все это обусловило крайне сдержанное отношение Югославии к вопросу о сближении с Венгрией и безрезультатность немецких усилий изменить ее позицию: «Стоядинович остался при своем мнении», — вынужден был отметить Нейрат ²²⁵.

Переговоры Нейрата в Белграде не оправдали надежд гитлеровской дипломатии и в развитии отношений Германии с Югославией. Обе стороны в высоких выражениях говорили о проводившейся ими политике развития тесной дружбы между двумя странами. Как дипломатическая демонстрация укрепления отношений Германии и Югославии визит Нейрата имел, безусловно, огромное значение. Но ему не удалось послужить исходным пунктом их дальнейшего сближения. Так, по ходившим в Белграде слухам, Нейрат, стремясь форсировать дальнейший отход Югославии от Франции и Малой Антанты, предпринял зондаж относительно возможности заключения договора о дружбе между Германией и Югославией. Однако югославское правительство заняло уклончивую позицию и не хотело связывать себя с Германией какими-либо конкретными обязательствами. Поэтому в некоторых дипломатических кругах в Белграде, как сообщал австрийский посланник, визит Нейрата был даже расценен как безрезультатный и не менявший направленности внешней политики Югославии ²²⁶.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, значительное место в переговорах Нейрата в Белграде заняли вопросы англо-германских отношений. «В Белграде очень хотят, — говорил Стоядинович Нейрату во время беседы 7 июня 1937 г., — чтобы Германия и Англия сблизились друг с другом» ²²⁷. Однако подробно эти вопросы Нейрат обсудил не с ним, а с принцем-регентом Павлом. Они заняли почти все время их беседы, состоявшейся 8 июня 1937 г.

В Англии, откуда он только что вернулся, говорил принц Павел Нейрату, он обнаружил существенные изменения в позиции по отношению к Германии. Невиль

²²⁵ Там же.

²²⁶ U. Eichstädt. Von Dollfuss zu Hitler. Geschichte des Anschlusses Österreich 1933—1938. Wiesbaden, 1955, S. 257; «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt...», S. 545—548.

²²⁷ ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, л. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 141—146.

Чемберлен, с которым принц Павел имел продолжительный разговор, обсуждал с ним почти исключительно эту тему и заявил, что он будет стремиться улучшить немецко-английские отношения. Такие же настроения принц Павел нашел у нового короля, который раньше совсем не был доброжелательно настроен в отношении Германии, а также у многих руководящих лиц ²²⁸.

Затем, спросив Нейрата, может ли он говорить с ним совершенно откровенно о своих наблюдениях в Англии, принц Павел перешел к обсуждению весьма щекотливого вопроса о немецком после в Лондоне, которым в то время был Риббентроп. Его положение в руководящих английских кругах, говорил принц Павел, чрезвычайно плохое. «По отношению к господину Риббентропу господствует личная ненависть, которая может быть объяснена тем, что, начиная с момента своего первого появления в Англии, он делает одну бестактность за другой и таким образом задел за живое почти всех руководящих лиц в политической жизни» ²²⁹. Это, продолжал принц Павел, сказалось и на состоянии англо-германских отношений, так как поведение посла объясняли настоятельными указаниями из Берлина и делали отсюда вывод, что в Германии не хотят сближения с Англией. В ответ на слова Нейрата, что Риббентроп был специально выбран фюрером и рейхсканцлером для улучшения отношений между Германией и Англией, к чему фюрер стремится от всего сердца, принц Павел заметил, что деятельность посла возымела как раз обратное действие. «Теперь даже существует опасность, что новые люди откажутся от своих хороших намерений» ²³⁰. Все его замечания, подчеркнул принц Павел в беседе с Нейратом, — проистекают только из желания способствовать улучшению германо-английских отношений.

Вопрос о немецких послых в Лондоне уже второй раз обсуждался в Белграде. Первый раз он был поднят принцем Павлом в беседе с немецким посланником Гереном 27 февраля 1936 г. Тогда принц Павел сообщал о нежелательности смены немецкого посла в Лондоне фон Геша. Возвращение к этому вопросу летом 1937 г., но теперь уже в связи с личностью Риббентропа, дает дополнительную пищу

²²⁸ ИДА, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 147—149 (запись беседы Нейрата с принцем Павлом 8 июня 1937 г.).

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

для размышлений. Этот факт подтверждает, по нашему мнению, высказывавшиеся нами ранее соображения о желании принца Павла играть посредническую роль в деле германо-английского сближения.

Не меньший, если не больший интерес представляет, по нашему мнению, другой факт: обсуждение в Белграде во время визита Нейрата вопроса о германских колониальных претензиях. Он был поднят Стоядиновичем в его второй беседе с Нейратом, состоявшейся 8 июня 1937 г. По-видимому, принц Павел и Стоядинович заранее условились о распределении между собой подобных вопросов, которые явно носили характер зондажа, предпринятого, как можно предполагать, по согласованию с английской дипломатией. Только этим соображением можно объяснить непонятный иначе вопрос, заданный Стоядиновичем Нейрату, о германских колониальных требованиях, который никак не вязался с предыдущей и последующей темами их беседы и был явно вставным номером. Понимая, видимо, роль Югославии в этом деле и не сомневаясь, что его ответ будет доведен до сведения английской дипломатии, Нейрат обстоятельно ответил на этот вопрос. Германия, по его словам, «выдвинула эти требования, чтобы иметь возможность получать сырье из своих собственных областей и за немецкие платежные средства»²³¹. Но Стоядинович хотел также знать, стремится ли Германия к возврату своих бывших колоний или же была бы согласна на другие колонии. Нейрат уклончиво ответил ему, что «это зависит от качества областей»²³².

Третьей крупной темой, обсуждавшейся во время пребывания Нейрата в Белграде, был широкий круг вопросов, связанных с германо-югославскими экономическими отношениями. Об этом, однако без всяких подробностей, много писалось в югославской прессе²³³. В дипломатических кругах эти переговоры связывали с желанием Германии взять в свои руки осуществление планов югослав-

²³¹ ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадр 150 (запись беседы Нейрата со Стоядиновичем 8 июня 1937 г. РМ-424).

²³² Там же.

²³³ Мы не обнаружили в архиве Нейрата документов о германо-югославских экономических связях и переговорах по этим вопросам. Однако ряд косвенных данных говорит о том, что они подверглись обсуждению во время визита Нейрата в Югославию.

ских правящих кругов по превращению Боснии в югославскую «Рурскую область»²³⁴. Таким путем Германия рассчитывала еще крепче привязать к себе Югославию экономически. Судя по позднейшим событиям, ее намерения увенчались успехом.

Подводя итоги поездки Нейрата в Белград, следует отметить, что она явилась крупной демонстрацией успехов германской политики в Юго-Восточной Европе. Вместе с тем она показала, что немецкое влияние на внешнюю политику Югославии было хоть и значительным, но недостаточным для того, чтобы побудить ее к установлению более близких политических отношений с гитлеровской Германией.

* * *

Как можно расценивать внешнюю политику Югославии и ее позицию на международной арене в свете приведенных выше фактов?

В исторической литературе высказывалось мнение, что Югославии в 1937 г. удалось добиться нейтрального положения в отношениях между западными державами и странами «оси». Впервые такая точка зрения была выдвинута в 1956 г. в статье американского историка Дж. Гоптнера²³⁵ и повторена в его книге «Кризис Югославии. 1934—1941»²³⁶. По нашему мнению, во взглядах Дж. Гоптнера, намеренно или бессознательно, оказались смешанными два совершенно разных вопроса: вопрос о субъективных намерениях югославских правящих кругов и вопрос об объективных последствиях их политики. Постараемся разобраться в обоих этих вопросах.

Бесспорно, что часть правящих кругов Югославии была непрочь добиться такого положения, которое могло бы выглядеть как нейтральное и позволило бы им использовать в своих интересах борьбу великих империалистических держав между собой. Такие мнения высказывались и современниками описываемых событий. Субъективные намерения югославских правителей были особенно заметны тем наблюдателям, которые сами хотели бы распола-

²³⁴ АВП СССР, ф. 144, оп. 1, д. 42, л. 1, л. 12.

²³⁵ J. B. Hoptner. Yugoslavia as Neutralist: 1937. «Journal of Central European Affairs», 1956, vol. XVI, N 11.

²³⁶ J. B. Hoptner. Yugoslavia in Crisis. 1934—1941. New York, 1962.

гать подобными возможностями. К их числу принадлежал, например, болгарский царь Борис, с симпатией следивший за политикой М. Стоядиновича. Как сообщал немецкий посланник в Софии, в беседе с ним в конце марта 1937 г. «Борис высоко оценил способности Стоядиновича и его талант использовать противоречия между великими державами с пользой для своей страны»²³⁷. Однако существование подобных устремлений в правящих кругах Югославии, которые в конечном итоге противоречили национальным интересам страны, еще ничего не дает для правильной оценки ее позиции. Поэтому нам надо постараться ответить на вопрос, который поможет разобраться в существе дела: кому была выгодна проводившаяся Югославией политика в тех конкретных условиях, которые сложились в международной обстановке в середине 30-х годов?

Как мы видели выше, поворот внешней политики Югославии совершался под влиянием нескольких факторов. На первом месте здесь надо назвать *антикоммунизм* югославских правящих верхов. Действия Югославии в период подготовки и проведения Бухарестского совещания глав государств Малой Антанты диктовались слепой ненавистью к Советскому Союзу, что вызвало горячее одобрение со стороны гитлеровской Германии, фашистской Италии и других реакционных сил.

Антисоветская политика Югославии явилась исходным пунктом в ее сотрудничестве с теми силами на международной арене, которые выступали за сплочение стран капиталистического мира на антисоветской основе. Связь югославских правящих кругов, в частности принца Павла, с Англией и теми течениями ее политической жизни, которые выступали за сближение с гитлеровской Германией, придали своеобразие этой стороне югославской внешней политики. Как мы видели, Югославия активно содействовала сближению Англии с Германией, хотя и занимала в этой политике подчиненное положение. Она сама также стремилась к улучшению отношений с Германией, но шла в этом вопросе за Англией и тщательно следила за тем, чтобы, как показал визит Нейрата в Белград, не забегать впереди нее. Поэтому мы с правом можем характе-

²³⁷ ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 42, негатив 7, позитив 2, кадры 86—88 (письмо немецкого посланника в Софии Рюмелина Нейрату о беседе с царем Борисом от 23 марта 1937 г.).

ризовать внешнюю политику Югославии в этот период не столько как пронемецкую, как антисоветскую.

Крупным фактором, начинавшим все больше влиять на внешнюю политику Югославии, была ее заинтересованность в экономическом сотрудничестве с Германией. Однако в рассматриваемый период, до аншлюса Австрии и захвата Чехословакии, эта сторона югославской внешней политики не получила еще своего полного развития.

Гитлеровская Германия сознательно поощряла желание югославских правителей играть «самостоятельную» роль в международных делах. Особенно ясно эта тактика немецкой дипломатии проявилась во время беседы Нейрата 19 марта 1937 г. с югославским послом в Берлине А. Цинцар-Марковичем, который по просьбе принца Павла и Стоядиновича спросил о его мнении по поводу французского предложения о заключении договора с Малой Антантой. В своем ответе Нейрат «настоятельно советовал не принимать этих предложений», если югославские правители «хотят и в будущем сохранять свободные руки в формировании своих политических отношений»²³⁸. Если же они дадут включить себя в систему французских союзов, развивал свои мысли Нейрат, «с их свободой рук будет покончено». Указывая на дипломатическую борьбу, которая разгорелась вокруг Югославии в связи с поворотом югославской внешней политики, Нейрат пытался изобразить ее как доказательство повышения международного авторитета страны. «Уже только из одного этого, — льстиво говорил он, — белградское правительство может видеть, как возвысилась его цена во мнении других государств»²³⁹.

Мнимый нейтралитет и «самостоятельная» роль, которую субъективно желали играть югославские правящие верхи на международной арене, объективно были выгодны гитлеровской Германии. Такая политика в конечном счете поставила под угрозу национальные интересы самой Югославии.

²³⁸ ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 69—70 (запись беседы Нейрата с Цинцар-Марковичем 19 марта 1937 г. RM-198).

²³⁹ Там же.

Глава III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ В ПЕРИОД АНШЛЮСА АВСТРИИ И РАЗДЕЛА ЧЕХОСЛОВАКИИ. РАЗВАЛ МАЛОЙ АНТАНТЫ

Политическая борьба в Югославии во второй половине 1937 — начале 1938 г. и ее отражение на внешней политике страны. Дипломатическое турне Стоядиновича

Отход Югославии от союза с Францией и Малой Антантой и поворот ее внешней политики в сторону сближения с фашистской Италией и гитлеровской Германией вызвали большое беспокойство в стране. Политическая линия правительства Стоядиновича не только подверглась критике в оппозиционных кругах, но не пользовалась популярностью и в армии, и среди чиновников государственного аппарата. Это еще больше осложняло положение в стране и превращало вопросы внешней политики в объект острой внутриполитической борьбы. Само правительство хорошо видело связь между вопросами внешней и внутренней политики. Оно отдавало себе отчет в том, что продолжение прежнего внешнеполитического курса создает опасность для устойчивости его положения в стране, и предпринимало маневры в целях укрепления своих внутриполитических позиций. Так, под давлением общественного мнения внутри страны, а также своих союзников югославское правительство весной 1937 г. отказалось от продолжения переговоров с Венгрией. Сообщая об отклонении венгерских предложений, М. Стоядинович

заявил венгерскому послу, что «соглашения с Болгарией и Италией, а также подчеркивание дружбы с Германией уже настолько дискредитировали его кабинет, что он не может более перегружать свой политический баланс двусторонним соглашением с Венгрией»¹.

В условиях господства в Югославии антинародного режима и отсутствия демократических свобод борьба вокруг вопросов внешней и внутренней политики принимала своеобразные формы. Все эти особенности политического положения страны отчетливо проявились в борьбе против конкордата с Ватиканом, которая развернулась летом и осенью 1937 г. Она показала огромное недовольство народных масс и буржуазных оппозиционных партий политикой сближения страны с фашистскими государствами, в частности с Италией. Во внутривнутриполитическом плане эти события наглядно продемонстрировали остроту национальных противоречий в стране.

Национальный вопрос в Югославии был той осью, вокруг которой вращались все политические комбинации. Национальное движение переплеталось с социальным.

Характер национальной борьбы в стране вследствие слабости КПЮ определяли буржуазные партии и их идеология. Это сказывалось прежде всего в сужении национального вопроса, в сведении его по сути дела к одному лишь хорватскому вопросу. Ни одна буржуазная партия не признавала даже факта существования македонского и черногорского народов и не ставила вопроса об их равноправии.

Политика буржуазных партий и национальный гнет в стране способствовали росту национализма и шовинизма, усилению сепаратистских течений в Хорватии, Словении, Македонии и Черногории².

Правительство предпринимало ряд шагов, чтобы ослабить национальное движение. Стоядинович пытался привлечь в правительство представителей Хорватской крестьянской партии и таким путем не только ослабить хорватское национальное движение, но и подорвать силы буржуазной оппозиции. Однако переговоры с руководством

¹ «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны». Пер. с венг. М., 1962, док. 15, стр. 64.

² F. C u l i n o v i ć. Nacionalno pitanje u jugoslovenskim zemljama. Rijeka, 1955, str. 51.

ХКП³, которые вел принц-регент Павел, убедили правящие круги, что хорватская буржуазия не удовлетворится мелкими уступками. В. Мачек выдвигал требования признания за Хорватией права на самостоятельное устройство и автономию, пересмотра конституции и предоставления на деле хорватам и словенцам равных с сербами прав⁴. Встреча Стоядиновича с Мачеком в январе 1937 г. в Брежице (Словения) окончилась безрезультатно⁵. Премьер не хотел соглашения на условиях, выдвинутых руководством ХКП. Вскоре переговоры были прерваны.

Правительство Стоядиновича решило ослабить национальное движение хорватского народа с помощью католической церкви. Одним из инициаторов этого плана был лидер словенских клерикалов А. Коропец. Для его осуществления был использован конкордат с Ватиканом, заключенный еще летом 1935 г., который давал католической церкви большие права и ставил ее в привилегированное положение в стране. Теперь правительство решило ввести его в действие. Заключением конкордата с Ватиканом правительство Стоядиновича преследовало также и внешнеполитические цели, а именно: сближение с фашистской Италией. Летом 1937 г. конкордат был представлен на ратификацию в народную скупщину. Однако против его одобрения решительно выступила сербская православная церковь. Ее поддержали Югославская национальная партия, лётичевский «Збор» и даже отдельные депутаты — члены Югославского радикального союза. Буржуазная оппозиция осталась пассивной, наблюдая со стороны за столкновением «двух реакций».

В борьбе против конкордата сербская православная церковь, являвшаяся одним из оплотов реакции в стране, действовала решительно. До момента вынесения конкордата на ратификацию в народную скупщину правительство стремилось сохранить его содержание в секрете. Однако православная патриархия еще в конце декабря 1936 г. без разрешения цензуры выпустила книгу с текстом конкордата и его критикой, что возбудило общественность.

³ V. M a č e k. In the Struggle for Freedom. New York, 1957, p. 177—178.

⁴ I. R i b a r. Politički zapisi, t. III. Beograd, 1951, str. 163.

⁵ М. Д и м и т р и ј е в и ћ. Ми и хрвати. Хрватско питање (1931—1939). Београд, 1939, стр. 242.

В югославской печати вспыхнула полемика. Поскольку цензура не допускала критики конкордата в печати, в стране пышно расцвела нелегальная литература, причем часть брошюр и листовок печаталась в патриаршей типографии⁶.

19 июля 1937 г., в день начала обсуждения конкордата в народной скупшине, руководители православной церкви в знак протеста организовали в Белграде крестный ход. Несмотря на запрещение властей, многолюдная процессия под звон колоколов двинулась по столичным улицам, заполненным народом. Жандармы получили приказ разогнать крестный ход, что привело к столкновению. Блюстители «порядка» били дубинками по головам попов и монахов, получая в ответ удары кадилами, посохами и кулаками. После разгона процессии на мостовой остались лежать растоптанные иконы, хоругви и камилавки⁷.

23 июля 1937 г. народная скупщина большинством голосов ратифицировала конкордат. В тот же день умер давно болевший патриарх Варнава. Слухи об отравлении патриарха и одобрение конкордата скупщиной до предела разожгли религиозный фанатизм. Православная церковь предала анафеме и отлучила от церкви Стоядиновича и всех православных министров и депутатов народной скупщины, голосовавших за конкордат. То же самое сделала католическая церковь с католиками, выступавшими против конкордата⁸. Борьба против конкордата в результате участия в ней прогрессивных элементов начала перерастать из борьбы против правительства М. Стоядиновича в борьбу против всего антинародного режима.

Положение правительства Стоядиновича стало угрожающим. В стране ходили слухи о раскрытии антиправительственного военного заговора. Самоубийство военного коменданта Белграда генерала Томича, казалось, подтверждало такие опасения. В правящих кругах также не было полного единства. Правительственный кризис в Югославии принял довольно отчетливые формы.

⁶ V. Novak. Magnum crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, 1948, str. 437.

⁷ Д. Смиљанић. Сећање на једну диктатуру. Београд, 1955, стр. 126—133.

⁸ I. Ribar. Указ. соч., т. III, стр. 154.

В создавшихся условиях Стоядинович принял решительные меры прежде всего для восстановления единства в правящем лагере. Состоявшийся 7—10 сентября 1937 г. съезд Югославского радикального союза был направлен на преодоление колебаний в его рядах. В начале октября 1937 г. последовала реорганизация кабинета. Из него были выведены министры, скомпрометировавшие себя выступлениями в защиту конкордата. Это была вынужденная уступка Стоядиновича оппозиции внутри самого правящего лагеря.

Однако внутреннее положение в стране оставалось напряженным. Особую опасность для антинародного режима представляла все более возрастающая активность народных масс.

В разгар борьбы вокруг конкордата, 8 октября 1937 г., буржуазные оппозиционные партии заключили соглашение, которое подводило итог долгим поискам совместной политической платформы Крестьянско-демократической коалиции и Объединенной оппозиции. Соглашение («споразум») предусматривало образование блока подписавших его партий. Новый блок ставил своей целью обеспечить приход к власти «народного правительства, составленного из представителей всех политических партий, действительно имеющих опору в народе». Это правительство должно было отменить конституцию 1931 г. и провести новые выборы в учредительную скупшину. До принятия новой конституции в стране должен был действовать временный «Основной закон», предусматривающий конституционную монархию с династией Карагеоргиевичей во главе, а также обеспечение гражданских и политических свобод⁹. В соглашении, в целом весьма расплывчатом, совершенно обходился вопрос о том, каким путем буржуазные оппозиционные партии собирались добиться осуществления своих планов.

Из дополнительных пояснений к соглашению, которые не публиковались в печати, явствовало, что среди подписавших его партий не было полного единодушия. Они сходились на том, что будущая Югославия должна быть федеративным государством трех народов — сербов, хорватов и словенцев. Однако буржуазная оппозиция не предоставляла равных прав народам Черногории и Македо-

⁹ Там же, стр. 158—159.

нии, а также не могла договориться о будущих границах Сербии и Хорватии в рамках федерации¹⁰. Нерешенные вопросы послужили зародышем дальнейших распрей.

Образовав «Блок народного соглашения» и определив его платформу, буржуазные оппозиционные партии не торопились действовать. Они не сделали ничего для осуществления своих планов, хотя в момент заключения соглашения политическая борьба в стране достигла большого размаха. Решительное выступление буржуазной оппозиции могло бы привести к падению правительства Стоядиновича. Своей пассивностью буржуазная оппозиция способствовала сохранению антинародного режима в Югославии.

Подписание соглашения создало новую расстановку политических сил в стране. Хорватская крестьянская партия во главе с В. Мачеком, которая занимала до того времени двойственную позицию и вела переговоры как с правительством Стоядиновича, так и с Объединенной оппозицией, стала теперь на сторону последней. Правительство понимало, каким опасным для него может быть включение оппозиции в борьбу против конкордата. Поэтому оно немедленно отреагировало на изменение политической обстановки в стране и поспешило помириться с православной церковью.

Боясь борьбы на два фронта, М. Стоядинович пошел в «православную Каноссу», направив 27 октября 1937 г. письмо синоду православной церкви, в котором сообщал, что правительство не собирается ставить конкордат на обсуждение в сенате и считает вопрос о нем окончательно снятым с повестки дня¹¹. В начале 1938 г. были амнистированы лица, подвергшиеся репрессиям за выступления против конкордата. Православная церковь вновь приняла в свое лоно всех преданных ранее анафеме, и мир был восстановлен¹². Расчеты правительства на помощь католической церкви в борьбе против ХКП не оправдались. Католическая церковь все больше становилась прибежищем сепаратистских и усташских элементов и разжигала национальную рознь в стране.

Соглашение 8 октября 1937 г. не привело ни к усилению борьбы против реакционного режима, ни к устано-

¹⁰ I. R i b a r. Указ. соч., т. III, стр. 169—170.

¹¹ V. N o v a k. Указ. соч., стр. 459.

¹² Там же, стр. 460—461.

влению более тесных связей между партиями, вошедшими в «Блок народного соглашения». Такое положение вызывало разочарование прогрессивных элементов в стране, возлагавших большие надежды на это соглашение. Буржуазная оппозиция продолжала бездействовать и ограничивалась декларациями, осуждавшими внешнюю политику правительства. Лишь в августе 1938 г. лидеры оппозиции провели в Белграде первое (и единственное) совещание центральных комитетов всех партий, входивших в «Блок народного соглашения». Совещание было обставлено с большой помпой. Сторонники В. Мачека в Белграде устроили ему торжественную встречу¹³. Однако совещание не приняло никаких конкретных решений. Как и следовало ожидать, руководство буржуазной оппозиции не откликнулось ни на один из вопросов, волновавших в то время югославских трудящихся. Буржуазные партии гораздо больше боялись выступлений народных масс, чем мероприятий антинародного режима, с которым эти партии были связаны тысячами нитей.

В период политической борьбы вокруг конкордата активную деятельность развили югославские коммунисты. Работая над созданием Народного фронта, КПЮ стремилась усилить деятельность всех нефашистских партий в стране и неоднократно обращалась к руководству буржуазной оппозиции с предложениями о сотрудничестве и установлении единства действий. КПЮ приветствовала соглашение между оппозиционными буржуазными партиями и образование «Блока народного соглашения». В то же время КПЮ отмечала ограниченность его политической платформы, в частности непризнание национальных прав македонцев, черногорцев и мусульманской народной группы. Рассматривая образование блока как зародыш демократической борьбы против диктатуры, руководство КПЮ сразу же после его создания вновь обратилось к его лидерам с предложением установить контакт и расширить блок путем включения в него представителей рабочего класса¹⁴. Однако буржуазные партии решительно отклонили все предложения КПЮ. Их позиция сделала невозможной коалицию этих партий и КПЮ в рамках Народного фронта.

¹³ I. R i b a r. Указ. соч., т. III, стр. 187—188.

¹⁴ «Iz istorije Jugoslavije 1918—1945». Zbornik predavanja. Beograd, 1958, str. 322.

Одновременно КПЮ вела работу по созданию организаций Народного фронта среди масс, привлекая в ряды фронта и рядовых членов оппозиционных буржуазных партий, недовольных политикой их руководства. КПЮ сумела также установить контакт с рядом левых буржуазных деятелей, сотрудничество с которыми способствовало расширению движения за создание Народного фронта. Благодаря активной работе по организации Народного фронта влияние КПЮ на политическую жизнь страны резко возросло. Народный фронт, основы которого были заложены в эти годы, окончательно сложился и организационно оформился уже в годы второй мировой войны.

* * *

Обострение политической борьбы в Югославии во второй половине 1937 г. оказало значительное воздействие на внешнюю политику страны. Образование «Блока народного соглашения» означало консолидацию буржуазной оппозиции, которая отрицательно относилась не только к внутренней, но и к внешней политике правительства. Последнее вынуждено было считаться с новым положением. Провал конкордата явился также сильным ударом по политике правительства М. Стоядиновича. Чтобы удержаться у власти, оно прибегло к сложным маневрам, которые отразились и на внешней политике страны.

Желая выбить из рук оппозиции лозунг верности старым союзам Югославии на международной арене, правительство сделало ряд тактических шагов. В середине октября 1937 г. М. Стоядинович выехал с многодневным официальным визитом в Париж и Лондон. Эта поездка должна была, по замыслу правящих кругов Югославии, подчеркнуть политику равновесия, которую проводило правительство Стоядиновича. Во время пребывания в Париже им было подписано соглашение о вторичном продлении договора о дружбе с Францией, заключенного еще в 1927 г. Однако югославское правительство сделало все, чтобы свести международное значение этого шага к простому акту традиции. Оно по-прежнему отрицательно отнеслось к предложению расширить рамки договора до пакта о взаимной помощи и оставляло открытым вопрос о дальнейшей политической ориентации Югославии. Попытки французского правительства оказать давление на М. Стояди-

новича (оттяжка заключения очень выгодного для Югославии торгового договора, платежное соглашение, предоставление кредита для перевооружения югославской армии и т. д.) ни к чему не привели¹⁵.

Совершенно иной характер носили переговоры Стоядиновича в Лондоне, где ему был оказан демонстративно теплый прием. Касаясь содержания и успехов, достигнутых при переговорах с Чемберленом, Иденом и другими членами английского правительства, югославский официальный журнал «Време» в номере от 16 октября 1937 г. отмечала, что Стоядиновичу легко удалось достигнуть «полного взаимопонимания с английскими государственными деятелями как в отношении вопросов Средиземного моря, так и вопросов Дунайского бассейна». Итоги этих переговоров, а также ряд других шагов югославской дипломатии показывали, что правительство М. Стоядиновича следует в фарватере английской внешней политики, так называемого «курса Чемберлена». Оно проводило профашистскую политику сближения Югославии с Германией и Италией на фоне ясно обозначившейся к этому времени мюнхенской политики западных держав.

Попытки югославского правительства играть на противоречиях между двумя империалистическими группировками в Европе были видны и на примере его отношения к антикоминтерновскому пакту, к которому в ноябре 1937 г. присоединилась Италия. Югославское правительство приветствовало его антисоветскую направленность и отмечало совпадение основных его целей с задачами своей политики. Однако сообщения о скором присоединении к этому пакту в числе других государств также и Югославии, появившиеся в немецкой и итальянской прессе, отражали лишь желание их авторов. Под антисоветской вывеской антикоминтерновского пакта скрывался блок фашистских государств, которые имели серьезные противоречия с западными державами. Поэтому правительство М. Стоядиновича, одобряя антикоммунистическую направленность пакта, все же заняло по отношению к нему выжидательную позицию.

Наиболее ясно тактику югославского правительства определила газета «Словенец», рупор министра внутрен-

¹⁵ АВП СССР, ф. 66 (обзор прессы), оп. 20, д. 9, ц. 23, лл. 135—136.

них дел А. Корошеца, в номере от 12 ноября 1937 г.: «Югославское государство намеренно держится вдалеке от всех крупных группировок среди великих держав и не желает быть втянутым в различные группировки, которые заключают между собой союзы и противосоюзы из-за противоречий в области мировоззрений». Но такая сдержанность была свойственна югославскому правительству лишь в отношении «идейных» противоречий между западными и фашистскими государствами. Когда же речь заходила о Советском Союзе, то правительство М. Стоядиновича категорически отказывалось восстановить с ним дипломатические отношения, указывая как на главное препятствие именно на идейные противоречия, и требовало «прекратить коммунистическую пропаганду» в Югославии.

Посещением Рима в декабре 1937 г. и Берлина в январе 1938 г. М. Стоядинович завершил свое дипломатическое турне по столицам великих европейских держав. Результаты переговоров наглядно свидетельствовали о курсе внешней политики югославского правительства. Оба фашистских государства оказали югославскому премьер-министру подчеркнуто торжественный прием. Наряду с признанием его «заслуг» эти демонстративные жесты отражали также и борьбу, которая велась между фашистскими странами за влияние на Югославию. Победителем из нее вышла Германия. Принятые ею меры (демпинговые цены на отдельные виды товаров и т. п.) не допустили усиления итальянских экономических позиций в Югославии. Германия прибрала также к рукам основные заказы Югославии, связанные с созданием в стране военной промышленности. Это больше всего беспокоило Францию, которая оказалась отстраненной от участия в вооружении Югославии.

Визит Стоядиновича в Берлин в середине января 1938 г. имел наиболее важное значение для дальнейшего направления югославской внешней политики. О значении, которое придавали этому визиту гитлеровские заправилы, можно было судить по поведению германской прессы. В немецких газетах помещались огромные статьи о «столетней германо-югославской дружбе». Стоядиновичу была устроена чрезвычайно пышная встреча. Целую неделю Берлин был увешан фашистскими флагами¹⁶. Особенно обхаживал

¹⁶ АВП СССР, ф. 82 (обзор прессы), оп. 22а, д. 5, п. 72, л. 17.

Стоядиновича Геринг. Он возил югославского премьера осматривать «крупнейший в мире» аэродром Темпельгоф, устроил в его честь воздушный и артиллерийский парад, организовал охоту в своих поместьях и т. д.¹⁷ За время своего недельного пребывания в Германии Стоядинович, кроме Берлина, посетил также Эссен, Мюнхен и Дюссельдорф.

Союзники Югославии отнеслись к визиту Стоядиновича в Германию крайне сдержанно. Особенно враждебным было отношение французской дипломатии¹⁸. Как сообщал болгарский посол из Берлина, ни один сотрудник французского посольства не вышел на вокзал встретить Стоядиновича¹⁹. Такая позиция Франции после неудачного для нее исхода визита Стоядиновича в Париж и Дельбоса в Белград не была удивительной.

17 января 1938 г. М. Стоядинович был принят в Берлине одновременно Гитлером, Герингом и Нейратом в присутствии посланников обеих стран²⁰. Этот прием был центральным моментом его пребывания в Германии. Переговоры затронули широкий круг вопросов общего международного положения и непосредственных отношений обеих стран. Давая общую оценку немецкой внешней политике и ее целям, Гитлер явно играл на слабых сторонах своего собеседника. Он подчеркивал, что «медленная большевизация Европы является величайшей опасностью современности», и подкреплял свои слова прозрачными ссылками на состояние внутренних дел во Франции и Чехословакии, а также в Испании. Гитлер уделил большое внимание габсбургской проблеме и говорил о «возможности попыток произвести реставрацию Габсбургов в Австрии». Он обвинял Габсбургов в том, что именно они портили в прошлом отношения между Германией и Сербией. Реставрация Габсбургов может вновь ввергнуть Центральную Европу в хаос и неизбежно вызовет легитимистские провокации. Отлично понимая, что он задел чувствительную струнку в душе собеседника, Гитлер тут же заверил его, что Германия не допустит такого поворота событий и в случае

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Europäische Politik 1933—1938 im Spiegel der Prager Akten». Essener Verlaganstalt 1941, Doc. 89, S. 81. (сообщение чехословацкого посланника в Париже Осуцкого от 20 января 1938 г.).

¹⁹ П. А р с о в. Указ. соч., стр. 356—357.

²⁰ DGFP, series D, vol. V, doc. 163, p. 222—229.

попытки габсбургской реставрации вмешается «с молниеносной быстротой»²¹.

Коснувшись отношений между двумя странами, Гитлер не поспешил на ластивые слова «об уважении к героическому сербскому народу» и уверял М. Стоядиновича, что Германия заинтересована в «сильной Югославии». Он повторил эти слова в различных вариациях несколько раз. Гитлер специально подчеркнул, что он наблюдает за югославской политикой «с особенно большой симпатией и с надеждой, что она обеспечит независимую и здоровую Югославию». На Балканах, утверждал он, Германия имеет только экономические интересы. Ее политические интересы не простираются дальше Австрии. И что бы ни случилось с Австрией, говорил Гитлер, недвусмысленно подразумевая аншлюс, «существующие югославские границы останутся такими же нерушимыми, как и существующая граница на Бреннере»²².

Югославо-венгерские отношения были предметом особого внимания в ходе переговоров. Гитлер старался рассеять все сомнения Стоядиновича и внушить ему, что венгерские претензии не страшны Югославии: они на 80% направлены против Чехословакии, на 16 — против Румынии и только на 4% — против Югославии. Он предлагал даже Германию в роли гаранта югославских границ от возможных венгерских претензий. Если же Венгрия попытается затронуть их, то в этом случае, как уже «откровенно» говорил венграм Геринг, «они должны ожидать появления эскадрилий германских бомбардировщиков над Будапештом». Свои доводы о безопасности для Югославии сближения с Венгрией Гитлер подкреплял соображениями о позиции Италии. По его словам, Италия пришла к выводу, что «в конце концов сильный югославский сосед лучше, чем Великая Венгрия, простирающаяся до Адриатического моря»²³.

Мы специально подробно остановились на гитлеровской аргументации во время германо-югославских переговоров, чтобы показать, какой широкой гаммой самой беззастенчивой демагогии, лжи, посулов, возбуждения несбыточных надежд и раздувания страхов пользовалась Германия в своей дипломатической игре с Югославией.

²¹ DGFP, series D, vol. V, doc. 163, p. 222—229.

²² Там же.

²³ Там же.

В ходе переговоров М. Стоядинович заявил со своей стороны, что «Югославия никогда и ни при каких обстоятельствах не присоединится к пакту, направленному против Германии, или к любой другой антинемецкой коалиции». Со времени первой мировой войны, продолжал он развивать свои мысли, «ничто так не отделяло Югославию от Германии, как французские очки. Югославия теперь сбросила эти очки»²⁴.

Давая понять, что не собирается препятствовать немецким намерениям в отношении Австрии, Стоядинович заверял, что для Югославии австрийский вопрос является «чисто внутренним германским делом» и что она никогда не будет выступать против желания народа «объединиться». В габсбургском вопросе Югославия «абсолютно согласна с Германией и готова, если необходимо, выступить вместе с ней». В то же время Стоядинович проявил сдержанность в отношении югославо-венгерского сближения и заявил, что венгерский вопрос составляет самую суть союза Малой Антанты и поэтому должен быть решен «в рамках Малой Антанты»²⁵. Однако, чтобы не создать ложного впечатления о поддержке им Малой Антанты, он тут же добавил, что выступает против всяких стремлений превратить ее в пакт о взаимной помощи.

Чтобы понять внешнюю политику Югославии в этот период, надо иметь в виду значительное влияние на нее со стороны Англии. При переговорах М. Стоядиновича в Берлине в январе 1938 г. незримо присутствовал дух Чемберлена. В беседе с Нейратом 15 января Стоядинович сам подробно остановился на этой теме и на впечатлениях от визита в Англию в октябре 1937 г. По его словам, он нашел тогда, что «Чемберлен самым серьезным образом желает соглашения» с Германией²⁶. Последовавшая сразу же за визитом Стоядиновича в Лондон поездка Галифакса в Берлин в ноябре 1937 г. укрепила югославских государственных деятелей в этом мнении. Среди них сложилось своеобразное разделение труда: Стоядинович проводил политику сближения с фашистскими государствами, а принц-регент Павел — с Англией. Создавалось впечатление, что в политике постоянных колебаний и двусмыслен-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, док. 162, стр. 221.

ностей они видели проявление высшей государственной мудрости.

Нежелание Югославии заходить в сближении с Германией дальше Англии и раньше ее сказалось на результатах визита Стоядиновича в Берлин. Сойдясь во мнении по австрийскому вопросу, что стало уже для них в известной степени традиционным, обе стороны не связали себя никакими новыми соглашениями. Как и прежде, Югославия не соглашалась идти на одностороннее заключение договора с Венгрией, на что ее наталкивала Германия. Все это дало основание дипломатическим кругам в Берлине считать, что визит М. Стоядиновича в Германию не принес руководителям третьей империи желаемых результатов ²⁷.

Тем не менее обе стороны рядом демонстративных жестов постарались подчеркнуть дружеские отношения между Германией и Югославией. Во время визита Стоядиновича в Берлин было решено повысить посланников обеих стран в ранг послов и открыть в Германии, в связи с развитием ее экономических отношений с Югославией, еще два югославских консульства—в Гамбурге и Мюнхене. Был решен также вопрос о подготовке германо-югославского соглашения о печати и культурном сотрудничестве.

Поездка Стоядиновича в Германию сопровождалась переговорами с руководителями немецкой экономики и с крупнейшими финансовыми и промышленными магнатами, в частности с Крупном фон Боленом. Экономические переговоры касались дальнейшего усиления влияния концерна Круппа в деле модернизации югославского металлургического и военного завода в Зенице. Ряд предложений со стороны «И. Г. Фарбениндустри» увеличивал степень его проникновения в югославскую химическую промышленность. Химический трест «Паулинг» получил разрешение на строительство азотной фабрики в Югославии с инвестированным капиталом в 45 млн. динаров. Было достигнуто решение о дальнейшем значительном повышении немецких импортных контингентов из Югославии и увеличении немецких закупок продукции югославской горной промышленности, особенно медных рудников. Со своей стороны Германия обещала поставить Югославии по клирингу вооружение, в частности торпедные катера

²⁷ АВП СССР, ф. 82, оп. 22а, д. 5, п. 72, л. 18.

для югославского флота. В результате этих соглашений Германия еще теснее привязывала к себе Югославию.

Итоги поездки Стоядиновича в Берлин показали, что она явилась новым шагом по пути сближения Югославии с гитлеровской Германией. Однако само югославское правительство старалось замаскировать дальнейший отход страны от союза с Францией и Малой Антантой. В высказываниях руководителей внешней политики Югославии еще продолжали раздаваться заверения в искренней дружбе с Францией и верности Малой Антанте, хотя они все более и более приходили в противоречие с их действиями. Визит французского министра иностранных дел И. Дельбоса в Белград в середине декабря 1937 г. проходил в атмосфере холодной официальности и формальности. В югославской прессе печатались инспирированные статьи, в которых всячески подчеркивалась самостоятельная линия югославской внешней политики «по польскому образцу». В выступлениях М. Стоядиновича на приемах в честь Дельбоса совершенно не упоминалась Лига Наций и не затрагивались идеи коллективной безопасности. Подписанный Дельбосом в Белграде франко-югославский торговый договор еще сильнее подчеркивал неблагоприятный для Франции итог ее отношений с Югославией. Предоставление Югославии больших экономических преимуществ свидетельствовало о чисто политических целях договора. Он не давал никаких гарантий даже французской военной промышленности в вопросе о поставках вооружения. В целом переговоры Дельбоса в Белграде не дали никаких положительных результатов.

Франция теряла позиции не только в Югославии. Визит Дельбоса в Варшаву и Бухарест был столь же безуспешным. Его попытка добиться укрепления связей с Малой Антантой окончилась провалом. К тому же он получил возможность убедиться, что Румыния также отошла от Малой Антанты. В Бухаресте, как сообщил Дельбос чехословацкому посланнику, ему прямо заявили, что Румыния, признавая свои союзнические обязательства, «будет в этих рамках стремиться к большей дружбе с Германией и Италией, так же как и Югославия»²⁸. Дельбосу не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в этом: во время его

²⁸ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939». Пер. с чешск. М., 1959, стр. 459—460.

пробывания в Бухаресте, 9 декабря 1937 г., был подписан германо-румынский торговый договор. Он был высоко оценен гитлеровской Германией, которая рассматривала его как краеугольный камень своей дальнейшей наступательной политики не только в Румынии, но и во всей Юго-Восточной Европе ²⁹.

Общность политической линии Югославии и Румынии привела к значительному сближению между ними. Постепенно в рамках Малой Антанты и Балканского пакта стала образовываться своеобразная ось Белград — Бухарест. Она подкреплялась также развитием экономических связей и сотрудничеством в области вооружений. Сближение между двумя странами стало еще заметнее с момента прихода к власти в конце декабря 1937 г. реакционного правительства во главе с О. Гога, которое повело политику открытой фашизации страны и расчистило путь к установлению 10 февраля 1938 г. королем Каролом монархо-фашистской диктатуры. Правда, между Румынией и Югославией существовали противоречия по вопросу об отношении к Венгрии. Румыния скептически относилась к возможности сближения Венгрии с Малой Антантой и была решительно против возможного двустороннего соглашения Югославии с Венгрией. Но обе страны были едины в своем отрицательном отношении к желанию Чехословакии опереться на Малую Антанту в борьбе против аншлюса Австрии и немецкой угрозы самой Чехословакии.

Аншлюс Австрии и отношение к нему Югославии. Обострение политической напряженности в Юго-Восточной Европе

Югославская точка зрения на аншлюс Австрии как на неприятную неизбежность оформилась задолго до того времени, когда он стал свершившимся фактом. Эта точка зрения складывалась в обстановке угрозы военного столкновения с Италией. По мнению руководителей югославской внешней политики, наибольшую опасность для страны представляла тогда реставрация Габсбургов в Австрии, находившейся под итальянским влиянием. В таких условиях присоединение Австрии к Германии рассматривалось как меньшее зло по сравнению с реставрацией.

²⁹ И. Н. Чемпалов. Германская экспансия на Балканах в 1933—1938 гг., стр. 81.

Как мы уже видели выше, эти взгляды послужили исходным пунктом югославо-германского сближения в начале 30-х годов.

Альтернатива — аншлюс или реставрация — продолжала доминировать во внешнеполитической концепции югославских правящих кругов даже тогда, когда угроза восстановления Габсбургов на австрийском престоле перестала быть актуальной. В то же время в политической обстановке произошел коренной поворот, под влиянием которого мотивировка югославских взглядов на неизбежность аншлюса превратилась в свою полную противоположность. Родившись под влиянием угрозы со стороны Италии, югославская точка зрения постепенно эволюционировала в направлении поисков противовеса растущему влиянию гитлеровской Германии на Балканах в лице Италии. В истории дипломатии найдется мало примеров такой быстрой метаморфозы. Этот процесс завершился к моменту подписания итало-югославского договора 25 марта 1937 г. Упомянутый выше аспект этого договора учитывался не только итальянской, но и югославской стороной.

«При всем своем германофильстве Стоядиновичу не чужды опасения перед лицом усиления пангерманизма, и поэтому в случае аншлюса он считает необходимым сближение между Италией, Югославией, Венгрией и Румынией», — говорил Чиано в беседе с венгерскими государственными деятелями еще в мае 1937 г.³⁰ По мере усиления экономической и политической экспансии Германии в направлении Юго-Восточной Европы эти настроения усиливались как в Италии, так и в Югославии. Руководители внешней политики обоих государств не делали большого секрета из существования подобных расчетов. О них, например, недвусмысленно, хотя и в шутиливой форме, говорил с австрийским посланником в Белграде Виммером И. Андрич, руководитель политического отдела югославского МИД, который нередко замещал Стоядиновича во время его отсутствий. Как знать, заявил Андрич в беседе с Виммером 17 декабря 1937 г., «не окажутся ли правы те голоса, все громче раздающиеся в дипломатических кругах в Риме, которые видят главную задачу итало-югославской дружбы в создании плотины против немецкого

³⁰ «Венгрия и вторая мировая война», док. 13, стр. 58.

нажима в сторону Адриатики»³¹. Однако дальше слов дело не шло, и никаких практических действий эти настроения за собой не влекли.

Возраставшая угроза независимости Австрии со стороны гитлеровской Германии ставила перед Югославией еще один вопрос, который был предметом специального интереса словенской буржуазии. Речь шла о возможных последствиях аншлюса для судеб словенского населения в Каринтии. Словенская буржуазия все еще не теряла надежды на то, что эта часть австрийской территории со словенским большинством населения рано или поздно тем или иным путем будет воссоединена с остальными словенскими землями в составе Югославии. Перспектива аншлюса рассматривалась в этих кругах как тяжелый удар по надеждам на объединение словенских земель, который если и не хоронил их окончательно, то по меньшей мере отодвигал на неограниченно долгий срок. Настроения националистических кругов словенской буржуазии проявлялись и на страницах главного органа клерикальной словенской народной партии газеты «Словенец». Гитлеровская политика в Австрии трактовалась ими в таких тонах, что это привело к запрещению распространения газеты «Словенец» в Германии³². Позиция словенской буржуазии создавала трудности для югославского правительства не только в плане отношений с Германией, но и в области внутренней политики, так как словенские клерикалы входили в правящий Югославский радикальный союз и в правительство и с их точкой зрения приходилось считаться.

Пассивная позиция Югославии в вопросе об аншлюсе Австрии не была, следовательно, проявлением ее незаинтересованности. Наоборот, аншлюс грозил серьезно ущемить ее интересы, хотя интересы отдельных групп югославской буржуазии были бы затронуты в различной степени.

Визит Стоядиновича в Германию в середине января 1938 г. окончательно предопределил отношение Югославии к аншлюсу Австрии как к чисто «внутригерманскому делу». Высказывания Стоядиновича после возвращения из Берлина прозвучали в ушах австрийского посланника как

³¹ ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 10, л. 214—215 (донесение Виммера из Белграда от 18 декабря 1937 г.).

³² «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt...», S. 549.

«сигнал тревоги»³³. Точка зрения Югославии полностью разошлась со взглядами ее союзников — Франции и Чехословакии. Больше того, позиция Югославии вызывала у них подозрения относительно того, насколько далеко зашла она в своих отношениях с Германией по австрийскому вопросу. Французский посланник в Белграде Бружер высказывал даже предположение о существовании широкого югославо-германского соглашения, касающегося Австрии, в котором вопрос о реставрации является лишь составной частью³⁴. Характерно, что Югославия ничего не предпринимала, чтобы рассеять опасения своих союзников.

Наиболее спокойно результаты визита Стоядиновича в Берлин и позиция Югославии по отношению к Австрии были восприняты Англией. Австрийский посланник сообщил из Белграда, что его английский коллега, сэр Р. Кэмпбелл, занял позу наблюдателя и ничем не собирается затруднять югославскую политику³⁵. То, чего не мог объяснить австрийский посланник, объясняют ставшие известными позднее документы. Они показали, что политика Югославии во многих вопросах, в том числе и в австрийском, совпадала с английской и шла в ее фарватере. Не удивительно поэтому, что английский посол спокойно наблюдал за таким курсом внешней политики Югославии.

Стоядинович возвратился из Берлина с уверенностью, что аншлюс Австрии не является вопросом ближайшего будущего³⁶. Это заблуждение было сознательно внушено ему немецкой дипломатией, назойливо убеждавшей его, что Германия желает мира в Центральной Европе. Однако оно продержалось недолго. Последовавшие в начале февраля 1938 г. изменения в руководстве гитлеровской Германии, в частности смещение Нейрата и замена его на посту министра иностранных дел Риббентропом, вызвали настороженность в югославских правящих кругах. Перемены в Германии были расценены в Югославии, как и во всем мире, как признаки надвигающегося нового обострения международной обстановки³⁷.

³³ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt...», S. 549.

³⁴ Там же, стр. 551.

³⁵ Там же, стр. 549, 555.

³⁶ Там же, стр. 549—550.

³⁷ Там же, стр. 551.

В период аншлюса Австрии Малая Антанта проявила свою полную недееспособность. Долгие усилия Германии, направленные на ее подрыв, принесли свои плоды. ■

События, связанные с аншлюсом Австрии, развивались быстро. Намерения Германии ни у кого не оставляли ни малейшего сомнения, и 21 января 1938 г. французский посланник запросил Стоядиновича, готова ли Югославия присоединиться к совместному с французским и английским правительствами протесту против возможного нарушения австрийской независимости. Ответ Стоядиновича был уклончив. Он заявил о необходимости консультации с союзниками Югославии по Балканскому пакту. При этом он добавил, что Югославия, по его личному мнению, вряд ли присоединится к протесту, если его не поддержит Италия. Гораздо определеннее выражался М. Стоядинович в беседе с немецким послом в Белграде. Сообщив ему о разговоре с французским посланником, Стоядинович сказал, что занял отрицательную позицию, сославшись на право наций на самоопределение³⁸. В целом же, по словам австрийского посланника в Югославии, на угрозу независимости Австрии в Белграде смотрели с «элегическим сожалением», но считали, что от Югославии нельзя требовать большего, чем готовы предпринять великие державы в защиту австрийской независимости³⁹.

Иное настроение царило в Праге. Известия о берхтесгаденском свидании Шушница и Гитлера 14 февраля 1938 г. создали в Чехословакии «почти невыносимое напряжение»⁴⁰. Там понимали, что вслед за Австрией наступит и ее черед. Действительно, в речи, произнесенной 20 февраля 1938 г. в рейхстаге, Гитлер откровенно высказал германские претензии на Судетскую область. Однако государственные деятели буржуазной Чехословакии пассивно ждали развития событий. Они даже не обратились к своим союзникам по Малой Антанте с предложением обсудить создавшееся положение.

Румыния также проявляла признаки нервозности. Не имея возражений против аншлюса Австрии, она резонно опасалась, что аншлюс может послужить началом больших перемен в Дунайском бассейне и на Балканах и в конце концов привести к серьезным осложнениям ее отношений

³⁸ Z. A v r a m o v s k i. Sukob interesa..., str. 23—24.

³⁹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt...», S. 552.

⁴⁰ U. E i c h s t ä d t. Von Dollfuss zu Hitler, S. 352.

с Венгрией и Болгарией. Ее опасения были изложены румынским министром иностранных дел Комненом на сессии Постоянного совета Балканского пакта, которая проходила с 25 по 27 февраля 1938 г. в Анкаре и специально обсудила вопрос об угрозе Австрии. В конечном счете мнение Комнена свелось к тому, что проблема аншлюса касается великих держав, что она крайне осложняет положение Чехословакии, а поэтому Балканскому пакту трудно высказывать свое суждение ⁴¹.

Сессия в конце концов разделила точку зрения М. Стоядиновича. Она сводилась к тому, чтобы выждать развития событий, выяснить позицию Италии, не высказывать раньше времени своих взглядов и не предпринимать ничего, что могло бы ускорить аншлюс ⁴². Конечно, такое решение не могло ни в какой степени повлиять на ход событий и было выгодно лишь Германии. Союзник же Югославии и Румынии — Чехословакия не получила даже слова ободрения. Роль Балканского пакта и Малой Антанты в международных делах была сведена к нулю. В то же время участие Югославии и Румынии в Балканском пакте представляло им дополнительные аргументы, чтобы уклониться от обязанностей, которые лежали на них как на членах Малой Антанты.

При оценке югославской внешней политики в это время ни в коем случае нельзя упускать из вида того влияния, которое оказывала на нее Англия. Издатели «Документов внешней политики Великобритании» позаботились, правда, о том, чтобы факты об английской политике того времени не предстали во всей своей наготе. Но шило все же вылезло из мешка. В книге американского историка Д. Гоптнера, вышедшей в 1962 г., помещен документ, проливающий свет на влияние английской политики на позицию Югославии в австрийском вопросе. Мы имеем в виду письмо принцу-регенту Павлу видного английского дипломата, бывшего посла в Белграде, занимавшего в то время пост английского посла в Берлине, Невилля Гендерсона, известного проводника мюнхенской политики. В этом письме, датированном 8 марта 1937 г. и трактовавшем вопрос об угрозе аншлюса Австрии, Гендерсон писал: «Самое большое, на что я надеюсь или когда-либо надеялся

⁴¹ Z. Augusta v s k i. Указ. соч., стр. 24.

⁴² Там же.

ся, это что Австрия удержит свою мнимую независимость на уровне довоенной Баварии. Но если в Берлине зазвонит звонок, в Вене должны будут в будущем отвечать на него»⁴³. Такое письмо одного из виднейших английских дипломатов, написанное всего за неделю до аншлюса, звучало как инструкция для Югославии, предрешая судьбу «бедной Австрии» (слова Н. Гендерсона).

13 марта немецкие войска вступили в Австрию, а 14-го югославское правительство опубликовало в связи с этим официальное заявление. В нем говорилось, что Югославия рассматривает аншлюс как «чисто внутреннее дело немецкого народа» и что она всегда была сторонником принципа объединения всех племен одного народа. «Югославия находится в дружеских отношениях с германской империей,— говорилось в заявлении.— Это определяет ее позицию теперь, когда империя стала ее непосредственным соседом»⁴⁴. Несколько дней спустя М. Стоядинович через немецкого посла поздравил фашистское правительство Германии с «возвращением» Австрии в лоно империи⁴⁵.

Западные державы — Англия и Франция — отделались чисто формальными протестами в связи с аншлюсом Австрии⁴⁶. Исчезновение австрийского государства с политической карты мира прошло, по выражению Народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова, «незамеченным для Лиги Наций»⁴⁷. Только Советский Союз поднял голос протеста против агрессивных действий гитлеровской Германии. В специальном заявлении, сделанном 17 марта 1938 г., Литвинов охарактеризовал аншлюс как «военное вторжение в Австрию и насильственное лишение австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости»⁴⁸. На этот раз, говорилось в заявлении, насилие совершено в центре Европы и создает опасность для всех европейских государств, и не только европейских. Особенно большая опасность

⁴³ J. B. H o p t n e r. Yugoslavia in Crisis. 1934—1941. New York, 1962, p. 100.

⁴⁴ «Dokumente zur Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland». Berlin, 1941, Dok. 21, S. 70.

⁴⁵ Z. A v r a m o v s k i. Указ. соч., стр. 25.

⁴⁶ M. A. W a t h e n. The Policy of England and France toward the «Anschluss» of 1938. Washington, 1954.

⁴⁷ «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, док. 46, стр. 124.

⁴⁸ Там же, док. 4, стр. 20.

создается для независимости «малых народов, неизбежное порабощение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства»⁴⁹. Советское правительство отмечало, что в первую очередь возникает угроза Чехословакии, и выражало готовность участвовать в коллективных действиях, которые «имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге Наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно,— пророчески говорилось в советском заявлении,— но сегодня время для этого еще не прошло...»⁵⁰

В тот же день, 17 марта 1938 г., это заявление как отражающее позицию Советского правительства было передано с сопроводительными нотами правительствам ряда стран, в том числе Великобритании, Франции, США и Чехословакии. Однако предложение Советского Союза было ими отвергнуто. В ответе Англии, например, говорилось, что предлагаемая Советским Союзом конференция для принятия «согласованных действий против агрессии не обязательно окажет, по мнению правительства его величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира»⁵¹. По сути дела это было продолжением старой политики умиротворения агрессора.

Малая Антанта никак не проявила себя в событиях, связанных с аншлюсом. Ее голос не слышался больше на международной арене. Ставка фашистских держав на Югославию как на основное орудие подрыва ее единства оказалась правильной. Предложение Чехословакии, сделанное уже после аншлюса, созвать внеочередную сессию Постоянного совета Малой Антанты для обсуждения создавшегося положения было также отклонено югославским правительством⁵². Конечно, было бы ошибочным считать политику Югославии единственной причиной того, что Малая Антанта потеряла всякое значение и лишилась способности к действиям, политика Румынии не в мень-

⁴⁹ Там же, стр. 21.

⁵⁰ Там же, стр. 22.

⁵¹ Там же, док. 4, стр. 19.

⁵² DGFP, series D, vol. I, doc. 390, p. 604.

шей мере была причиной ослабления Малой Антанты⁵³. Основную роль в этом процессе сыграла политика попустительства фашистским агрессорам, которую проводили западные державы — Англия и Франция. Именно их примеру следовали Югославия и Румыния в политике сближения с гитлеровской Германией. Аншлюс Австрии нанес смертельный удар Малой Антанте. Она еще сохраняла некоторое значение только как известная гарантия против венгерских требований ревизии границ. Но и здесь ее значение продолжало уменьшаться день ото дня. Отсутствие единства между Чехословакией, Румынией и Югославией проявлялось также и в этом вопросе. О какой-то единой точке зрения стран Малой Антанты уже нельзя было говорить.

* * *

Аншлюс Австрии резко изменил положение в Юго-Восточной Европе и оказал разностороннее воздействие на политику и экономику балканских стран.

В политическом отношении аншлюс прежде всего сказался на падении престижа западных стран, в первую очередь Франции, которая в течение долгих лет выступала его решительным противником. Теперь же выяснилось, что за красивыми словами французских дипломатов скрывалось бессилие или нежелание французского правительства воспрепятствовать агрессивным действиям Германии. Становилось ясным, что оно ничем не сможет помочь также своим союзникам на Балканах. Вера в силу и добрые намерения Франции потерпели крах. Другой стороной политических последствий аншлюса был огромный рост германского влияния на Балканах. Германия на деле показала не только бессилие западных держав, но и продемонстрировала свою силу и агрессивность. Версальская система в Дунайском бассейне и на Балканах рушилась.

Аншлюс вызвал заметный рост настроений в пользу ревизии мирных договоров в Венгрии и Болгарии. Дипломатия обеих стран решительно ставила вопрос о признании их прав вооружаться, хотя политика развития вооруженных сил уже давно проводилась как Венгрией, так и

⁵³ E. C a m p u s. Le rôle de la Roumenie dans le désagrégation de la Petite Entente. Bucarest, 1955.

Болгарией. Теперь же они еще больше активизировали свои действия. Было очевидно, что ни Малая Антанта, ни Балканский пакт не в силах помешать их намерениям. Беспокойство за будущее заставляло наращивать свои вооруженные силы также и другие страны — Румынию, Югославию, Грецию и Турцию. Аншлюс значительно усилил гонку вооружений на Балканах.

Наиболее значительным последствием аншлюса было изменение военно-стратегического положения в Европе и на Балканах. Аншлюс усилил Германию в военном отношении, увеличил ее промышленный потенциал и дал ей огромные стратегические преимущества. Ее южные границы были защищены теперь Альпами, представлявшими собой природную крепость. Но наиболее ценным для Германии было то, что она вышла на просторы Венгерской равнины и заняла выгодные позиции по отношению ко всем соседним странам на Юго-Востоке. Отныне Германия стала непосредственным соседом Югославии, с которой она получила общую границу протяженностью в 140 км⁵⁴, а также Венгрии. В особенно тяжелом положении оказалась Чехословакия: ее территория была охвачена гитлеровской Германией с трех сторон и взята в клещи. Положение Чехословакии осложнялось еще тем, что с юга, со стороны Австрии, подпавшей теперь под власть гитлеровцев, ее границы не были укреплены.

Немалую стратегическую роль играло для Германии обладание Веной, крупнейшим узлом путей сообщения в Юго-Восточной Европе, связанным железнодорожным и речным сообщением со всеми землями, которые входили в свое время в состав Австро-Венгрии. Контроль над путями сообщения давал Германии не только стратегические, но и экономические выгоды, облегчая ее проникновение в страны Юго-Восточной Европы.

В экономическом отношении аншлюс имел двоякое значение для Германии. С одной стороны, он усилил ее экономическую самостоятельность, так как природные ресурсы Австрии частично удовлетворяли некоторые потребности немецкого народного хозяйства. Это сказалось на торговых отношениях Германии с балканскими странами. Так, она сократила свои закупки леса в Югославии, ибо могла использовать австрийские излишки леса, а также

⁵⁴ АВП СССР, ф. 82, оп. 22а, д. 5, л. 49.

уменьшила ввоз магнетита из Греции после захвата австрийских рудников ⁵⁵. С другой стороны, аншлюс дал ей возможность усилить экономическое влияние в Юго-Восточной Европе. Прежде всего еще больше увеличилась внешнеторговая зависимость балканских стран от Германии, которая поглотила теперь ту долю их внешней торговли, которая до того времени приходилась на Австрию.

Однако простое арифметическое сложение не дает полного представления о возросшей роли Германии как экономического партнера балканских стран. Дело обстояло гораздо сложнее. Аншлюс значительно увеличил емкость немецкого рынка. Захватив австрийскую промышленность, которая до тех пор использовала лишь часть своих производственных мощностей, гитлеровская Германия смогла за ее счет повысить производство товаров, необходимых для ответных поставок странам Юго-Восточной Европы. Это имело огромное значение для Германии, торговавшей на основе клиринговых соглашений. Милитаризация ее экономики вызывала нехватку товаров широкого потребления, что создавало большие трудности для внешнеторговых расчетов и заставляло ее даже ввозить на Балканы товары западноевропейского производства. Аншлюс Австрии создал более благоприятные условия для расчетов с балканскими странами. Кроме того, Германия получила возможность широко пользоваться услугами австрийских торговых фирм, имевших старые налаженные связи на Юго-Востоке Европы.

Контроль над австрийской кредитно-банковской системой предоставил австрийские капиталовложения на Балканах в распоряжение Германии и позволил ей увеличить свое влияние и в этой области. Однако по размерам капиталовложений Германия значительно уступала западным странам. Объем их капиталовложений (в промышленность, банки и государственные займы) в странах Юго-Восточной Европы в 1938 г. виден из следующей таблицы ⁵⁶ (в млн. долларов по курсу 1937 г.) на стр. 221.

Приведенные данные показывают, что Англия и Франция располагали примерно тремя пятими общей суммы иностранных капиталовложений в странах Юго-

⁵⁵ Z. A u g a m o v s k i. Указ. соч., стр. 21—22.

⁵⁶ Таблица составлена на основании материалов книги: К. Льюис. Страны-должники и страны-кредиторы. 1938—1944. Пер. с англ. М., 1947.

Государства	Иностранное капиталовло- жение в 1938 г. (в млн. долл.)	В том числе		
		Англия	Франция	Германия
Болгария	110	48,9	22,5	1,5
Венгрия	369	86,6	32,6	46
Греция	486	282	66	55,4
Румыния	650	215	83,6	75
Турция	590	185	299	Нет данных
Югославия	311	25,5	120	2,8
Всего	2516	843,0	623,7	180,7

Восточной Европы. Их совместное участие примерно в 8 раз превышало сумму капиталовложений Германии. Английские и французские империалисты продолжали прочно держать в своих руках основные сырьевые ресурсы балканских стран: румынскую нефть, югославские цветные металлы и т. д. Обладая ключевыми позициями в экономике, они могли оказывать влияние на политику правительств этих стран, которое в значительной мере уравнило их внешнеторговую зависимость от Германии.

После аншлюса Австрии Германия уже располагала на Балканах в целом более сильными позициями, чем западные страны. Опираясь на них, она развернула новое экономическое и политическое наступление на Юго-Востоке Европы. Состояние мировой экономики благоприятствовало ее планам и на этот раз. С начала 1938 г. промышленное производство и торговля капиталистических стран вновь вступили в полосу кризиса. В таких условиях политика немецкой экономической экспансии сопровождалась шумной пропагандой о якобы неразрывной связи процветания балканских стран с развитием их торговли и экономического сотрудничества с Германией.

Рост немецкой торговли с балканскими странами в первом полугодии 1938 г. на сей раз не вел к увеличению клиринговой задолженности Германии. Наоборот, она уменьшилась за счет австрийского активного сальдо, которое в значительной мере сбалансировало немецкие долги, и экспорта австрийских промышленных товаров ⁶⁷. Однако

⁶⁷ A. B a s c h. Op. cit., p. 205.

это было временным явлением. Усиленный импорт из балканских стран в условиях продолжавшейся милитаризации немецкой экономики привел вскоре к новому, еще большему росту задолженности Германии. Так, если еще задолженность Югославии упала в июне 1938 г. до 10 млн. рейхсмарок, то к ноябрю 1938 г. она вновь увеличилась и достигла суммы в 24 млн ⁵⁸.

Одним из средств, стимулировавших развитие торговли Германии с балканскими странами, служили ежегодные немецкие ярмарки. Среди них выделялась ярмарка в Бреслау, которая с 1934 г. была превращена в выставку стран Юго-Восточной Европы и играла исключительно важную роль в немецкой торговой экспансии на Балканах. Ярмарки, ставшие, по выражению немецкого экономиста Р. Кругманна, «орудием новой торговой политики», в 1938 г. были организованы с особенно широким размахом. На весенней международной ярмарке в Лейпциге все страны Юго-Восточной Европы были представлены с исключительной полнотой ⁵⁹.

Большое значение приобрела уже в 1938 г. Венская ярмарка, которая теперь, после аншлюса Австрии, стала конкурентом ярмарки в Бреслау. Вена все больше превращалась в «ворота на Юго-Восток для Великой Германской империи» ⁶⁰.

Германская экспансия на Балканах в 1938 г. сопровождалась выдвижением проектов и планов строительства новых путей сообщения, которые дали бы толчок укреплению экономических связей с балканскими странами. Наибольшее внимание уделялось планам превращения Дуная в мощную транспортную артерию, которую предстояло связать с Германией каналом Рейн — Майн — Дунай, а также каналом Дунай — Эльба — Одер и др. ⁶¹ В случае осуществления этих планов Северное и Балтийское моря были бы связаны водными путями с Черным морем. В немецкой прессе в течение 1938 г. шумно обсуждались также другие проекты строительства различных железнодорожных линий и шоссейных дорог. Все эти планы в конечном

⁵⁸ «Survey of International Affairs, 1938», vol. I. London, 1941, p. 48.

⁵⁹ R. K r u g m a n n. Südosteuropa und Grossdeutschland, S. 192.

⁶⁰ Там же, стр. 190.

⁶¹ Там же, стр. 193—200.

итоге преследовали цель превратить Балканы в немецкий хинтерланд.

Экономический «натиск на Юго-Восток» принял после аншлюса Австрии такие размеры, что западные державы не могли уже больше продолжать смотреть на него сквозь пальцы. Балканские проблемы обсуждались во время англо-французских переговоров 28—29 апреля 1938 г. в Лондоне между Чемберленом и Галифаксом, с одной стороны, и Даладье и Боние — с другой. Обе стороны решили активизировать свои экономические усилия в Дунайском бассейне, в частности, путем закупок излишков зерна в балканских странах ⁶².

Попытки западных держав и Италии усилить свои экономические позиции на Балканах и ослабить немецкое влияние носили чисто политический характер. Наиболее энергичные усилия в этом направлении были предприняты Англией, хотя они не достигали таких размеров, которые оправдывали бы название «экономического наступления», применявшееся в немецкой литературе по отношению к английским действиям. В английской книге «Обзор международных отношений в 1938 г.» они характеризуются как «искусственные меры», направленные против «естественного [!] участия» Германии в торговле со странами Юго-Восточной Европы ⁶³. Эти меры, действительные или мнимые, получили широкую огласку в немецкой прессе, которая ревностно следила за каждым шагом западных держав на Балканах.

Усилия Англии увеличить свою торговлю с балканскими странами натолкнулись на большие трудности. Немецкое экономическое проникновение превратило Балканы в район, где цены на товары стояли значительно выше цен мирового рынка, особенно на нефть и зерно ⁶⁴. Создавшееся положение сознательно поддерживалось Германией для защиты ее монопольного положения на рынках Юго-Восточной Европы. Так, в течение 1938 г. Югославия продала Германии 125 тыс. т пшеницы по цене 191 динар за центнер, в то время как общий экспорт ее пшеницы дал среднюю цену в 155 динаров за центнер. Мировые же цены были значительно ниже и даже имели тенденцию к падению. В Ливерпуле, например, они упали за этот же

⁶² «Survey of International Affairs, 1938», vol. I, p. 46.

⁶³ Там же, стр. 44.

⁶⁴ «The Great Britain and the East», 14.VII 1938, p. 35.

период с 85 до 53 динаров за центнер⁶⁵. Аналогичным было положение и в Венгрии, где Германия платила 20, а Италия — 18 пенго за центнер, в то время как в Роттердаме цены колебались между 8 и 10 пенго⁶⁶.

Искусственные условия, созданные Германией и Италией на балканских рынках, делали экономически невыгодной и нерентабельной торговлю других государств со странами Юго-Восточной Европы. Тем не менее Англия уже весной 1938 г. предприняла ряд мер для увеличения своей торговли в этом районе. Так, в апреле 1938 г., еще до падения мировых цен на зерно, она заключила с Югославией договор о покупке 200 тыс. т зерна⁶⁷. В результате такой крупной сделки Англия в этом месяце вышла на первое место во внешней торговле Югославии: ее импорт составил 117 млн. динаров, или 30% всего югославского вывоза в апреле 1938 г.⁶⁸

Увеличение импорта из стран Юго-Восточной Европы сопровождалось увеличением английских капиталовложений в румынскую нефтедобывающую промышленность, в югославские рудники и т. д.⁶⁹ В начале июня 1938 г. Англия приступила к созданию специального комитета из представителей нескольких заинтересованных министерств для развития торговли с балканскими странами. В его задачу входило также и изучение условий рынка, которые были недостаточно известны англичанам. Для этого в Югославию, например, был послан представитель англо-югославской торговой палаты в Лондоне У. Стивенс, поездка которого привлекла внимание прессы⁷⁰. Несколько позднее, в октябре 1938 г. после долгой подготовки в Загребе открылась англо-югославская торговая палата.

Параллельно с английскими усилиями активизировалась также французская политика на Балканах. Она выразилась, в частности, в заключении в марте 1938 г. торгового соглашения с Румынией, которое, однако, оказалось малоэффективным⁷¹. Франции не удалось укрепить свое влияние на Балканах.

⁶⁵ «Survey of International Affairs, 1938», vol. I, p. 61.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ A. B a s c h. Указ. соч., стр. 205.

⁶⁸ «The Great Britain and the East», 9.VI 1938, p. 623.

⁶⁹ Z. A v r a m o v s k i. Указ. соч., стр. 29.

⁷⁰ H. B ö t t n e r. England greift nach Südosteuropa. Wien — Leipzig, 1939, S. 113.

⁷¹ «Survey of International Affairs, 1938», vol. I, p. 67.

Известное сотрудничество Англии и Франции на Балканах в 1938 г. наиболее четко проявилось в Турции и принесло в скором времени ощутимые плоды. Западные державы всячески поддерживали и поощряли политику отхода турецкого правительства от дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и старались вовлечь Турцию в свою орбиту. В мае 1938 г. Англия представила турецкому правительству крупный заем общей суммой в 16 млн. фунтов стерлингов ⁷². Вслед за этим в июле 1938 г. последовало заключение франко-турецкого договора о дружбе, который закрепил влияние западных держав на политику страны. Турция все больше и больше становилась выразительницей англо-французских интересов на Балканах. Поездка турецкого министра иностранных дел Р. Араса летом 1938 г. в Бухарест и Будапешт подтвердила это в полной мере.

Аншлюс Австрии серьезно усложнил политическую обстановку на Балканах. Италия вынуждена была смириться с аншлюсом только в силу обстоятельств, так как она ничем не могла помешать ему. Последовавший вслед за этим новый нажим Германии на страны Юго-Восточной Европы вызвал у нее ревнивое отношение к немецким успехам. Ее недовольством попытались воспользоваться западные державы. Заключенное 16 апреля 1938 г. англо-итальянское соглашение содержало признание Англией итальянского суверенитета над Эфиопией, улаживало колониальные споры двух держав в Африке и приносило Испании в жертву фашистским государствам ⁷³. По тем же вопросам в апреле-мае 1938 г. велись переговоры между Францией и Италией ⁷⁴. Уступки в пользу Италии объяснялись желанием западных держав, вместо решительной борьбы с агрессивной политикой Германии, пойти по линии наименьшего сопротивления и попытаться использовать противоречия фашистских держав на Балканах.

Лишившись после аншлюса своих наиболее значительных позиций на Балканах, Италия попыталась компенсировать эту потерю дальнейшим сближением с Югославией, Венгрией и улучшением отношений с Румынией. 24 марта, сразу же после аншлюса, Чиано выразил через югославского посла в Риме желание встретиться со Стоядиновичем.

⁷² Z. A u g a t o v s k i. Указ. соч., стр. 31.

⁷³ «История дипломатии», т. III, стр. 619—620.

⁷⁴ «Survey of International Affairs, 1938», vol. I, p. 152—158.

При этом он прямо намекал на аншлюс как на дополнительную причину, побуждающую его укреплять Белградский пакт ⁷⁵. Ответ югославского правительства был положительным: оно вскоре сообщило о своем желании согласовать свою политику с политикой Италии в отношении возможных действий Германии против Чехословакии ⁷⁶. На деле это означало отказ от обязательств в отношении своего союзника — Чехословакии. Итальянская дипломатия делала все возможное, чтобы использовать это обстоятельство и попытаться усилить свое влияние в Югославии. К этому ее вынуждало также и недоверие к немецким планам на Балканах. Италия не собиралась добровольно согласиться с тем, что впредь в Юго-Восточной Европе главную роль будет играть Германия, и плела сложную сеть интриг. Наличие германо-итальянских противоречий на Балканах подтвердил визит Гитлера и Риббентрона в Рим в начале мая 1938 г.

Предложенный итальянской стороной проект соглашения о разграничении сфер влияния в Дунайском бассейне был отвергнут немцами ⁷⁷. В отношении же немецко-чехословацкого конфликта Италия намечала занять нейтральную позицию, которая позволила бы ей сыграть роль европейского арбитра, что подняло бы ее престиж. В качестве своего основного орудия в этой игре Италия делала ставку на хортистскую Венгрию ⁷⁸.

На Югославию аншлюс Австрии оказал многостороннее воздействие. Если правящие круги стремились принизить его непосредственное значение для страны и запретили в связи с этим публиковать любые критические высказывания в печати, общественное мнение расценило аншлюс как прямую угрозу Югославии. Буржуазная оппозиция в Хорватии и Сербии организовала ряд митингов солидарности с Чехословакией. Среди словенской буржуазии все сильнее проявлялось беспокойство за судьбу словенского национального меньшинства в Каринтии, а также в связи с возможностью дальнейшего немецкого продвижения в направлении Адриатического моря ⁷⁹.

⁷⁵ «Ciano's Diary 1937—1938». London, 1952, p. 93.

⁷⁶ Там же, стр. 101.

⁷⁷ И. Н. Б о ч а р о в. Итало-фашистская дипломатия и мюнхенский сговор. «Новая и новейшая история», 1962, № 1, стр. 76.

⁷⁸ Там же, стр. 78.

⁷⁹ Z. A v r a m o v s k i. Указ. соч., стр. 25.

В Любляне после аншлюса произошли даже антинемецкие демонстрации⁸⁰. В изданном в связи с аншлюсом воззвании КПЮ указывала на грозящую Югославии опасность со стороны Германии и Италии.

Затаенное беспокойство испытывали и правящие монархо-фашистские круги Югославии. Аншлюс вызвал обострение национальных противоречий в стране. Резко активизировало свою деятельность немецкое национальное меньшинство. Его руководство, находившееся в Югославии под контролем национал-социалистических элементов, выступило с рядом заявлений, которые по форме и содержанию напоминали провокационные требования генлейновцев⁸¹. Эти действия вызвали ответную реакцию в правительственных сферах. Весной и летом 1938 г. югославские власти приняли меры против нацистской агитации среди немецкого нацменьшинства в Югославии со стороны немцев, приехавших из Германии. Ряд немцев — югославских подданных — был арестован, а подданные Германии — высланы из страны⁸². Небезынтересно отметить, что гитлеровская Германия, заинтересованная в то время в Югославии и ее позиции в связи с обострением германо-чехословацких отношений, никак не реагировала на эти действия.

С другой стороны, в Югославии вновь оживилось политическое течение, стремившееся к разрешению хорватского вопроса путем сговора с хорватской буржуазией. В новых условиях нерешенный хорватский вопрос мог послужить предлогом для вмешательства во внутренние дела Югославии со стороны фашистских держав. Вытекавшая отсюда опасность заставляла правящие круги искать выхода как в области внутренней, так и в области внешней политики.

Действия югославской дипломатии в этот период говорили о том, что правительство Югославии искало решения новых трудностей старыми способами. Так, с одной стороны, оно избегало предпринимать какие-либо шаги, которые могли вызвать раздражение у Германии и Италии. С другой стороны, оно старалось укрепить свое положение улучшением отношений с Англией, проявлявшей заинтере-

⁸⁰ DGFP, series D, vol. V, doc. 185, p. 260 f.

⁸¹ «The Great Britain and the East», 12.V 1938, p. 511.

⁸² DGFP, series D, vol. V, doc. 215, p. 294.

ресованность в Балканах. Этим можно объяснить тот факт, что заключение англо-итальянского соглашения 16 апреля 1938 г. наиболее благоприятные отклики из всех балканских стран получило в Югославии ⁸³.

Значительный интерес представляет оценка создавшегося для Югославии после аншлюса военно-стратегического положения со стороны югославского генерального штаба. 13 мая 1938 г. в Белграде состоялось заседание под председательством военного министра. Проанализировав сложившуюся обстановку, оно определило Германию как наиболее опасного и вероятного врага Югославии. Этот вывод был в высшей степени знаменателен, так как до того времени наиболее вероятным противником в югославских военных кругах продолжали считать Италию. Новая оценка обстановки заставила сделать соответствующие коррективы в военно-стратегических планах. Задачей первостепенной важности была признана срочная необходимость укрепления границ против Германии, а строительство укреплений на границе с Италией отодвинуть на более поздний срок ⁸⁴. Принятие этих решений югославским генеральным штабом отражало его беспокойство и недоверие к политическим целям гитлеровской Германии.

В вопросе об обязательствах перед другими участниками Малой Антанты югославское правительство проявляло большую сдержанность. Характеризуя позицию Югославии в отношении Чехословакии, Стоядинович писал 14 апреля 1938 г. югославскому посланнику в Прагу: «Точно придерживаться данных обязательств. Ничего сверх них, ничего меньше них» ⁸⁵. Такая формулировка, которая на первый взгляд казалась решительной и говорила как будто о верности союзническому долгу, на деле означала совсем другое. «Точные обязательства» Югославии, сведения к букве договора, ограничивались оказанием помощи Чехословакии только в случае прямого нападения на нее со стороны Венгрии. Заняв такую «решительную» позицию, югославское правительство ничем не рисковало. Реальная опасность угрожала Чехословакии только со стороны Германии, которая использовала венгерские претензии, как дополнительное средство дипломатического

⁸³ «The Great Britain and the East», 28.IV 1938, p. 456.

⁸⁴ J. B. Hoptner. Указ. соч., стр. 114—115.

⁸⁵ Z. Avramovski. Указ. соч., стр. 49.

шантажа. Но именно здесь югославское правительство проявляло иезуитское лицемерие и советовало Чехословакии «прийти к соглашению» с Германией и установить с ней «отношения доброго соседства». «Как настоящие и искренние друзья Чехословакии, — писал Стоядинович, — мы никогда не могли советовать ей иного пути, чем путь соглашения, точно так же, как и мы пошли тем же путем в наших отношениях с Италией и Болгарией»⁸⁶. Давая такие советы, Стоядинович, конечно, отлично понимал, что их выполнение невозможно, ибо Германия стремилась не к соглашению, а к захвату Чехословакии.

Те же мысли высказывал Стоядинович и на сессии Постоянного совета Малой Антанты, который собрался в Синае 4—5 мая 1938 г. Судето-немецкую проблему он охарактеризовал как внутривосточный вопрос, давая тем самым понять, что он не входит в компетенцию Малой Антанты⁸⁷. Поэтому основное внимание сессия уделила вопросу об отношениях с Венгрией, который касался всех трех стран Малой Антанты. Было решено активизировать с ней переговоры, которые способствовали бы установлению «взаимопонимания и доверия» в Дунайском бассейне. Характерно, что в этом вопросе значительную активность проявила английская дипломатия. Она настоятельно рекомендовала Чехословакии, Румынии и Югославии достигнуть соглашения с Венгрией по вопросу о положении венгерских национальных меньшинств⁸⁸.

Вопрос об отношениях с Венгрией стал центральным для стран Малой Антанты летом 1938 г. Югославская политика в этом вопросе становилась все более и более пронемецкой, промюнхенской, античешской. Вместе с тем все больше углублялась пропасть между официальной линией правительства и настроениями югославских трудящихся масс. Даже в буржуазных кругах, поддерживавших правительство, начали прислушиваться к голосам, указывающим на угрозу, которую создает политика Стоядиновича для безопасности страны.

⁸⁶ Z. A v g a m o v s k i. Указ. соч., стр. 50.

⁸⁷ DGFP, series D, vol. V, doc. 199, p. 274—275.

⁸⁸ Там же, стр. 275.

**Югославо-венгерские отношения
и Малая Антанта.
Бледское соглашение (август 1938 г.)**

Вопрос о взаимоотношениях Венгрии с Югославией, Румынией и Чехословакией всегда служил для Германии одним из средств подрыва Малой Антанты изнутри. Для этого она всячески поддерживала идею сближения Югославии с Венгрией, причем последняя выражала готовность отказаться от каких-либо притязаний на югославскую территорию и признать существующую границу окончательной в обмен на югославский нейтралитет в случае конфликта с Чехословакией ⁸⁰. Однако как Германия, так и Венгрия не торопились полностью раскрыть свои карты югославскому правительству. Несмотря на одобрительное отношение к профашистской политике Стоядиновича, они все же испытывали к нему известное недоверие и считали, что «все, что сообщается Стоядиновичу, через 48 часов становится известно в Париже и Праге» ⁸⁰. Кроме того, Германия своей политикой игры на югославо-венгерских противоречиях старалась оказать давление на обе стороны. Неясность их отношений была выгодна немцам. Недаром венгерский посланник сделал Риббентропу упрек, что «позиция Германии несколько противоречива» ⁸¹.

Предпринимаемые германской дипломатией маневры были рассчитаны на то, чтобы устранить или по крайней мере свести к минимуму итальянское участие в сближении Югославии и Венгрии. Противоречия Германии с Италией в этом вопросе ясно проявились уже в конце 1936 г., сразу же после образования оси Рим — Берлин. Вспыхнувшая тогда полемика между немецкой и венгерской прессой сделала эти противоречия достоянием гласности. В статье А. Розенберга в нацистской газете «Фолькишер Беобахтер» от 15 ноября 1936 г., которая появилась в период пребывания Чиано в Будапеште, содержались нападки на венгерские требования ревизии границ. Германия, говорилось в этой статье, не намерена идти «на

⁸⁰ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.). М., 1946, стр. 42—43 (далее: Германская политика в Венгрии...).

⁸⁰ Там же, стр. 43.

⁸¹ Там же, стр. 51, 73.

поводу» у венгерской ревизионистской политики⁹². В статье давалось понять, что в отношении территориальных перемен итальянская поддержка ничего не принесет Венгрии. Писания нацистских газет не оставляли сомнения в том, что Германия не допустит югославо-венгерского сближения под эгидой Италии.

Гитлеровская пресса не останавливалась даже перед тем, чтобы подставить ножку своему союзнику Италии и поссорить ее с Венгрией и Югославией, а последние — между собой. С этой целью газета «Ангрифф» писала в ноябре 1936 г. «о чрезмерном оптимизме венгров», который зашел «настолько далеко, что они надеются на подарок им Италией Фиуме»⁹³. Тактика германской дипломатии в отношении Венгрии говорила о том, что она хотела поставить себе на службу политику хортистского режима и использовать ее территориальные претензии как средство нажима на страны Малой Антанты. С этой целью Германия предлагала Венгрии ограничить свои претензии и направить их исключительно против Чехословакии. Однако хортистская Венгрия проявляла определенную строоптивость и неохотно шла на ограничение своих претензий к Югославии и Румынии, что вызывало постоянные трения между нею и Германией.

Венгрия ревниво следила за немецкой политикой сближения с Югославией. Это ясно проявилось во время поездки Нейрата в июне 1937 г. по странам Юго-Восточной Европы. Во время его пребывания в Будапеште министр иностранных дел Венгрии Каня упрекал Нейрата в том, что Германия своей политикой пробудила у югославов «своего рода манию величия»⁹⁴. В результате Югославия, по мнению Каня, заняла более жесткую позицию в отно-

⁹² АВП СССР, ф. 56 (обзор прессы), оп. 8, д. 3, п. 108, л. 128. Эта статья А. Розенберга произвела в венгерских правящих кругах впечатление разорвавшейся бомбы. Помимо многочисленных откликов в печати, она явилась предметом обсуждения в венгерском парламенте. В ноябре 1937 г., т. е. год спустя после ее появления, о ней вновь зашла речь в беседе с Герингом венгерского премьер-министра Дараньи и министра иностранных дел Каня во время их визита в Берлин. Геринг объяснял появление этой статьи желанием Розенберга привлечь на сторону Германии крайне правые партии в Румынии («Венгрия и вторая мировая война», док. 15, стр. 65—66).

⁹³ АВП СССР, ф. 56 (обзор прессы), оп. 8, д. 3, п. 108, л. 134.

⁹⁴ ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 155—159 (запись Нейрата от 12 июня 1937 г. о беседах с Каня и Дараньи. RM-441).

нении Венгрии, несмотря на желание последней пойти ей навстречу.

Позиция Венгрии имела особое значение для немецкой политики по отношению к Малой Антанте. Эта политика в значительной мере строилась на учете югославской позиции в том виде, как изложил ее Стоядинович Нейрату летом 1937 г. «Малая Антанта удерживается вместе только из-за неразумной венгерской политики, — говорил тогда Стоядинович. — Если Венгрия прекратит стремиться к ревизии во все стороны, то отпадет единственная причина для объединения государств Малой Антанты. Как только Венгрия договорится с Югославией, он, Стоядинович, не будет больше заинтересован в Малой Антанте»⁹⁵. Стремясь к подрыву Малой Антанты, Германия содействовала сближению Венгрии с Югославией. Во время визита венгерских государственных деятелей в Берлин в ноябре 1937 г. Геринг внушал им, что, по мнению Гитлера, с Югославией «необходимо восстановить полное взаимопонимание даже ценой больших жертв»⁹⁶. Однако несмотря на готовность Венгрии достичь соглашения, немецкие усилия в течение довольно длительного времени не приносили положительных результатов: Югославия заняла уклончивую позицию и не шла на заключение двустороннего соглашения.

В отношениях между Венгрией и Румынией позиция Германии была иной. В целях изоляции Чехословакии и раскола Малой Антанты немецкая дипломатия настаивала, чтобы Венгрия не выдвигала территориальных претензий к Румынии и отложила бы их на более позднее время.

Аншлюс Австрии придал вопросу о венгеро-югославском сближении особую остроту. Как и прежде, каждая из сторон связывала с этим вопросом свои интересы. Усиление Германии и вызванное этим изменение соотношения сил в Европе усилили опасения Италии за свои позиции. Чтобы создать известный противовес растущему влиянию Германии, она еще накануне аншлюса изучала «вопрос о необходимых превентивных мероприятиях»⁹⁷. Точка зрения итальянской дипломатии была уже определена:

⁹⁵ Запись беседы Нейрата со Стоядиновичем 7 июня 1937 г. ИДА, микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 62, негатив 7, позитив 7, кадры 141—146.

⁹⁶ «Венгрия и вторая мировая война», док. 15, стр. 66.

⁹⁷ Там же, док. 17, стр. 68.

она сводилась к идее необходимости сближения между Италией, Югославией, Венгрией и Польшей.

Хортистская Венгрия разделяла эту идею, но считала, что какую бы форму ни приняло сотрудничество названных государств, они «должны будут проводить дружественную политику по отношению к Германии»⁹⁸. Для осуществления этого замысла отношения между Югославией и Венгрией приобретали особое значение. Данный аспект венгеро-югославского сближения нельзя упускать из поля зрения, хотя, бесспорно, он не играл главной роли.

Определяющее значение имел другой вопрос, особенно интересовавший гитлеровскую Германию. Какую позицию займет Малая Антанта в случае немецкой агрессии против Чехословакии? Примет ли Венгрия участие в совместных с Германией действиях против Чехословакии? Ответ на эти вопросы зависел во многом от внешней политики Югославии.

Уже в конце марта 1938 г. венгерское правительство запросило Германию о ее позиции относительно нейтралитета Югославии в случае войны между Венгрией и «третьей державой». Оно желало знать, могла ли бы Германия выступить в качестве гаранта «эventуального нейтралитета Югославии»⁹⁹. Однако германская дипломатия не торопилась с ответом. Венгерскому правительству было предложено более подробно изложить свою точку зрения и сообщить ее Германии по дипломатическим каналам. Это и было сделано в меморандуме, врученном германскому МИД 11 апреля 1938 г. венгерским посланником в Берлине.

Венгерский меморандум¹⁰⁰ представлял собой по сути дела изложение целей и тактики внешней политики хортистского правительства в то время. Первая часть меморандума была целиком посвящена вопросу югославо-венгерских отношений. Венгерское правительство заявило о своей готовности признать существующую «трианонскую» границу с Югославией как окончательную, если Белград даст гарантию, что в случае конфликта Венгрии с одним из ее соседей Югославия останется полностью незаинтересованной. В меморандуме отмечались преиму-

⁹⁸ Там же, стр. 69.

⁹⁹ DGFP, series D, vol. II, doc. 114, p. 211.

¹⁰⁰ DGFP, series D, vol. V, doc. 190, p. 266—267.

щества, которые могут получить Венгрия и Германия в результате заключения такого соглашения. Во-первых, будет достигнуто окончательное урегулирование отношений Венгрии и Югославии, чего в течение долгого времени желала Германия. Во-вторых, будет ослаблена или развалена Малая Антанта, которая формально была направлена против Венгрии, но которую, несомненно, следует рассматривать как орудие Франции в Дунайском бассейне. В-третьих, «в случае войны с Чехословакией будет создана возможность для одновременных, т. е. немедленных действий со стороны Венгрии, не дожидаясь возможных заявлений о незаинтересованности со стороны Югославии. Остается, конечно, под вопросом, не может ли это ожидаемое заявление затянуться очень долго»¹⁰¹.

Упомянутые в третьем пункте преимущества, которые достигались в результате соглашения с Югославией, могли быть реализованы, по мнению венгерского правительства, в том случае, если заблаговременно будет обсуждено, по крайней мере в общих чертах, возможное военное сотрудничество между Германией и Венгрией против Чехословакии¹⁰². Поэтому вторая часть венгерского меморандума была посвящена вопросам военных переговоров между генеральными штабами Венгрии и Германии. Так перекидывался прямой мостик от югославо-венгерских отношений к гитлеровской агрессии против Чехословакии.

Вопрос о венгеро-югославских отношениях стал весной и летом 1938 г. одним из главных в деятельности германской дипломатии в Юго-Восточной Европе. О придаваемом ему значении говорил тот факт, что венгеро-югославские отношения были предметом специального обсуждения между Гитлером и Риббентропом в конце апреля 1938 г.¹⁰³ К сожалению, никаких более подробных сведений об этом совещании не имеется.

Факты показывают, что немецкая дипломатия взяла на себя роль посредника в переговорах между двумя странами. Через германского посла в Белграде фон Герена венгерские предложения были в полном объеме доведены до сведения югославского правительства¹⁰⁴. В конце мая 1938 г. Стоядинович сообщил в Будапешт, что он готов

¹⁰¹ DGFP, series D, vol. V, doc. 190, p. 266.

¹⁰² Там же, стр. 267.

¹⁰³ Там же, док. 191, стр. 267.

¹⁰⁴ Там же, док. 198, стр. 274.

вести переговоры с Венгрией вне рамок Малой Антанты по вопросу о положении нацменьшинства и о свободе вооружений ¹⁰⁵. Однако в своем ответе Стоядинович обошел молчанием главный вопрос, интересовавший тогда венгерское правительство: вопрос о гарантии границ и о югославском нейтралитете в случае конфликта Венгрии с третьей страной.

Переговоры между Югославией и Венгрией развивались очень медленно. Обе стороны явно не доверяли друг другу. Югославия не желала связывать себя формальным договором, который противоречил бы ее официальным обязательствам по Малой Антанте ¹⁰⁶. Венгрия же в качестве условия сближения с Югославией выдвигала вопрос о гарантиях югославского нейтралитета со стороны Германии. Однако последняя заняла уклончивую позицию. После римских переговоров Гитлера в мае 1938 г. ее отношение к венгеро-югославскому сближению стало более сдержанным ¹⁰⁷. На позицию Германии накладывало отпечаток обострение ее соперничества с Италией за влияние на Балканах. В этом новом свете она видела теперь в покровительстве Италии венгеро-югославскому сближению попытку возродить Римские протоколы и вновь создать свой блок в Юго-Восточной Европе. Поэтому визит Стоядиновича в июне 1938 г. в Венецию и визит венгерского премьер-министра Имреди и министра иностранных дел Каня в июле в Рим были холодно восприняты в Берлине.

Переговоры между Стоядиновичем и Чиано в июне 1938 г. затронули широкий круг вопросов, но основным был вопрос о позиции Югославии в случае чехословацко-немецкого конфликта. К этому времени югославское правительство уже твердо решило остаться в стороне от конфликта. Его заботы сводились к тому, чтобы неспровоцированное нападение Венгрии на Чехословакию не заставило Югославию «против своей воли» выполнить лежащие на ней обязательства. Если же Венгрия только воспользуется кризисом, вызванным Германией, и не начнет действий первой, «Югославия останется равнодушной к судьбе Чехословакии» ¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Там же, т. II, док. 284, стр. 479.

¹⁰⁶ «Германская политика в Венгрии», стр. 81.

¹⁰⁷ Там же, стр. 73—74.

¹⁰⁸ G. C i a n o. L'Europa verso la catastrofa. Verona, 1948, p. 328.

Италия одобрительно отнеслась к югославской позиции. Она была заинтересована в Югославии, от которой в значительной степени зависела судьба ее планов на Балканах. Поэтому желание Венгрии заручиться итальянской гарантией против Югославии было встречено отрицательно. «Это невозможно, — записал Чиано в своем дневнике 18 июля 1938 г. после беседы с Кая. — У нас нет ни малейшего намерения портить наши хорошие отношения со Стоядиновичем, чтобы доставлять успех более или менее демократическому правительству Имреди. Югославия автоматически бросится в руки Франции, и политические и военные преимущества, которых ось добилась в Дунайском бассейне и на Балканах, будут сведены на нет. Мы, вероятно, в любом случае подорвем Белградские протоколы в результате оккупации Албании. Но в этом случае будет достигнута несомненная выгода. Ради того, чтобы поднять итальянский флаг над этой страной, которая принадлежит нам, стоит встретиться даже с таким кризисом. Но, конечно, не сейчас, чтобы содействовать политической игре этих самонадеянных и капризных венгров» ¹⁰⁹.

Параллельно с закулисными переговорами Венгрии и Югославии шли переговоры Венгрии с Малой Антантой в целом. Румыния также подвергалась дипломатической обработке со стороны Германии и Италии. Последняя прямо выдвигала достижение соглашения с Венгрией в качестве непременного условия улучшения итало-румынских отношений ¹¹⁰. Дипломатическая возня фашистских государств вокруг Венгрии имела целью окончательно разрушить Малую Антанту и изолировать Чехословакию.

Дипломатическая активность стран оси на Балканах вызвала ответную реакцию со стороны Англии и Франции. Для укрепления своих позиций они повели сложную политическую игру вокруг Болгарии, стремясь вырвать ее из-под германского влияния. Первым шагом на этом пути должно было послужить улучшение отношений между Болгарией и странами Балканского пакта. Инициатором новой политики выступила Турция, действовавшая явно по наущению западных держав. Во время визита в Белград в мае 1938 г. турецкого премьер-министра

¹⁰⁹ «Ciano's Diary 1937—1938», p. 138.

¹¹⁰ И. Н. Б о ч а р о в. Указ. соч., стр. 78.

Д. Баяра и министра иностранных дел Р. Араса они выдвинули предложение о подписании соглашения между Болгарией и Балканской Антантой, которое признавало бы равенство Болгарии в области вооружений в обмен на заявление о ненападении и согласие на ликвидацию демилитаризованных зон во Фракии. Это предложение получило одобрение югославского правительства и стало основой для последовавших переговоров. Они развивались быстро, и в конце июня 1938 г. страны Балканской Антанты передали болгарскому правительству готовый проект соглашения¹¹¹. Тем временем, не дожидаясь его заключения, Англия начала поставлять вооружение Болгарии, а Франция повела переговоры о предоставлении Болгарии займа.

Английская активность на Балканах была, конечно, не случайна. Речь при этом шла не просто о политических и экономических позициях непосредственно на Юго-Востоке Европы, а о гораздо большем. Балканы, писал летом 1938 г. хорошо информированный дипломатический обозреватель журнала «Великобритания и Восток», — это ворота по пути на Восток, и это знает как Германия, так и Англия. «Германия стучит в дверь, ведущую на Восток. Будет ли она открыта или нет, в настоящий момент зависит, по-видимому, от трех вопросов:

1. Придет ли Венгрия к соглашению с Малой Антантой?

2. Будет ли Югославия продолжать улучшать свои отношения с западными демократиями?

3. Присоединится ли Болгария к Малой¹¹² Антанте?

Если на все эти три вопроса будет получен ответ «да», то герр Гитлер найдет дверь закрытой, запертой на засов и заколоченной»¹¹³. Правильно перечислив основные дипломатические проблемы, стоявшие на Юго-Востоке Европы, обозреватель совершенно умолчал о том, что ответ на выдвинутые им вопросы зависел в то время не в последнюю очередь от политики самих западных держав, от того, будут ли Англия и Франция продолжать попустительствовать агрессивной политике фашистских держав, будут ли они сотрудничать с Советским Союзом в деле

¹¹¹ Z. A v g a t o v s k i. Указ. соч., стр. 37.

¹¹² Явная опечатка. Далее по тексту статьи видно, что речь идет о Балканской Антанте.

¹¹³ «The Great Britain and the East», 21.VII 1938, p. 62.

создания системы коллективной безопасности и обуздания агрессоров. Однако история показала, что западные державы не хотели закрывать гитлеровской Германии «ворота на Восток». Они хотели только, чтобы на этом пути Германия не поставила под угрозу их колониальные позиции. Отсюда — их заинтересованность в Балканах и двойственность, нерешительность их политики в Юго-Восточной Европе.

31 июля 1938 г. в Салониках было подписано соглашение¹¹⁴ Болгарии со странами Балканской Антанты, по которому они отказывались от применения силы во взаимных отношениях и объявляли недействительным раздел IV Нейского договора, содержащий военные ограничения. На деле это соглашение означало лишь легализацию проводившейся болгарским правительством политики вооружений. Оно не сняло с повестки дня противоречий Болгарии со странами Балканского пакта, в первую очередь с Румынией и Грецией. Оно не изменило также и прогерманской направленности болгарской внешней политики, хотя заключение соглашения сопровождалось усилением дипломатической активности и политического влияния западных держав. Для болгарского правительства заключение соглашения было лишь политическим маневром, открывшим ему возможность лавировать между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Идти на дальнейшее сближение со странами Балканской Антанты или, тем более, присоединиться к ней Болгария не собиралась. Заключение Салоникского соглашения не могло содействовать укреплению дела мира на Балканах и уменьшению напряженности в этом районе. Оно встретило поэтому благожелательные отклики в фашистских Италии и Германии, которые видели в нем еще один шаг на пути к полному уничтожению Версальской системы. Тем не менее активность западных держав на Балканах вызывала у них скрытое беспокойство и опасения за свои позиции.

Югославия приняла самое активное участие в заключении соглашения между Болгарией и странами Балканского пакта. Стоядинович даже пытался представить его как свое личное достижение¹¹⁵. Здесь, как и в ряде дру-

¹¹⁴ Текст соглашения см.: «Documents on International Affairs. 1938», vol. I, p. 287—288.

¹¹⁵ DGFP, series D, vol. V, doc. 216, p. 296.

гих случаев, проявлялась его тактика двойного действия.

Достижение соглашения Венгрии с Малой Антантой оказалось гораздо более трудным делом. Начавшись еще в 1937 г., переговоры не увенчались успехом и к лету 1938 г. Вопрос о равноправии Венгрии в области вооружений не вызывал возражений со стороны стран Малой Антанты: все они уже давно смирились с этим свершившимся фактом нарушения Трианонского мирного договора и готовы были узаконить существующее положение. Со своей стороны Малая Антанта приветствовала готовность Венгрии выступить с заявлением в духе пакта Келлога об отказе использовать военную силу для разрешения взаимных противоречий. Однако переговоры по вопросу о положении венгерских национальных меньшинств неизменно заходили в тупик, что было сознательной тактикой венгерской стороны. Предложения Венгрии были противоречивы, она хотела добиться одних условий соглашения с Югославией и Румынией и выдвигала совершенно другие, заведомо неприемлемые условия соглашения с Чехословакией¹¹⁶. Особое беспокойство проявляли Чехословакия и Румыния в связи с требованием Венгрии о предоставлении ей права контроля за применением соглашений о национальных меньшинствах. Они считали, что такой контроль вне рамок Лиги Наций означал бы их настоящую капитуляцию в пользу Венгрии, причем созданным прецедентом могли бы воспользоваться другие страны¹¹⁷.

Переговоры с Венгрией велись от имени Малой Антанты министром иностранных дел Румынии Н. Комненом через венгерского посла в Бухаресте. Они проходили в обстановке дипломатических интриг и нажима с разных сторон, что чрезвычайно осложняло их и превращало в запутанный клубок противоречивых намерений и стремлений. Фашистские страны открыто проявляли свою заинтересованность в ходе переговоров. В действиях их посланников в Бухаресте, по свидетельству Н. Комнена, «сквозило плохо скрытое желание обольстить Югославию и Румынию венгерскими предложениями и отколоть их от Чехословакии»¹¹⁸. Дипломатия стран оси оказывала

¹¹⁶ DGFP, series D, vol. V, doc. 219, p. 299.

¹¹⁷ N. P. C o m n è n e. Preludi del grande dramma. Ricordi e documenti di un diplomatico. Roma, Ed. Leonardo, 1947, p. 65—66.

¹¹⁸ Там же, стр. 66—67.

давление и на румынского короля, и на руководителей политических партий в стране. Для достижения соглашения Венгрии с Малой Антантой использовала свое влияние также Польша, а на заключительном этапе переговоров — Англия. Характерно, что Франция занимала более сдержанную позицию, чтобы не дать повода для упрёков со стороны членов Малой Антанты, будто она оказывает давление на них ¹¹⁹.

Переговоры шли с трудом. Они показывали, что среди стран Малой Антанты не было единодушия в вопросе об отношениях с Венгрией. Югославия спокойно следила за развитием переговоров, имея уже договоренность с Венгрией по основным вопросам ¹²⁰. Ее позиция оказывала значительное воздействие на Румынию, заставляя последнюю быть более уступчивой и сговорчивой. Хотя 11 августа 1938 г. Н. Комнен заявил Венгрии от имени своего правительства, что не подпишет никакого соглашения, которое не было бы одновременно одобрено и подписано Чехословакией ¹²¹, его действия расходились со словами ¹²².

Немецкая дипломатия видела в переговорах Венгрии с Малой Антантой прежде всего еще один маневр, рассчитанный на развал этого союза. Кроме того, она желала их безрезультатным исходом подкрепить свой тезис о неуступчивости чехов и бесполезности ведения переговоров с ними. Пока переговоры шли без успеха и перспектив на достижение какой-либо договоренности; Германия спокойно наблюдала за ними со стороны. Но как только появились признаки, говорившие о возможности достижения хотя бы частичного соглашения Венгрии с Малой Антантой, немецкая дипломатия проявила известное беспокойство. Оно сказалось, в частности, в беседе Риббентропа с венгерским посланником в Берлине 17 августа 1938 г. В ответ на сообщение посланника о возможном заключении в скором времени соглашения с Малой Антантой Риббентроп ответил, что «настоящий момент представляется плохо выбранным для переговоров с Малой Антантой, к которой также принадлежит, конечно, и Чехословакия» ¹²³. Гитлеровская дипломатия явно опа-

¹¹⁹ N. P. С о м п è н е. Указ. соч., стр. 73.

¹²⁰ DGFP, series D, vol. V, doc. 215, p. 294.

¹²¹ N. P. С о м п è н е. Указ. соч., стр. 67.

¹²² DGFP, series D, vol. V, doc. 216, p. 296.

¹²³ Там же.

салась, как бы такое соглашение не облегчило положения Чехословакии.

Особый интерес представляет позиция, занятая Советским Союзом по вопросу о переговорах Венгрии с Малой Антантой летом 1938 г. Этот вопрос, совершенно не освещенный в советской исторической литературе, имеет принципиальное значение для изучения важнейших проблем советской внешней политики в период подготовки империалистическими державами мюнхенского соглашения.

Опубликованные венгерские дипломатические документы того времени показывают, что Советский Союз обращал внимание венгерского правительства на опасность, которая угрожает Венгрии со стороны Германии¹²⁴. Советский Союз предупреждал Венгрию, так же как и Польшу, что ее участие в гитлеровской агрессии против Чехословакии повлечет за собой самые серьезные последствия. В то же время, зная о колебаниях и борьбе мнений в венгерских правящих кругах, Советский Союз избегал каких-либо действий, которые могли бы окончательно толкнуть Венгрию на путь подчинения планам гитлеровской Германии. Венгерский посланник в Москве Юнгерт охарактеризовал позицию Советского Союза летом 1938 г. как «деликатное отношение к нашей стране»¹²⁵. Конечно, Советский Союз не питал иллюзий по поводу политики хортистской Венгрии и ее отношений с Германией. Советская политика была рассчитана на то, чтобы облегчить положение Чехословакии и выбить из рук гитлеровской дипломатии средства нажима на нее. Поэтому Советский Союз выдвигал и поддерживал идею о достижении соглашения Венгрии с Малой Антантой, прежде всего по национальному вопросу, и неоднократно обращал внимание венгерского правительства на необходимость урегулирования отношений с соседними странами¹²⁶.

Вопрос об отношениях с Венгрией обсуждался на сессии Постоянного совета Малой Антанты в Бледе 21—23 августа 1938 г. Сессия проходила под знаком чехословако-германского конфликта, который, естественно, был основным обсуждавшимся вопросом и наложил свой отпечаток на все принятые решения. Характерно, что чехословацкое правительство даже в это время продолжало,

¹²⁴ «Венгрия и вторая мировая война», док. 20, стр. 74—75.

¹²⁵ Там же, док. 30, стр. 96.

¹²⁶ Там же, док. 32, стр. 98.

по словам Комнена, питать иллюзии относительно намерений Гитлера. Так, на сессии Малой Антанты Крофта охарактеризовал давление, оказываемое рейхом на Чехословакию, как «ужасное», но тут же выразил мнение, что оно не приведет к войне ¹²⁷. Естественно, что такая трактовка событий давала возможность правительствам Югославии и Румынии занять двойственную, неопределенную позицию. Вопрос об их позиции в случае чехословацко-немецкого конфликта на сессии даже не был поднят. Крофта лишь поставил вопрос, что намереваются предпринять Румыния и Югославия, если Венгрия нападет на Чехословакию. Такая постановка вопроса, не отражавшая действительного положения вещей, дала возможность Комнену и Стоядиновичу заявить, что их страны полностью выполняют все обязательства, лежащие на них по договору о союзе ¹²⁸.

На деле эти заявления были пустыми словами, что прекрасно понимали сами участники сессии Постоянного совета Малой Антанты. Их реальное значение сводилось к нулю обсуждавшимися на той же сессии проектами соглашений с Венгрией о признании за ней равноправия в области вооружений и о статусе венгерских национальных меньшинств.

В силу непримиримой позиции, занятой Венгрией по отношению к Чехословакии, соглашение о национальных меньшинствах не было заключено. 23 августа 1938 г. страны Малой Антанты подписали с Венгрией так называемый Бледский протокол, который объявлял недействительными военные постановления Трианонского мирного договора и признавал за Венгрией равные с другими странами права в области вооружений. Так был разорван последний договор, бывший одним из столпов Версальской системы на Балканах. Перевооружение Венгрии было уже свершившимся фактом, и, подписав Бледский протокол, страны Малой Антанты лишь легализировали его. Гораздо важнее было другое положение протокола — об отказе от применения средств насилия во взаимных отношениях. На практике оно лишало Малую Антанту действительности даже в том ограниченном объеме, который она имела до тех пор по отношению к венгерским притязаниям.

¹²⁷ N. P. С о м п л е. Указ. соч., стр. 67.

¹²⁸ Там же, стр. 68.

Заключение Бледского соглашения было с воодушевлением встречено в фашистской Италии. «Хорошие новости из Бледа, — записал в своем дневнике Чиано 24 августа 1938 г. — Бледская встреча означает новую фазу в разрушении Малой Антанты. Чехословакия изолирована. Французская система союзов совершенно опрокинута»¹²⁹. На этот раз министр иностранных дел фашистской Италии точно оценил создавшееся положение.

Несколько по-иному восприняли Бледское соглашение в Берлине. В день подписания соглашения, 23 августа, Хорти и венгерский министр иностранных дел Каня находились в Германии. В состоявшейся в тот день беседе с Каня Риббентроп заметил, что, по его мнению, Венгрия в результате соглашения закрыла себе путь к интервенции в Чехословакии, а с другой стороны — создала дополнительные моральные трудности для Югославии, собирающейся оставить своих чехословацких союзников на произвол судьбы¹³⁰. Немецкая дипломатия заботилась, таким образом, о том, чтобы и дальше использовать венгерские притязания в своих интересах. При этом, указывая на положительные отклики в английской, французской и чехословацкой прессе, Риббентроп заметил, что за границей Бледское соглашение рассматривают как трещину в германо-венгерской дружбе и отказ Венгрии от ее политики ревизии границ¹³¹. Гитлеровский министр намеренно сгущал краски, дабы оказать давление на своего собеседника. В итоге переговоры окончились твердой договоренностью, что Венгрия примет участие в кампании против Чехословакии, однако время ее выступления будет зависеть, как и прежде, от обеспечения югославского нейтралитета¹³². Венгры крайне переоценивали возможность выступления Югославии в поддержку Чехословакии. Однако немцы, желая набить себе цену в их глазах, не рассеивали этих заблуждений.

Тем не менее остается фактом, что заключение соглашения Венгрии с Малой Антантой явилось до известной степени неожиданным для немецкой дипломатии. В инструкции, разосланной германским МИД своим основным миссиям, указывалось, что «отказ Венгрии от применения

¹²⁹ «Ciano's Diary 1937—1938», p. 146.

¹³⁰ DGFP, series D, vol. II, doc. 383, p. 610.

¹³¹ Там же, док. 390, стр. 623.

¹³² Там же, док. 392, стр. 626.

силы против Чехословакии, хотя бы и представленный всего лишь как цель будущих переговоров, кажется нам нежелательным, особенно в настоящий момент»¹³³. Немецкой прессе было дано указание замалчивать Бледское соглашение и воздерживаться от любых комментариев. Беспокойство гитлеровцев было не случайным: заключением этого соглашения Венгрия пыталась уклониться от участия в военной авантюре против Чехословакии, от участия в осуществлении так называемого «плана Грюн»¹³⁴.

Германия оказала сильный нажим на Венгрию, чтобы ее руками свести к нулю значение заключенного в Бледе соглашения. Во время переговоров Риббентропа и Каны 25 августа 1938 г. в Берлине было решено, что практическое значение соглашения в основном будет зависеть от трактовки, которая будет дана ему венгерской печатью в течение ближайших недель¹³⁵. В то же время увеличение объема венгерских требований к Чехословакии по вопросу о нацменьшинствах должно было создать такие условия, которые исключали возможность вступления Бледского соглашения в силу. Действуя таким путем, Германия рассчитывала ликвидировать нежелательные для нее последствия соглашения Венгрии с Малой Антантой.

Следуя немецким советам, Венгрия продолжала обострять свои отношения с Чехословакией, выдвигая все более неприемлемые требования в связи с положением венгерских нацменьшинств. В интервью немецкой газете «Фолькишер Беобахтер» венгерский премьер-министр Имреди заявил уже 27 августа 1938 г., что Бледское соглашение вступит в силу только после того, как будет достигнута полная договоренность о положении венгров в Чехословакии¹³⁶. Одновременно в заявлениях других венгерских государственных деятелей и в прессе давалось понять, что Венгрия не имеет никаких претензий к Югославии и Румынии, с которыми уже достигнуты такие соглашения, но еще не подписаны, так как они выжидают, когда Чехословакия окончательно определит свою позицию.

¹³³ DGFP, series D, vol. V, doc. 221, p. 301.

¹³⁴ А. И. П у ш к а ш. Венгрия во второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии (1938—1944 гг.). М., 1963, стр. 26.

¹³⁵ DGFP, series D, vol. II, doc. 390, p. 623.

¹³⁶ DGFP, series D, vol. V, doc. 223, p. 302—303.

Несмотря на недовольство Германии, увидевшей в соглашении Венгрии с Малой Антантой проявление колебаний венгерской внешней политики, Бледское соглашение объективно было выгодно фашистским государствам. В этом смысле Италия проявила более глубокое понимание его истинного значения. Фактически это соглашение было еще одним шагом в сторону ослабления связей стран Малой Антанты между собой; еще больше увеличивало их расхождения. Сессия Постоянного совета Малой Антанты в августе 1938 г. в югославском курортном городе Бледи была последним совместным политическим действием Югославии, Румынии и Чехословакии. Это была лебединая песня Малой Антанты.

Внешняя политика Югославии в период Мюнхена. Крах Малой Антанты

Бурное развитие событий в период подготовки и проведения мюнхенского сговора империалистических держав и обилие сообщений о важнейших дипломатических шагах великих держав отвлекли внимание мировой общественности от политики малых европейских государств в тот период. Действительно, они играли второстепенную роль в разыгравшейся на их глазах трагедии Чехословакии. Однако они понимали, что в Мюнхене решается участь не только одной Чехословакии, но в той или иной мере определяется и их судьба. Их политика в то время была пронизана страхом за свое будущее. Но хотя они были не в силах изменить ход событий, их позиция все же сказывалась в международных делах и накладывала определенный отпечаток на действия великих держав. Воссоздавая картину событий времен мюнхенского сговора, мы не можем поэтому обойти вниманием позицию малых европейских государств, особенно союзников Чехословакии по Малой Антанте — Югославии и Румынии.

Внимание всех без исключения слоев населения Югославии осенью 1938 г. было, по словам немецкого посла в Белграде, «практически монополизировано развитием германо-чехословацких отношений»¹³⁷. Немецкая дипломатия внимательно следила за состоянием югославского

¹³⁷ DGFP, series D, vol. II, doc. 463, p. 747.

общественного мнения. Она отдавала себе отчет в том, что в Югославии очень широкое распространение получили антифашистские настроения. И то, что они не находили отражения в полной мере на страницах югославской прессы, немецкое посольство в Белграде относило целиком в счет заслуг правительственной цензуры. «Пресса является здесь всего лишь совершенно испорченным барометром общественного мнения,— писал в Берлин немецкий посол в Югославии Герен.— Не следует закрывать глаза на тот факт, что сознание известной общности судьбы с Чехословакией все еще очень распространено среди югославского населения»¹³⁸. Он отмечал также, что идея сохранения статус-кво на чешско-венгерской границе является политическим кредо самых широких кругов и образует солидный базис для обязательств, принятых Югославией на себя по пакту Малой Антанты. В то же время возможность раздела Чехословакии воспринимается как «прямая угроза самой Югославии». Немецкий посол с особой тревогой отмечал, что подобные идеи были распространены не только в оппозиционных кругах, но и преобладали среди командного состава югославской армии¹³⁹.

Какую позицию займет Югославия в случае чехословацко-германского конфликта? Этот вопрос не был так прост. Правда, немецкая дипломатия нисколько не сомневалась, что правительство Стоядиновича сохранит нейтралитет даже в случае вооруженного нападения Германии на Чехословакию. Значительный опыт ведения дел со Стоядиновичем позволял ей с полным основанием рассчитывать на такую позицию Югославии.

Но это была лишь одна сторона вопроса, и не она беспокоила Германию. Дело заключалось в другом. Сможет ли правительство Стоядиновича удержаться у власти в случае чешско-германского конфликта? Зная о напряженной внутриполитической борьбе в Югославии вокруг вопросов внешней политики, немецкая дипломатия считала, что в случае вооруженного участия Венгрии в разделе Чехословакии нейтральная политика правительства Стоядиновича неизбежно вызовет опасное противодействие среди народа и в армии¹⁴⁰. Возможные последствия такого

¹³⁸ DGFP, series D, vol. II, doc. 463, p. 747—748.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, стр. 749.

развития событий трудно было предвидеть. «Оппозиция в Югославии сильна и политическое убийство всегда возможно, — говорилось в меморандуме германского МИД о возможной позиции различных стран в случае начала военных действий против Чехословакии, — и в таком случае Югославия произвела бы мобилизацию против Венгрии»¹⁴¹. Поскольку немецкой дипломатии не удалось нейтрализовать Югославию путем заключения двустороннего венгеро-югославского договора, она вынуждена была учитывать это обстоятельство и вносить соответствующие коррективы в свою политику.

Под влиянием вышеизложенных фактов и учитывая возможные позиции Югославии и Румынии, немецкая дипломатия в течение сентября 1938 г. вырабатывала свою тактическую линию в отношении расчленения Чехословакии. Ее суть сводилась к тому, чтобы постараться локализовать чешско-германский конфликт и с внешней стороны представить его в виде лишь судето-немецкого вопроса. Что же касается Венгрии, то немецкая дипломатия ставила задачу в максимальной степени использовать для дипломатического шантажа претензии Венгрии к Чехословакии, сдерживать на первых порах ее непосредственное, тем более военное участие в расчленении Чехословакии и держать его в резерве по возможности дольше¹⁴². Такой тактикой гитлеровская Германия хотела не только избежать нежелательных осложнений и различных неожиданностей со стороны Югославии и Румынии, но и еще крепче приковать к себе хортистскую Венгрию.

Маневры гитлеровской дипломатии в отношении Венгрии облегчались тем обстоятельством, что само венгерское правительство не верило в нейтральность Югославии¹⁴³. Оно считало, что в случае активного выступления Венгрии против Чехословакии Югославия произведет мобилизацию своей армии и может даже открыть военные действия. Оно не изменило своей точки зрения даже несмотря на заверения в обратном со стороны Германии и Италии¹⁴⁴. Эти опасения венгерских правящих кругов, пусть даже

¹⁴¹ Там же, док. 436, стр. 709.

¹⁴² Там же, док. 463, стр. 748—749.

¹⁴³ C. A. M a s c a r t n e y. October Fifteenth. A History of Modern Hungary. 1929—1945. Part 1. Edinburgh, 1957, p. 244.

¹⁴⁴ DGFP, series D, vol. II, doc. 506, p. 816—817.

необоснованные, сыграли определенную роль в формировании позиции Венгрии в период мюнхенского сговора ¹⁴⁵.

Обострение международного положения и прямая угроза гитлеровской агрессии против Чехословакии создали в Югославии крайне напряженную обстановку.

Правительство Стоядиновича, видимо, само чувствовало опасность своего положения. Не имея возможности ослабить оппозиционное движение, оно решило застраховать себя от угрозы военного переворота и политического давления со стороны армейских кругов. Можно полагать, что оно руководствовалось именно этими соображениями при назначении в самом конце августа 1938 г. на пост военного министра генерала М. Недича, известного своими пронемецкими взглядами ¹⁴⁶.

В тревожные сентябрьские дни 1938 г. еще больше углубилась и расширилась пропасть, отделявшая внешнюю политику правительства от настроений югославских трудящихся масс.

С резким осуждением профашистской политики Стоядиновича выступила Коммунистическая партия Югославии, развернувшая в связи с внешнеполитическими событиями большую активность. В листовках и воззваниях, нелегально распространявшихся по стране, КПЮ указывала югославскому народу на огромную опасность, которую представлял для национальных интересов и независимости страны внешнеполитический курс правительства. Широкий отклик получили в стране обращения КПЮ к народу в дни Мюнхена. Наряду с разоблачением истинных мотивов политики югославских правящих кругов, в них содержался также призыв к свержению антинародного правительства М. Стоядиновича и созданию «правительства народной обороны, которое даст отпор фашистским агрессорам». КПЮ решительно высказывалась за коренное изменение внешней политики Югославии, за союз со всеми странами, которые были готовы бороться против

¹⁴⁵ Как считает чехословацкий историк А. Орт, опасениями перед выступлением стран Малой Антанты и объясняется умеренная позиция Венгрии в дни мюнхенского кризиса. См. А. Ort. *Malá dohoda a Mnichov*. «Československý časopis historický», 1954, roč. II, N 2, str. 227—245.

¹⁴⁶ Не следует путать генерала Милутина Недича, военного министра в правительстве Стоядиновича, с его родным братом, генералом Миланом Недичем, который в годы войны возглавил квислинговское сербское правительство.

немецкого и итальянского фашизма, в первую очередь за союз с СССР ¹⁴⁷.

В противовес профашистской политике правительства Стоядиновича югославский народ выражал горячие симпатии к чехословацкому народу. В стране состоялись многочисленные митинги, которые проходили под лозунгом «Будем защищать Чехию» ¹⁴⁸. На них выступали не только коммунисты, но и представители буржуазной оппозиции и различных антифашистских политических течений.

Особенно активно проявила себя югославская молодежь, среди которой развернулось широкое движение за оказание непосредственной помощи чехословацкому народу. На митинге в Белградском университете один из ораторов заявил: «Если понадобится, из этого университета отправятся первые батальоны добровольцев на защиту демократической Чехословакии» ¹⁴⁹. Тысячи югославов обращались в чехословацкое посольство в Белграде с заявлениями о своей готовности отправиться в Чехословакию в качестве добровольцев ¹⁵⁰. В развернувшейся по всей стране записи добровольцев за короткий срок более 60 тыс. человек выразили свою готовность встать на защиту независимости Чехословакии ¹⁵¹. По мере развития международного кризиса настроения народных масс Югославии все чаще проявлялись в открытых выступлениях, принимавших антиправительственный характер. В ряде городов страны проходили демонстрации, требовавшие оказания действенной помощи Чехословакии.

Антифашистские настроения в Югославии вызывали беспокойство в гитлеровской Германии. Немецкий посол сообщал из Белграда, что в стране наблюдается «резкий рост чувств славянской солидарности с чехами и русскими. Большое число националистов из кругов организаций «Сокол» и «Народна одбрана», — писал он 24 сентября 1938 г., — также принимают участие в уличных демонстрациях, организуемых со вчерашнего дня левыми силами. Энергичное повсеместное вмешательство со сто-

¹⁴⁷ V. Dedićer. J. Broz-Tito, str. 247.

¹⁴⁸ С. М и р и ч. КПЮ и Мюнхенское соглашение. «Международная политика», 16 апреля 1959 г., Белград, стр. 17.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 536.

¹⁵¹ С. М и р и ч. Указ. соч.

роны полиции вплоть до настоящего времени не дало демонстрациям принять большие размеры»¹⁵².

Значительное усиление антифашистских и антинемецких настроений захватило в большей или меньшей мере все балканские страны¹⁵³. Стремясь заглушить широкое движение в поддержку Чехословакии, югославское правительство запретило в конце сентября 1938 г. проведение любых митингов и конференций в стране¹⁵⁴.

Огромное влияние на общественное мнение Югославии оказывала твердая и последовательная линия советской внешней политики. Советский Союз готов был защищать независимость чехословацкого народа от агрессии со стороны гитлеровской Германии, и правду о его позиции нельзя было скрыть от народных масс. Ее доносили до самых широких слоев населения коммунистические партии балканских стран, в том числе компартия Югославии. Агрессивная политика Германии и открытое попустительство ей со стороны Англии и Франции вызывали в балканских странах рост патриотизма и антифашистских настроений. Компартии этих стран разъясняли народным массам, что предательство Чехословакии со стороны ее западных союзников означает прямую угрозу независимости других народов. Особенно широкую деятельность в связи с мюнхенским сговором развернули коммунисты Югославии и Румынии, т. е. стран, связанных с Чехословакией союзными договорами и составлявших вместе с нею Малую Антанту.

С формальной точки зрения у Чехословакии были достаточно сильные союзники, которые при наличии доброй воли могли надежно защитить ее от захватнических притязаний гитлеровской Германии.

Как же проявили себя ее союзники в трагические для чехословацкого народа дни? На деле только Советский Союз был готов прийти ей на помощь.

Франция вступила на путь сговора с фашистской Германией и стремилась направить ее агрессию на восток, против Советского Союза. Для этого она была готова предать своего союзника, принести в жертву независимость чехословацкого народа и целостность чехословацкого государства. Еще более откровенно действовала в духе этой

¹⁵² DGFP, series D, vol. II, doc. 595, p. 923.

¹⁵³ «The Great Britain and the East», 22.IX 1938, p. 316.

¹⁵⁴ «Радничке новине», 30.IX 1938.

политики Англия, не связанная никакими двусторонними обязательствами с Чехословакией. Такой же политики придерживались и США.

Союзники Чехословакии по Малой Антанте — Югославия и Румыния — следовали в фарватере политики западных держав. Однако их положение было далеко от безопасной позиции постороннего наблюдателя. Исход европейского кризиса прямо ставил вопрос об их дальнейшей судьбе. В случае удовлетворения немецких требований к Чехословакии европейское равновесие было бы окончательно нарушено, а страны Юго-Восточной Европы, в том числе Югославия и Румыния, были бы с головой выданы на милость гитлеровской Германии. Эта мысль, неоднократно звучавшая в чехословацких дипломатических документах ¹⁵⁵, не была чужда и государственным деятелям Югославии и Румынии. Можно было бы надеяться, что она окажет на них отвращающее воздействие и заставит занять вместе с Советским Союзом четкую позицию в поддержку Чехословакии. Однако этого не случилось. Наоборот, эти страны, так же как и западные державы, предали интересы своего союзника Чехословакии. Особенно наглядно антинародная, предательская по отношению к национальным интересам своих стран сущность политики югославского и румынского правительств предстает в свете твердой и последовательной советской внешней политики этого времени.

В трагические дни Мюнхена Советский Союз занял не только ясную позицию, но и выступил с четким планом дипломатических шагов, которые он считал необходимыми для защиты независимости Чехословакии. Наиболее полно тактическая линия советской дипломатии была сформулирована заместителем Народного комиссара иностранных дел СССР В. Потемкиным в беседе с французским послом в Москве Кулондром 11 сентября 1938 г.:

«1. Обращение к Лиге Наций на основании статьи 11 Устава для констатации авторитетнейшей частью Лиги факта угрозы германской агрессии для соответствующего воздействия на позицию стран, идущих за Францией, Англией и СССР.

¹⁵⁵ «Новые документы из истории Мюнхена», док. 31, стр. 84; док. 40, стр. 107—108; док. 43, стр. 106.

2. Совещание СССР, Франции и Англии, имеющее целью опубликование декларации, могущей предупредить нападение Германии на Чехословакию.

3. Консультация представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии.

4. Не допускающее никаких недоразумений и кривотолков заявление наркома о решимости правительства СССР в случае нападения Германии на Чехословакию выполнять вместе с Францией все свои обязательства по советско-чехословацкому пакту с использованием всех доступных нам для этого путей»¹⁵⁶.

Изыскивая конкретные пути и формы оказания помощи Чехословакии в случае военного конфликта с гитлеровской Германией, советское правительство считало, что наряду с этим необходимо «исчерпать все меры предотвращения военного конфликта, и одной из таких мер,— говорил Народный комиссар иностранных дел СССР М. Литвинов в речи на пленуме Лиги Наций 21 сентября 1938 г.,— мы считаем немедленное совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша»¹⁵⁷. Это были слова и дела истинного друга чехословацкого народа. Однако западные державы, а вместе с ними и Югославия и Румыния не приняли советских предложений.

В противоположность ясной и четко выраженной линии Советского Союза правительство Югославии старалось скрыть от своего народа правду о своей политике. К тому имелись веские причины: ведь по существу это была политика предательства своего союзника. Позиция Югославии в отношении германо-чехословацкого конфликта вполне определенно была охарактеризована Стоядиновичем в беседе с немецким послом Гереном 15 сентября 1938 г. Удовлетворительное разрешение конфликта, заявил Стоядинович, кажется ему возможным только на основании принципов, выдвинутых в речи Гитлера, а именно «предоставление судебским немцам полного права на самоопределение»¹⁵⁸. Стоядинович не мог не видеть, что политика Германии была направлена на раскол Чехословакии и подчинение ее немецкому фашизму. Поддержка им

¹⁵⁶ «Новые документы из истории Мюнхена», док. 30, стр. 81—82.

¹⁵⁷ Там же, док. 46, стр. 125.

¹⁵⁸ DGFP, series D, vol. II, doc. 492, p. 803.

немецких требований была прямым пособничеством гитлеровским планам. «Его позиция как премьер-министра, — говорил далее Стоядинович, — по отношению к судето-немецкому вопросу является такой же, какой она была по отношению к австрийскому вопросу (внутреннее дело немецкого народа)» ¹⁵⁹.

Сравнение Стоядиновичем «судето-немецкого вопроса», т. е. немецких планов в отношении Чехословакии, с «австрийским вопросом» лишний раз подтверждает, что он не питал иллюзий относительно немецких целей. Однако в этом высказывании не менее характерным является другой момент. Всего лишь немногим более четырех месяцев тому назад, в мае 1938 г., на сессии Совета Малой Антанты в Синайе Стоядинович отверг обсуждение судето-немецкого вопроса, считая его внутренним делом Чехословакии и в силу этого не подлежащим обсуждению со стороны Малой Антанты ¹⁶⁰. Теперь же его точка зрения изменилась коренным образом и полностью соответствовала гитлеровским взглядам. Другой стороной такой метаморфозы являлась решимость югославского правительства остаться «незаинтересованной стороной» при разрешении возникшего кризиса.

Заявляемая Югославией позиция была не случайной и отражала не только ее точку зрения. На формирование политики югославских правящих кругов оказывали огромное влияние западные державы, особенно Англия ¹⁶¹. Идя в хвосте их политики и горячо одобряя идею сговора западных держав с гитлеровской Германией на антисоветской основе, югославское правительство не собиралось предпринимать никаких мер в поддержку Чехословакии. Югославия не поддержала советского предложения вынести вопрос о германской угрозе Чехословакии на обсуждение Лиги Наций и созвать международную конференцию всех заинтересованных государств. Она не желала, таким образом, оказать своему союзнику даже моральной поддержки.

Не имея возможности совершенно отказаться от своих обязательств по Малой Антанте и желая ввести в заблуждение югославскую общественность относительно своих

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ DGF, series D, vol. V, doc. 199, p. 274—275.

¹⁶¹ DBFP, third series, vol. II, doc. 774, p. 241; doc. 795, p. 260—261.

истинных намерений, правительство Югославии вместе с правительством Румынии заявили, что они придут на помощь Чехословакии в случае нападения на нее Венгрии¹⁶². Как и следовало ожидать, за словами югославского правительства не стояло действительное желание оказать поддержку чехословацкому народу.

Достаточно сравнить позицию Югославии с позицией Советского Союза, чтобы понять двуличность и двусмысленность югославской политики в это время. В период, когда гитлеровская угроза нависла над Чехословакией, Советский Союз принял меры для оказания ей действительной помощи. Советское командование сконцентрировало на западной границе 30 стрелковых дивизий, не считая кавалерийских; авиация и танковые части были приведены в полную боевую готовность¹⁶³. Поскольку в гитлеровской агрессии против Чехословакии можно было ожидать участия Польши, Советский Союз предпринял решительные шаги для предотвращения угрозы чехословацкой территории с этой стороны. Советское правительство предупредило правительство Польши, что в случае вступления польских войск на территорию Чехословакии оно расценило бы это как акт агрессии и «вынуждено было бы без предупреждения деонсировать» советско-польский договор о ненападении от 25 июля 1932 г.¹⁶⁴ Так действовал Советский Союз.

Какие же меры предприняло правительство Югославии для оказания помощи Чехословакии и предотвращения возможного нападения на нее со стороны Венгрии? Сделав заявление об оказании в этом случае помощи Чехословакии, Югославия не подкрепила его делами. Югославия не произвела мобилизации своей армии, хотя бы даже частичной. Не было произведено и перегруппировки югославских войск, хотя соседняя Венгрия произвела мобилизацию нескольких возрастных составов, о чем было превосходно известно югославскому генеральному штабу¹⁶⁵.

Третий член Малой Антанты — Румыния — проявляла большее беспокойство, ибо ее противоречия с Венгрией

¹⁶² «Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939», стр. 536.

¹⁶³ «Новые документы из истории Мюнхена», док. 53, стр. 139—140.

¹⁶⁴ Там же, док. 50, стр. 132—133.

¹⁶⁵ DBFP, third series, vol. III, doc. 48, p. 12.

были острее и глубже, чем у Югославии. В правящих кругах Румынии считали не исключенной возможность, что венгры могут воспользоваться немецко-чехословацким конфликтом для сведения с нею счетов. Страх за целостность своей территории заставил румынское правительство принять на всякий случай военные меры и мобилизовать около трети резервистов в армию¹⁶⁶. Но Румыния не собиралась, так же как и Югославия, предпринять что-либо в пользу Чехословакии.

Тем не менее свидание Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене 15 сентября 1938 г. и англо-французская нота Чехословакии от 19 сентября с требованием передать Германии Судетскую область заставили Югославию и Румынию сделать некоторые шаги. Понимая, что участь Чехословакии уже предрешена, Югославия и Румыния заботились только о том, чтобы Венгрия не слишком усилилась за счет захвата чехословацких земель. 19 сентября 1938 г. Румыния обратилась к Югославии с предложением совместно выступить перед великими державами против венгерских притязаний на Словакию. Это предложение было принято. Однако Стоядинович от имени югославского правительства подчеркнул, что он считает Малую Антанту мертвой, а взаимные отношения двух стран — Югославии и Румынии — строятся отныне на их договоре о союзе против Венгрии, дополненном протоколом от 21 мая 1929 г.¹⁶⁷ На этой основе он давал согласие на совместное выступление, которое от имени двух правительств заявляло бы, что они не будут видеть угрозы миру, если Венгрия ограничится только требованиями передачи ей тех районов Чехословакии, которые имеют венгерское большинство, но что они решительно против ее претензий на всю Словакию с населением около 4 млн. человек¹⁶⁸.

25 сентября 1938 г. состоялась встреча Стоядиновича и Комнена в югославском городе Субботице, на которой были уточнены некоторые детали совместного югославо-румынского выступления. Однако это уже не имело никакого отношения ни к Малой Антанте, которая, по словам Стоядиновича, перестала существовать, ни к действиям в защиту Чехословакии. Обеим странам была хорошо известна позиция западных держав. Как сообщил Стоя-

¹⁶⁶ Z. A u g a t o v s k i. Указ соч., стр. 51.

¹⁶⁷ N. P. С о м н ђ и е. Указ соч., стр. 104—105, 109.

¹⁶⁸ Там же, стр. 110.

динович Комнену, за два дня до их свидания, 23 сентября 1938 г., английский посланник в Белграде прямо заявил ему, что «Англия не собирается сражаться за три миллиона судетских немцев, но Германия могла бы сражаться в этом случае». При этом Стоядинович добавил, что с военной точки зрения Германия и Италия оставили позади Францию и Англию в такой степени, что в случае войны можно предвидеть безусловную победу первых. «По этим соображениям его страна и Румыния должны оставаться нейтральными во что бы то ни стало, по крайней мере на первом этапе военных действий»¹⁶⁹, — резюмировал Стоядинович. Румынский министр иностранных дел согласился с этими мыслями.

Встреча Стоядиновича и Комнена в Субботице показала, что Малая Антанта перестала существовать на международной арене. Югославия, а вместе с ней и Румыния не считали себя больше связанными трехсторонними соглашениями с Чехословакией. Они отказались также от последнего звена, связывавшего страны Малой Антанты, — противодействия венгерским стремлениям к пересмотру границ, дав фактически согласие на пересмотр чехословацко-венгерской границы и включение в состав Венгрии тех чехословацких территорий, где венгерское население составляло большинство. Их возражения против включения Словакии в состав Венгрии исходили из иных соображений, чем защита Чехословакии. Но даже и в этом вопросе ни Югославия, ни Румыния не собирались выходить за рамки чисто дипломатических действий.

Таким образом, заявление югославского правительства о готовности прийти на помощь Чехословакии в случае нападения Венгрии было пустыми словами. Лживость этого обещания, его лицемерность и двуличный характер особенно ясно проявились в том факте, что югославское правительство одновременно с этим доводило до сведения фашистских государств о своем решении не принимать никаких мер даже в случае венгерского нападения на Чехословакию. Так, еще 24 сентября 1938 г. Югославия сообщила итальянскому правительству, что она останется нейтральной в любом случае¹⁷⁰. Одновременно Венгрия, действовавшая в соответствии с немецкими и итальянскими

¹⁶⁹ N. P. Сошнèне. Указ. соч., стр. 120.

¹⁷⁰ «Ciano's Diary 1937—1938», p. 161.

советах и желавшая избежать такого поворота событий, который мог бы гальванизировать труп Малой Антанты, сообщила югославскому и румынскому правительствам, что она считает себя связанной Бледским соглашением по отношению к ним ¹⁷¹. В результате этих заявлений создавалось положение, напоминающее молчаливое «джентльменское» соглашение о взаимном нейтралитете на время раздела Чехословакии, в котором намеревалась принять участие и Венгрия.

Больше того, Стоядинович довел до сведения венгерского министра иностранных дел Кая о готовности югославского правительства выступить в Праге в качестве посредника в деле уступки Чехословакией населенных венграми территорий ¹⁷². При этом Стоядинович выдвигал два условия: во-первых, чтобы венгерское правительство «сделало удовлетворительное заявление относительно безопасности Югославии» и, во-вторых, точно обозначило территории, на которые оно претендует, но без включения в их число Словакии и Закарпатской Украины, с чем Югославия была не согласна. Венгерское правительство расценивало последнее как нежелание Стоядиновича видеть Венгрию настолько усилившейся, что она могла бы стать опасной для Югославии ¹⁷³.

Однако Венгрия, несмотря на благожелательное отношение к ней Югославии, так и не сделала подобных заявлений. Относительно «гарантий безопасности Югославии», т. е. заявления об окончательном признании югославо-венгерской границы и отказе от «венгерских ирредентистских целей» в Югославии, венгерская дипломатия в принципе готова была пойти навстречу правительству Стоядиновича. Но она не делала этого шага из опасений, что может встретиться с подобными же требованиями со стороны Румынии, а последней она не собиралась идти на уступки ¹⁷⁴. И, конечно, Венгрия не собиралась отказаться от претензий на Словакию и Закарпатскую Украину. Она выдвигала принцип предоставления им «права на самоопределение», рассчитывая на их присоединение к Венгрии после проведения «референдума» ¹⁷⁵. Венгерская

¹⁷¹ DGFP, series D, vol. V, doc. 225, p. 306; N. P. С о м н è н е. Указ. соч., стр. 123.

¹⁷² DGFP, series D, vol. II, doc. 660, p. 992.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же, док. 645, стр. 976.

¹⁷⁵ Там же, док. 660, стр. 992.

дипломатия не теряла надежды, что в Белграде «поймут разумность венгерских требований»¹⁷⁶.

Попытки Венгрии действовать с помощью немецкой дипломатии не увенчались успехом. Германия, заинтересованная в большей степени в нейтралитете Югославии и Румынии, а также не желавшая по тактическим соображениям удовлетворения венгерских притязаний в полном объеме, не поддержала ее. В самый канун Мюнхенской встречи Геринг сообщил Стоядиновичу, что Германия не желает чрезмерного усиления Венгрии и не думает помогать ей в ее намерениях¹⁷⁷. Согласно венгерским сведениям, Геринг в ходе беседы с югославским послом зашел даже настолько далеко, что обещал немецкие гарантии Югославии и Румынии на будущее против венгерских претензий к ним в обмен за нейтралитет в период чехословацкого кризиса¹⁷⁸. Таков был исход совместных действий Югославии и Румынии в период мюнхенского сговора империалистических держав, исход, который удовлетворил гитлеровскую Германию, так как обеспечивал их нейтралитет в период раздела Чехословакии. Это был бесславный конец Малой Антанты.

Картина югославской внешней политики в это время была бы неполной без учета оценки мюнхенского соглашения правительством Югославии. Его позиция была ясно выражена в беседе Стоядиновича с немецким послом Гереном в Белграде 4 октября 1938 г. Как сообщал Герен, «Стоядинович выразил мне свое постоянное и безграничное восхищение политикой фюрера, который сумел мирными средствами на протяжении полугода увеличить рейх на 10 млн. жителей»¹⁷⁹. Югославия, заверял Стоядинович, проявляла полное понимание с самого начала в отношении германских претензий на судето-немецкую территорию и не считает, что югославские интересы поставлены в результате этого под угрозу¹⁸⁰.

По-иному отнеслись к мюнхенскому соглашению народные массы Югославии. Немецкий посол в Белграде, стараясь смягчать выражения, в своем донесении в МИД призывал не допускать ошибки и не игнорировать тот

¹⁷⁶ «Венгрия и вторая мировая война», док. 42, стр. 105.

¹⁷⁷ N. P. S o m p è n e Указ. соч., стр. 138—139.

¹⁷⁸ C. A. M a c a r t n e y. Указ. соч., ч. I, стр. 272.

¹⁷⁹ DGFP, series D, vol. V, doc. 229, p. 311.

¹⁸⁰ Там же.

факт, что «в настоящее время произошло изменение в отношении югославского населения к Германии». Наряду со страхом перед могущественными соседями, особенно перед Германией, писал он, в стране продолжает наблюдаться «рост симпатий, усиленный в результате германо-чешского конфликта, к чешскому «братскому народу», который был выдан на милость германскому колоссу»¹⁸¹. Резкий рост антигерманских и антифашистских настроений в Югославии был немаловажным итогом мюнхенского сговора. В дальнейшем это обстоятельство сыграло значительную роль при организации антифашистской освободительной борьбы югославских народов в годы второй мировой войны.

* * *

Мюнхенский сговор империалистических держав имел самые катастрофические последствия для Югославии, которые затронули все без исключения стороны жизни страны. Во внешнеполитическом плане произошло новое резкое изменение соотношения сил в Европе, давшее на этот раз бесспорное преобладание фашистским государствам над западноевропейскими державами. Гитлеровская Германия не без основания расценила мюнхенское соглашение как отказ Англии и Франции от влияния на Востоке и Юго-Востоке Европы и предоставления ей права решать судьбы этой части мира. Венский арбитраж 2 ноября 1938 г. показал, что гитлеровская Германия в своей агрессивной разбойничьей политике не встречает серьезного сопротивления западных держав. Тем самым для гитлеровской Германии и фашистской Италии был создан прецедент, оправдывавший их дальнейшее вмешательство в дела любой страны на Юго-Востоке Европы.

Мюнхенский сговор похоронил Малую Антанту и фактически лишил Югославию союзников. Ей не на кого было теперь опереться во внешней политике. Последствия такого положения не замедлили сказаться. Они почти сразу же проявились во вновь оживших претензиях Венгрии и Болгарии на отдельные части югославской территории¹⁸². Противоречия, заложенные опрокинутой уже

¹⁸¹ DGFP, series D, vol. V, doc. 232, p. 315.

¹⁸² «Венгрия и вторая мировая война», док. 63, стр. 134; DGFP, series D, vol. V, doc. 240, p. 325.

Версальской системой, продолжали действовать и отражать отношения между балканскими государствами.

Исчезновение Чехословакии как самостоятельной военной силы резко изменило к худшему военно-стратегическое положение Югославии. Если три страны, входившие в Малую Антанту, представляли вместе внушительную военную силу, с которой приходилось считаться, то одна взятая отдельно Югославия не могла противостоять Италии и Германии. Изменение военно-стратегического положения в Европе, начавшееся с ремилитаризации Рейнской области и перевооружения Германии, после мюнхенского сговора превратилось для Югославии практически в изоляцию.

Антисоветская политика югославских правящих кругов делала невозможным сближение Югославии с Советским Союзом.

Неблагоприятное военно-стратегическое положение Югославии немедленно отразилось на ее отношениях с фашистскими государствами. Так, если раньше Германия всячески заигрывала с Югославией и предоставлением ряда льгот, а иногда и уступок склоняла ее на свою сторону, то теперь их отношения изменились. В глазах гитлеровской верхушки Югославия после Мюнхена утратила свое прежнее значение. Период флирта окончился.

В высказываниях руководящих деятелей гитлеровской Германии в ее адрес зазвучали уже пренебрежительные нотки. «Югославия... не может приниматься в расчет из-за своего географического положения», — говорил, например, в середине октября 1938 г. президент Германского телеграфного агентства О. Мейер в беседе со своим венгерским коллегой о политике Германии на Востоке и Юго-Востоке Европы¹⁸³. Таков был закономерный итог внешней политики Югославии, открыто антисоветской и прогерманской.

Происшедшие изменения сказались и на экономических отношениях Югославии с Германией. Захват гитлеровцами ряда чехословацких территорий с развитой промышленностью усилил Германию в экономическом отношении. Она захватила в свои руки ту часть югославской внешней торговли, которая приходилась на эти территории (а после захвата Чехословакии в марте 1939 г. — весь объем югославо-чехословацкой торговли), а также установила

¹⁸³ «Венгрия и вторая мировая война», док. 63, стр. 131.

контроль за чехословацкими капиталовложениями в Югославию. В результате роль Германии и ее влияние в югославской экономике вновь существенно выросли.

Но этим далеко не исчерпываются экономические последствия Мюнхена для Югославии. Основным и наиболее существенным в этой области было изменение характера экономических отношений между Югославией и Германией. Если раньше Германия для экономической экспансии в Югославию, как и на Балканах в целом, использовала в основном экономические средства проникновения (система высоких цен, клиринговых соглашений, валютных махинаций и т. п.), то после Мюнхена она все более открыто стала прибегать к политическому нажиму. Сравнение поездки Я. Шахта по странам Юго-Восточной Европы летом 1936 г. с аналогичной поездкой министра экономики Функа в октябре 1938 г. наглядно показало, какие большие изменения произошли в экономических отношениях Германии с балканскими странами. В экономическом смысле, писала английская газета «Таймс» о немецких позициях в этих странах, они являются «потенциальными доминионами Германии»¹⁸⁴. Хотя английская газета выдвигала это положение в качестве заманчивой перспективы для Германии, его предпосылки были к тому времени уже налицо. Сказанное выше целиком относится и к германо-югославским экономическим отношениям.

В области внутренней политики мюнхенский сговор отразился на резком обострении национального, особенно хорватского, вопроса. В великосербских кругах широкое распространение получили опасения, что нерешенность хорватского вопроса при определенных условиях может послужить для фашистской Италии и гитлеровской Германии поводом для раскола Югославии. Эти страхи усилили борьбу и грызню внутри правящего лагеря, где начала складываться группировка, выступавшая против Стоядиновича и его политики, за сговор с хорватской буржуазией и большую гибкость в международных делах.

Правительство Стоядиновича, пойдя вслед за западными державами по пути сближения с гитлеровской Германией, зашло настолько далеко, что вызвало недовольство и опасения даже со стороны поддерживавших его ранее

¹⁸⁴ «The Times», 18.XI 1938.

буржуазных кругов Югославии. После Мюнхена Стоядинович отбросил маневрирование в югославской внешней политике и определенно стал склоняться к странам оси. Сближение с Германией сопровождалось усилением фашизации внутренней жизни страны. Югославский радикальный союз все больше усваивал фашистскую идеологию. Подражая Гитлеру, Стоядинович открыто проявлял фюрерские наклонности и любил при каждом удобном случае принимать позу «вождя югославского народа».

В период, последовавший после Мюнхена, в Югославии начала складываться немецкая «пятая колонна». В стране открыто действовали фашистские агенты. Большой размах приобрела деятельность «культурбунда», объединявшего большинство югославских граждан немецкого происхождения. В его руководстве безраздельно хозяйничали национал-социалистские элементы, тесно связанные с различными разведывательными службами и учреждениями нацистской партии. Во многих югославских городах были созданы так называемые «туристские бюро», которые наводнили страну немецкими «туристами», занимавшимися шпионажем. В Хорватии резко усилили пропагандистскую и подрывную деятельность усташа. Рост сепаратистских течений наблюдался также в других национальных областях страны.

Таковы в общих чертах были последствия мюнхенского сговора для Югославии. Они породили новые противоречия, которые развивались уже в иных исторических условиях, в условиях политического кризиса в Европе в 1939 г. и в начальный период второй мировой войны и в конечном итоге привели к краху буржуазной монархо-фашистской Югославии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец Версальской системы в Юго-Восточной Европе

Мюнхенский сговор покончил с Малой Антантой. Вместе с ней канули в лету последние остатки Версальской системы в Юго-Восточной Европе, хотя посеянные ею семена раздора остались. За пять с половиной лет, прошедших со времени прихода фашизма к власти в Германии до мюнхенского сговора империалистических держав, политическая обстановка на Балканах и в Дунайском бассейне в корне изменилась. Особенно ясно эти изменения отразились во внешней политике Югославии. От союза с Францией и Малой Антантой она эволюционировала в сторону сближения с гитлеровской Германией и фашистской Италией. В этом процессе сыграли свою роль самые различные факторы: и реакционная политика правящих кругов страны, и политика попустительства западных держав агрессивным актам гитлеровской Германии, и происки последней. Единственным связующим их звеном была ненависть к Советскому Союзу.

Своим политическим острием мюнхенский сговор был направлен против Советского Союза. Однако он не уменьшил противоречий между самими империалистическими державами. Пойдя по пути сговора с гитлеровской Германией на антисоветской основе, западные державы ослабили свои собственные позиции. Мюнхенская политика Англии и Франции ставила под угрозу не только национальные интересы народов Юго-Восточной Европы, но и угрожала им самим. В частности, падение их влияния

и развал Малой Антанты, служившей долгое время опорой французской политике, существенно изменило соотношения сил в Европе в пользу фашистской Германии. Как показала история, западные державы в конечном счете сами попались в ловушку, которую они готовили для Советского Союза: первые удары гитлеровской военной машины обрушились на них самих.

В период аншлуса Австрии и раздела Чехословакии — одного из ее членов — Малая Антанта оказалась парализованной. Конечно, было бы ошибкой и чрезмерным преувеличением возлагать вину за это только на Югославию. Однако не подлежит сомнению, что югославские правящие круги также несут определенную ответственность за мюнхенский диктат, за предательство своего союзника — Чехословакии.

История внешней политики Югославии и германо-югославских отношений в 1933—1938 гг. позволяет сделать ряд выводов. Во-первых изучение германо-югославских отношений в рассматриваемый период показывает, какими бесцеремонными методами действовала гитлеровская Германия для достижения своих целей. Она не останавливалась ни перед чем. Организация преступного террористического акта против югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту, как доказывают неопровержимые факты, является делом рук немецких фашистов. Экономическая экспансия германского империализма на Балканах также служила политическим целям. Германия сумела использовать образование оси Берлин—Рим в своих интересах и воздействовать на внешнюю политику Югославии. Последняя оказалась слабым звеном в Малой Антанте. В конечном итоге германские усилия, направленные на подрыв Малой Антанты, увенчались успехом.

Во-вторых, колебания внешней политики Югославии и ее поворот в сторону сближения с гитлеровской Германией и фашистской Италией превратили страну в объект острой борьбы между империалистическими державами. Это сделало Белград на определенное время важным центром дипломатической активности в Европе. Югославские правящие круги пытались представить экономические и политические уступки, которые делались в этот период великими державами по политическим соображениям в пользу Югославии, как доказательство роста ее между-

народного авторитета в результате проведения «независимого» курса внешней политики. Важными этапами эволюции югославской политики явилось заключение болгаро-югославского «пакта о вечной дружбе» (январь 1937 г.) и итало-югославского договора о нейтралитете (март 1937 г.). Мюнхенский сговор положил конец этому периоду сравнительно благоприятной конъюнктуры для политических маневров правящих кругов Югославии.

Далее, в основе поворота внешней политики Югославии в сторону сближения с фашистскими державами лежал ярый антикоммунизм югославской буржуазии и правящих кругов. Югославия была надежным звеном антисоветского санитарного кордона, созданного версальскими миротворцами вокруг Советского Союза. Рост германской угрозы показал несовместимость антисоветской политики с борьбой против империалистической экспансии гитлеровской Германии. Попытки французской дипломатии использовать Малую Антанту, созданную для охраны Версальской системы на Юго-Востоке Европы, для защиты от германской экспансии не увенчались успехом. Они только показали глубокие противоречия, разделявшие страны Малой Антанты между собой, а также Францию с Югославией. После заключения в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров Югославия встала на путь отхода от союза с Францией и Малой Антанты. Хотя экспансия германского империализма представляла огромную опасность и для югославской буржуазии и правящих кругов, их классовая ненависть к стране социализма — Советскому Союзу оказалась сильнее страха перед гитлеровской Германией.

Кроме того, пример Югославии показывает, что антикоммунизм не только ослепляет реакционные слои, стоящие у власти, и затмевает их разум до такой степени, что приносятся в жертву в конечном счете национальные интересы своей страны, но и неизбежно заводит их политику — как внутреннюю, так и внешнюю, — в тупик. Для югославской внешней политики в предвоенный период это особенно ясно проявилось в период после Мюнхена, когда роль Югославии на международной арене резко упала. Гитлеровская Германия перестала считаться с ней, уверенная, что правящие круги Югославии не примут участия ни в каких антигитлеровских комбинациях в международной политике. Так правящие круги Югосла-

вии, пойдя по пути антикоммунизма, на деле поставили под угрозу независимость своей страны.

Наконец, политика отхода от союза с Францией, подрыва Малой Антанты и сближения с фашистскими государствами, прежде всего с гитлеровской Германией, и особенно антисоветская политика правящих кругов вызывали возмущение в народных массах Югославии. Сближения с Германией не одобряли также многие влиятельные буржуазные деятели, в том числе и в правящих кругах. Вопросы внешней политики страны во все большей мере становились объектом острой внутривластной борьбы. Поэтому немецкие успехи в отношениях с Югославией были очень непрочными. Руководители внешней политики гитлеровской Германии не питали, по-видимому, на этот счет никаких иллюзий. Добившись отхода Югославии от прежней внешнеполитической линии и старых союзников, они не смогли, по крайней мере в этот период, связать ее с фашистской осью. Главная заслуга в этом принадлежала прогрессивным политическим течениям и особенно Коммунистической партии Югославии. Они сумели своевременно показать народным массам страны ту угрозу, которую нес им немецкий фашизм.

Именно благодаря самоотверженной борьбе коммунистов и всех прогрессивных сил народы Югославии выступили в годы второй мировой войны на стороне антифашистской коалиции и под руководством КПЮ внесли свой вклад в дело разгрома гитлеровской Германии. Победа в освободительной борьбе открыла путь к строительству новой, социалистической Югославии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аврамовский Ж. 8, 129
Александр, король Югославии
12, 15, 35, 46, 47, 52, 57, 58,
61—64, 68, 69, 71—74, 96, 97,
161, 264
Андрич И. 126, 127, 178, 211
Антонеску В. 132
Арас Рюштю 80, 160, 225,
237
Арсов П. 156, 157, 163

Бабурица П. 111
Балугджич Ж. 45, 46, 108
Банац Б. 111
Барту, Луи 41, 48—50, 52,
56—59, 62—64, 68, 69, 71,
74, 77, 96, 264
Бастид 184
Бауэр А. 98
Баш А. 8.
Баяр Д. 237
Бек 129
Белоусова З. С. 6
Бенеш Э. 10, 17, 20, 24, 25,
34, 41, 60, 90—92, 128, 132,
133, 172, 181, 182, 184
Беранже 41
Бергер 167, 168, 178
Бергер-Вальденегг Е. 82, 90—
92
Бессенъи 88
Бибер Д. 8, 48, 61—63
Блюм 186
Бойль Э. 155
Бонне 223
Борис, царь болгарский 150,
155—157, 193
Бошковиц Б. см. Филипович Ф.
Братиану Г. 127
Бружер 213
Бути 167
Бухбергер 80

Бюлов 77, 78
Валев Л. Б. 6
Ванситтарт 115
Варнава 198
Вильдер В. 99
Вильсон 171, 173, 180
Виммер 124, 156, 160, 178,
211, 212

Гаврилович М. 110
Галифакс 207, 223
Гамелен 112
Гембеш 16, 33
Гендерсон Н. 35, 44, 45, 109,
215, 216
Георгиев, Владо (Владо-шофер,
он же — «Черноземски» п
«Келемен») 70
Герен фон 48, 65, 108, 114—
117, 141, 147, 185, 190, 234,
246, 252, 258
Геринг Г. 47, 48, 62, 66, 69,
70, 72, 73, 93, 107, 108, 141,
184, 185, 205, 206, 231, 232, 258
Гесс 66, 67
Гёш фон 116, 190
Гинденбург 64, 66, 67
Гитлер А. 3, 34, 41, 45, 47,
48, 55, 62, 64—67, 69, 95,
108, 119, 132, 151, 184, 205,
206, 214, 226, 232, 234, 235,
237, 242, 252, 255, 262
Гога О. 210
Гоптнер Дж. 5, 169, 192, 215
Горкич М. 106
Грол М. 113
Гутенберг 31
Давидович Л. 99
Даладье 223
Дараньи 231

- Деак Ладислав 181
 Дельбос И. 186, 205, 209
 Демидова А. П. 114
 Джурич 26, 59
 Ди Кампальто 87
 Дольфус 33, 38, 42, 53, 54, 66, 67
 Дрлевич С. 14
 Дуфор А. 15, 35
 Елич Б. 65
 Ефтич Б. 33, 42, 80, 87, 88, 90, 99—102, 108, 109, 112
 Живкович П. 100, 102, 108, 109, 110
 Иден А. 59, 60, 85, 114, 115, 203
 Имреди 235, 236, 244
 Инделли М. 151, 176
 Иненю Исмет 184
 Иванович Драголюб 103
 Иванович И. 43, 99, 110
 Кая, Калман 33, 88, 231, 235, 236, 243, 244, 257
 Карагеоргиевич, Арсений 114
 Кароль, король Румынии 72, 117, 128, 133, 210
 Кватерник 169
 Кюссеванов Г. 156—158, 61, 162, 164, 184
 Клодиус 145
 Комнен Н. 10, 73, 215, 239, 240, 242, 255, 256
 Корощец А. 100—102, 170, 174, 197, 204
 Коррадов Т. 74, 75
 Космелли 94
 Криевич 111
 Крофта 181, 242
 Кругманн Р. 222
 Кулондр 251
 Кэмпбелл Р. 213
 Лаваль Пьер 59, 60, 74, 77, 82—84, 95, 96
 Лебрен 186
 Леже А. 54, 180
 Летич Д. 185
 Липпай З. 6
 Литвинов М. М. 60, 117, 216, 252
 Люрц 173
 Макдональд 23
 Макевзен 179
 Макрей Р. 8
 Марек 92
 Мартинац 126
 Мастный 20
 Мачек В. 99, 102, 197, 200, 201
 Мейсс К.-Д. 4, 5, 63, 151
 Мейер О. 260
 Менеменчоглу, Нумен 80
 Метаксас 123, 124
 Мештрович И. 98
 Миркович Н. 63, 111
 Михайлов, Ванчо (Иван) 14, 70
 Мяханович 111
 Муссолини 14, 15, 26, 33, 41, 48, 57—59, 66, 71, 72, 74, 76, 78, 84, 88, 127, 150, 167, 188
 Настасиевич 53
 Невиль 189
 Недич М. 248
 Нейрат фон 9, 20—23, 29, 64—67, 73, 108, 109, 115—118, 147, 149, 156, 167, 168, 171, 175, 180, 181, 184—193, 205, 207, 213, 231, 232
 Нейхаузен Ф. 48, 185
 Некрич А. М. 6
 Орт. А. 248
 Павел (Карагеоргиевич), принц-регент Югославии 74, 87, 97, 100, 101, 108, 109, 111—118, 128, 130, 131, 147, 151, 152, 156, 157, 161, 168, 177, 184—187, 189—191, 193, 197, 207, 215
 Павеллич А. 14, 59, 61, 71, 169, 175
 Папен 119, 120, 131, 132, 140
 Парович Б. 106
 Петен 49
 Петр II, король Югославии 97
 Перович Иво 97
 Поль-Бонкур 28
 Потемкин В. 251
 Пурч Б. 90, 171, 177
 Пушкаш А. И. 6

Цетри 49

Расич 61

Риббентроп 64, 150, 190, 213,
226, 230, 234, 240, 243, 244

Розенберг, Альфред 11, 48, 61,
64—68, 73, 230, 231

Роше 180

Рюмелин 168, 181, 186, 193

Саймон Д. 23, 25, 26, 59, 85,

Серафим Г. 64

Сетон-Уотсон Х. 8

Спахо М. 99—101

Станкович, Раденко 97

Станоевич, А. 100

Степинац А. 98

Стивенс У. 224

Стоядинович М. 97, 100—105,
107—112, 116—118, 122, 124,
130—132, 141, 142, 145, 151,
152, 157, 158, 160, 162, 164,
166—168, 170—173, 175, 177,
178, 180—182, 184, 185, 187—
189, 191, 193, 196—200, 202—
209, 211—216, 225, 228—230,
232, 234, 235, 237, 238, 242,
246, 248, 249, 252, 253, 255—
258, 261, 262

Стоядинович С. 95

Субботич И. 168—170, 172, 173,
176.

Сувич 41, 90, 109

Табуи, Женовьева 132

Таргалья Т. 98

Тито, Иосип Броз 107,

Титулеску Н. 25, 42, 90, 117,
118, 127, 130—132, 135

Томич 198

Томленович Т. 98

Троје В. 8, 138

Турок В. М. 6

Узунович Н. 99

Филипович Филипп (Бошкович
Б.) 5

Фолльгрубер 82, 90, 94, 109, 180

Фомин В. Т. 6, 7

Фотич К. 25, 59

Функ 261

Хаак Г.-Э. 62

Хассель У. 6, 136

Хогг Р. 113

Хорнобостель 82

Хорти 150, 243

Цинцар-Маркович А. 118, 184

Чемберлен 189, 203, 207, 223,
225

Чемпалов И. Н. 6

Чинано, Галеаццо 10, 149, 150,
152, 168—178, 184, 211, 225, 230,
235, 236, 243,

Шахт Я. 140—143, 261

Шейкару П. 132

Шипшич Ф. 98

Шмид 90, 126, 127, 131, 150

Шпейдель, Ганс 62, 69, 70

Штаремберг Э. 39, 42, 119

Шушниц 82, 83, 214

Эдуард VIII 114, 115, 156

Эррио Э. 49, 56, 74

Юнгорт 241

Юришич М. 153, 157

Язькова А. А. 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. Политическая обстановка в Юго-Восточной Европе и внешняя политика Югославии в 1933 — первой половине 1935 г. Операция «Тевтонский меч»</i>	11
Внутриполитическое и международное положение Югославии в начале 30-х годов. Возобновление германской экспансии в Дунайском бассейне и позиция Малой Антанты	11
Приход фашизма к власти в Германии и заключение Организационного пакта Малой Антанты. Борьба Малой Антанты против Пакта четырех держав. Малая Антанта и СССР.	17
Усиление итало-югославских противоречий. Национал-социалистский путч в Австрии 25 июля 1934 г. и позиция Югославии. Отношение Югославии к созданию системы коллективной безопасности.	33
Операция «Тевтонский меч»	53
Проект Дунайского пакта и политика стран Малой Антанты	74
<i>Глава II. Поворот внешней политики Югославии и подрыв Малой Антанты (1935—1937 гг.)</i>	97
Борьба классов и партий в Югославии в 1935—1936 гг. Правительство М. Стоядиновича и его политика	97
Германское экономическое проникновение в Югославию	133
Болгаро-югославский «Пакт о вечной дружбе» (январь 1937 г.) и его место в системе международных отношений на Балканах	148
Итало-югославский договор о нейтралитете (25 марта 1937 г.) и его значение. Подрыв Малой Антанты. Визит фон Нейрата в Белград	167

Глава III. Внешняя политика Югославии в период аншлюса Австрии и раздела Чехословакии. Развал Малой Антанты	195
Политическая борьба в Югославии во второй половине 1937 — начале 1938 г. и ее отражение на внешней политике страны. Дипломатическое турне Стоядиновича	195
Аншлюс Австрии и отношение к нему Югославии. Обострение политической напряженности в Юго-Восточной Европе	210
Югославо-венгерские отношения и Малая Антанта. Бледское соглашение (август 1938 г.)	230
Внешняя политика Югославии в период Мюнхена. Крах Малой Антанты	245
Заключение	
Конец Версальской системы в Юго-Восточной Европе	263
Указатель имен	267

Волков Владимир Константинович

Германо-Югославские отношения и развал малой Антанты (1933—1938 гг.)

Утверждено к печати Институтом славяноведения АН СССР

Редактор Г. Е. Габриелов, редактор издательства Г. В. Моисеев
Технический редактор Л. А. Кленовская

Сдано в набор 20/V 1966 г. Подписано к печати 19/VII 1966 г. Формат 80×103¹/₁₂
Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 1500 экз. Т-07857
Тип. зак. 873
Цена 91 коп.

Издательство «Наука» Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука» Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ПРЕДЛАГАЕТ ВНИМАНИЮ
ЧИТАТЕЛЕЙ КНИГИ ПО ВОПРОСАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Шмераль Я. Б. Создание Чехословацкого государства.
20 л. 10000 экз. 1 р. 45 к. (III)

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на развитие революционного движения народных масс и в Чешских землях, и в Словакии и имела большое значение для образования Чехословацкого государства. В книге подробно рассматриваются предпосылки возникновения Чехословацкой республики, процессы, непосредственно связанные с образованием Чехословацкого государства. В работе дается характеристика возникновения государства, рассматривается деятельность правительств, политических партий. Используется большое число архивных источников, автор разоблачает закулисные махинации многих буржуазных деятелей того времени. Подробно рассматривается развитие революционного движения, формирование революционной оппозиции в рядах социал-демократии, ряд аспектов сложной проблемы распада Австро-Венгерской монархии.

Книга рассчитана на историков, экономистов, юристов, а также на широкий круг пропагандистов, студентов и аспирантов.

Темплан 1967 г. I полугодие.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ В МАГАЗИНАХ

«АКАДЕМКНИГИ»:

Бирман М. А. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. 1957. 390 стр. 2 вкл. 25 к.

Бромлей Ю. В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. (Из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в.). 1959. 320 стр. 1 р. 20 к.

Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов. 1960. 731 стр. 4 вкл. 3 р. 08 к.

Достян П. С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. 1958. 195 стр. 1 вкл. 30 к.

Из истории русско-болгарских отношений. Сборник статей. 1958. 292 стр. 50 к.

Марков Д. Ф. Болгарская поэзия первой четверти XX века. 1959. 287 стр. 50 к.

Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. Сборник статей. 1957. 332 стр. 1 р. 29 к

91 non.